

Альберт Миртахутдинов

Кр.Ш6(2-р)7

М 688

**СПРОСИ,
ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ
ДУХОВ**

НОВИНКИ-СОВРЕМНИКА

Альберт Мифтахутдинов

Спроси
заклинателей
духов

Рассказы
и повести

«Современник»
Москва · 1982

Мифтахутдинов А. В.

M68 Спроси заклинателей духов: Рассказы и повести.— М.: Современник, 1982.— 303 с.— (Новинки «Современника»).

И в новой книге писатель Альберт Мифтахутдинов остается верен северной теме. Герои его произведений — «Перегон лошадей к устью реки Убиенки», «Орден Костяной Пластинки», «Запах мимозы», «Спроси заклинателей духов», «Отражение в реке» и других — живут и работают на Чукотке. Это полярники, летчики, геологи, моряки, охотники, оленеводы. Но где бы они ни трудились, в какие бы жизненные ситуации ни попадали, их объединяет полярный кодекс чести, ответственность за себя, за товарища, за общее дело.

Книга проникнута лиризмом, мягким юмором, доскональным знанием северного быта. Читатель откроет для себя особый мир современника — человека, живущего в полярных широтах, «на краю земли», но в гуще проблем сегодняшнего дня.

4702010200—082 37—82
М М106(03)—82

БК84Р7
P2

**Спроси
заклинателей духов**

Рассказ

1. В октябре 1924 года (Аляска) Кнуда Расмуссена посетил Великий Заклинатель Духов Наягnek. Среднего роста сильный старик, огонь в глазах и властный голос. Наружность у него была ужасающая: маленькие пронзительные глазки дико блуждали, нижняя челюсть хлябала под неплотно наложенной повязкой, какой-то человек, желая убить его, обезобразил ему лицо.

Великий Полярный Путешественник спросил у Великого Заклинателя Духов:

— Из чего состоит человек?

— Из тела, как видишь, из имени, которое ты унаследовал от умершего. И еще из чего-то, из непостижимой силы, которую мы зовем «ютир» — душа. Она дает всему жизнь, форму, внешность.

— Как, по-твоему, живут люди?

— Они разобщены... они слабы, потому что не умеют отдаваться чему-нибудь одному сразу. Великий охотник не должен быть одновременно великим женолюбцем. Но никто не в силах перестать это делать.

2. Когда прилетел вертолет, нам оставалось только снять палатку — все давно было собрано, вертолет прилетел на пять дней позже срока. Мы лихорадочно забрасывали груз, хотя, в общем-то, торопиться было некуда. Летчики бродили по берегу реки, собирали отбракованные нами камни, те, что покрасивее, а один умудрился даже пристроиться с удочкой и выловить хилого чебачка.

На аэродроме мы долго ждали машину и в поселке появились только к вечеру. Почта еще работала, и, свалив на кухне рюкзаки, мы ринулись сломя голову на «востребования». Еще бы — полтора месяца без писем.

Каждый получил по пачке корреспонденции. Читать

решили дома, а сейчас — в магазин, до его закрытия тоже оставалось не так много.

Нас четверо. Начальник отряда Жуков, два студента — рабочие, оба Саша (чтобы их не путать, начальник, как в детском саду, всех называл по фамилии), и я.

Ключи от квартиры нам оставил старый приятель, укативший в отпуск. Однокомнатное холодяцкое жилье — койка, стол и книжные стеллажи. Спальные мешки мы распаковали тут же. Каждый лежал в своем углу и читал письма. Если долго не бывает вестей, письма надо рассортировать по штемпелям, а самые важные читать последними.

Студенты закончили письма и стали вертеться перед зеркалом, рассматривая свои первые в жизни бороды. Затем с трудом одолели вино и ринулись в клуб на танцы.

Я подивился какой-то странной — наступившей вдруг — тишине. И чему-то тревожному, появившемуся в доме.

Жуков лежал закрыв глаза.

Я разлил по стаканам вино, принес ему, присел рядом.

— Что случилось?

Он протянул письмо.

Письмо было длинным, я не стал читать.

— Отсюда есть прямые рейсы на Москву? — спросил он.

— По вторникам.

— А сегодня?

— Суббота.

— Сколько у нас денег?

— Все деньги у тебя, — напомнил я ему.

— Ах, да... На билет туда хватит...

— Дадим телеграмму, в понедельник пришлют... Но зачем?

Он опять протянул письмо, и мне пришлось его прочитать.

— Ты ее любишь?

Он вздохнул:

— За неделю в Москву и обратно я успею. А начальство в Магадане не узнает.

— Летать в Москву выяснять отношения? Может быть, она тебя разводом просто пугает?

Он покачал головой.

— Давно у вас это?

— К этому шло, — сказал Жуков.

— Надо закончить работу... закончить до снега... в Москву успеешь потом... не горит...

— Со стороны видней, — усмехнулся он.

— Видишь, как благодарно — собрала вещички и укатила. Оставила тебе в Магадане квартиру и любимого кота... А ты полетишь в Москву унижаться...

Я знаю, не надо вмешиваться в личные дела, но ведь он сам дал мне письмо. Мне хотелось разозлить его, чтобы он успокоился.

— Очень мило — не дожидаться даже возвращения с поля... Видать, очень ты ей нужен!.. Ну и забудь... постарайся... Вернемся в Магадан, видно будет.

— Не надо об этом... — сказал он и выпил вино. Потом встал, зашагал по комнате, налил себе еще... — Какое мерзкое пойло...

Я знал, если он поедет и вернет ее — будет еще хуже, вернет себя в добровольное рабство на всю жизнь. Ничего хорошего из этого не получалось, были случаи, посмотрелся. К тому же я боялся, что мне придется одному упираться со студентами.

— Жуков, а мне ведь нужно на охотучасток... Пожалуй, я сегодня и пойду... А? Вернусь в понедельник... мне нужно, у меня там дела... сам знаешь...

— Ты ее любишь? — спросил он.

— У нас это давно... я каждый год сюда приезжаю... И в отряд к тебе напросился, чтобы работать здесь...

— Показал бы хоть...

— Увидишь, еще не вечер... давай-ка ужинать...

Он пошел на кухню открывать банки, а я стал накрывать на стол.

3. Мы сидели на толстом стволе лиственницы, выброшенной морем. Небольшой костерок тлел рядом. Костер нам со стариком Керго не нужен, он просто так, для души. Огонь для еды рядом с домом, там колдует старуха Имаклик, жена Керго, готовит чай и мясо.

Здесь на берегу пять избушек, один большой сарай — бывший склад. Летом обитаема только одна избушка — дом Керго. Сарай пуст, зимой в нем хранилось моржовое мясо, охотничья утварь, брезент, палатки, ремни, шкуры.

Теперь в нем гуляет ветер. Зимой на этом охотучастке будет так же пустынно, охотники переселились дальше на север, на берег Ледовитого океана, а Керго остался. Здесь тоже берег Ледовитого, южная оконечность небольшого уютного залива, тут всегда спокойно. Вот и сейчас мы смотрим на гладь воды, греемся на солнце. Тепло и тихо — август.

Я пришел вчера ночью. От поселка участок недалеко — сорок километров по берегу моря. Зато весь берег пустынен, без жилья, без следов человека, потому-то и возможна охота на этом самом ближнем участке. Но все-таки другие охотники перебрались подальше. Им видней, а Керго спокойней. Вот только скучно зимой будет, в гости ездить далеко придется.

Рад был ночному гостю Керго, мы с ним дружим давно — лет десять. Почти каждый год видимся.

Бабушка Имаклик запалила в ночи костер, повесила котел с мясом — молодую нерпу застрелил днем на берегу Керго. В котле потроха и кровь с жиром, хороший суп — хлебово, его обычно зимой готовят, сытный. Нашлась у меня заветная бутылочка, знал, что к друзьям иду — досидели почти до утра.

— Прибавилось ли что-нибудь в твоей коллекции? — спросил я старика.

Он сходил в дом, вернулся с ящиком. Раскрыл его. Там между двумя фанерками, перевязанными ремнями, оказалась картонка и бумаги. На картонке привинчены значки ОСОВИАХИМ, «Ворошиловский стрелок», «Отличник сельского хозяйства», медали ВДНХ, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», значок «Ветеран труда Магаданской области», «Ударник коммунистического труда», орден «Знак Почета», знак из моржовой кости «40 лет Чукотскому национальному округу» и еще несколько, я не разобрал при свете ночного костра. Были три грамоты, подписанные И. Папаниным.

Не первый раз смотрю я его реликвии. Вот и сейчас я выразил вслух удивление и восхищение.

Довольный старик аккуратно все запаковал как было и отнес в дом.

Керго, пожалуй, самый старый на побережье. О нем и заметка в районной газете была «Ровесник века». Только думается мне, он вовсе не ровесник, а чуточку старше. Сам не помнит, когда родился. Он помнит только

события. Много родственников у него разбросано по тундре, не сосчитать. А знают-то его повсюду — и на востоке Чукотки, у эскимосов, и у южных чукчей, и на западном берегу. Жена его — Имаклик эскимоска. Это третья его жена или четвертая, я не знаю, нехорошо чужих жен считать.

...Мы сидим на бревне, смотрим на море и молчим. На море можно смотреть бесконечно долго.

Я соскальзываю с бревна, ложусь на землю поближе к костру, смотрю на небо и подсвеченные красным облака. Ранние утки на красном небе меняют строй. Кажется, сказочный змей летит. Почему у чукчей и эскимосов в фольклоре нет змей? Да просто нет тут никаких гадов, не водятся. Откуда же им и в фольклоре взяться?

Правда, один раз я видел, но это было далеко отсюда, Керго знает где.

Пришел я как-то в один из августов, года два было тому, к Керго. Заказать одежду на зиму — в августе как раз забой оленей на одежду — каанматгыргын называется, «забой тонкошерстного оленя». Сам он морской охотник, но к нему подкочевывают пастухи, можно заказать, ему не откажут.

— Оpozдал,— сказал тогда Керго.— Давай чай пить.

За чаем выяснилось, что если выйти на моей лодке к устью реки, впадающей в залив, и дальше идти вверх по течению несколько дней, а потом, возможно, и пешком, то можно прийти в тайгу. Туда откочевывали его родственники, далеко, может, к самой границе с якутами или ламутами. Уж там-то разжиться одеждой и шкурами запросто.

Я согласился. Но не ради меня отважился на такое путешествие старый Керго. По всей тундре разбросаны его многочисленные родственники, он даже не знает, где их и сколько. А если и знает, то видится редко. Просто захотел увидиться с людьми, любившими его или бывшими от него в зависимости еще по тем временам, — как никак, он — «ровесник века».

Долго мы плыли на юг, а потом шли пешком путями, известными только Керго. Ходит он неторопливо — некуда спешить, но не устает, ходить умеет.

Здесь перекрещивались пути чукчей и эвенов. И неподалеку было священное место эвенов, его чукчи обходили. Эвены хранили там коготь громадной птицы-духа.

Я видел этот коготь. К птице он не имел никакого отношения. Это был рог ископаемого шерстистого носорога, который эвены принимали за коготь священной птицы. Но я никому ничего не говорил — не надо разочаровывать людей, живущих не по твоему уставу. Я и Керго не сказал о том, что был в местах поклонения эвенов.

Три дня гостили мы у оленеводов. Им надо откочевывать дальше, а нам возвращаться на север. Да и чего тужить — трех дней вполне хватило. И в последний день вечером увидел я стариков, сидящих вокруг пня, а на пне небольшая коричневая лягушка. У каждого в руке был нож. Последовательно по кругу старики расчленили лягушку.

— Тебе нельзя, — тихо, но строго сказал Керго, и я ушел с глаз подальше. Но сам Керго был в числе тех, кто сидел вокруг пня.

Потом он мне рассказал, что это старинное южное гаданье. У лягушки почти нет крови. Так вот, с чьим ударом выступит капелька крови, тому в скором времени уходить в мир иной, к верхним людям. Круг идет до первой крови. Как только выступит капля — остальные бросают ножи. Это может быть и с первым ударом, и с последним, а иногда тушку лягушки выбрасывают, не доводя дело до конца — когда нет крови и дальше продолжать страшно.

В тот раз выпало на Илеле.

— А где сейчас старик Илеле? — спросил я Керго.

— Умер, — спокойно ответил он, словно это произошло давным-давно.

По моим расчетам лягушек там водиться не должно, наверно, совсем к югу уходили — как знать? А у старика я не спросил. И забыл про южное гаданье, да вот август напомнил, сейчас тоже время каанматгыргын.

Праздник забоя прошел, пастухи ушли. Только я у Керго совсем по другому делу. Но он действительно бывший шаман, и какая-то чертовщина все-таки еще владеет им, он угадывает мои мысли и посмеивается. И я решаю вывести его на чистую воду и спрашиваю в лоб, зная, что молчать или обманывать он не будет.

— Ты знал Алитета?

— Да.

— И Коровье, его отца?

— И отца...

— А сколько давал Коровье американцу Чарли, торговцу. Сколько давал за винчестер?

— Восемь песцов... — вспомнил Керго, — трех лисиц... пыжика много — десять или двенадцать...

— А Алитет? Сколько Алитет отдал Чарли за вельбот?

— Шесть шкур белого медведя... — думает Керго, — и еще два мешка песцовых и лисьих шкур... и еще много-много клыков... от моржа.

— А отец Алитета шаманил?

— Да... Коровье большой шаман был...

— Как Керго? — смеюсь я.

— Нет, — качает головой Керго, — я еще не умел...

— Потому что не знал Наягнека?

— Наягnek!.. — И лицо Керго выражает удивление. Наверное, он поразился, что Наягнека еще помнят. Вот и я, не имеющий к нему никакого отношения, все же знаю о Наягнеке.

— Наягnek, о! — только и повторил старик.

И задумался. Потом сказал:

— Он знал силу... знал душу... знал, из чего человек...

— Ты его на той стороне пролива встречал? — спросил я.

— Мне отец рассказывал, как я видел Наягнека... и встречался с ним... в Америке... мы оба были там... потом сюда приехали... я не помню Великого Заклинателя, но отец говорил, он разговаривал со мной... мал я был, не помню... хорошо разговаривал... Коровье это не понравилось, когда узнал...

— А-а... — догадался я, — Наягnek, наверно, тебя благословил, а Коровье ревновать стал... дело ясное.

— Не знаю, — признался Керго.

— А кто из вас сильнее — ты, Коровье или Наягnek?

— Наягnek — Великий... Зачем спрашиваешь? Я не спрашиваю, зачем ты пришел?

Я смущаюсь и молчу.

— Ты ищешь Эмуль. Ее нет, она на побережье... Скоро придет... оттуда, — он показал рукой на восток. — Туда ушла на вельботе... Скоро вельботы придут. Каждый год ты приходишь, зачем? — лукаво улыбается старик. — Дом твой далеко, а ты приходишь?

— Мы тут работаем неподалеку.

— В прошлом году не работали и в позапрошлом не работали, а ты приходил.

— Не работали,— соглашаюсь я.— Передай Эми, что я приходил.

— Она и так узнает.

— Откуда?

— Имаклик скажет,— кивнул он в сторону старухи.—

Женщины...

— Понятно. Пусть скажет. Я к ней приходил, к Эми.

— Ты не увезешь Эмуль?

— Нет... одна жена у меня была,— смеюсь я.

— Ну и что... Вам же можно... много,— намекает он на мое татарское происхождение.

— А вам? — намекаю ему на его прошлое.

Легкая улыбка вспыхнула вдруг на его лице и затерялась в морщинах.

— Не увози,— серьезно сказал старик.

— Знаю... нельзя ей в городе.

— У тебя другие дела... — внимательно посмотрел он на меня. — Не она, у тебя другие дела.

Я опять поразился его всевидению.

— Да,— согласился я.— Мне идти дальше, только я не знаю, как лучше.

— Хорошо, ты не забываешь друзей... Ты Юрия ищешь? Да?

— Да...

— Ему плохо... найди его...

— Ты сможешь, Керго?

Он молча кивнул:

— Когда пойдешь?

— Сегодня. Чай вот попью — и тогда.

Я никому не говорил, что ищу Юрия. Керго просто понял меня. Месяц тому в поселке, куда я на три дня вырвался за продуктами для нашего полевого отряда, встретились мне рыбаки из совхоза. Они все и рассказали.

Юра Ровтын — моторист совхоза — возвращался из поселка вместе с двумя товарищами на лодке-дюральке. Залив был спокоен. Небольшое волнение застало их уже у самого дома. Здесь лодка и перевернулась. Никто из троих плавать не умел. Удалось спастись одному Юрию, и то чудом. Его и считали виновным — и потому, что сидел за рулем, и потому, что спасся. Не мог он вынести

молчаливого осуждения односельчан, не мог вынести собственной причастности к смерти своих товарищей — ушел из села на побережье — изгоем живет на скалах, говорят, промышляет моржей.

Жена его Мэри разделила позор и горе, ушла из села, не сказав куда никому, даже мужу. Когда Юрия простят, она вернется. Только надо сначала найти Юрия и надо, чтобы его простили.

Сколько с Юрой на его вездеходе мы колесили по тундре! И весной, когда завозили продукты оленеводам на отелочную кампанию, и зимой, когда помогли пастухам в перекочевках, и осенью, когда ездили по бригадам и собирали детей в интернат перед началом учебного года. Мы с ним старые товарищи, разве можно его бросать... Когда я болел, приходил он ко мне в больницу, легкую кухлянку из неблюя подарил, чтобы я не простужался больше в тундре. Ах, Юрий, Юрий! Не верю я, что пьяные они возвращались из поселка — Юрий совсем не пил... Разве что иногда, совсем немного, и то почему-то любил шампанское, чего мы никак не понимали...

— Надо идти по камням... на мыс Эрри,— говорит после чая Керго.

— Там не пройти... надо морем...

— У тебя лодки нет... — отвечает старик.— Лезь на скалы. Иди по самому верху... Гляди вниз... может, найдешь... он там, я знаю... больше ему негде жить... на мыс Эрри иди...

— Попробую...

— В камнях ночевать можно,— советует Керго. Я принимаю, это совет на тот случай, если я до ночи не отыщу Юрия.

Пропало солнце, и вдруг пошел тяжелый мокрый медленный снег. На Чукотке снег выпадает всегда сразу, неожиданно. Этот августовский еще растает, будет много теплых дней, но сейчас от океана потянуло холодом, хотя и было безветренно. Керго пощупал мою куртку, я его понял.

— Не надо, она теплая, спасибо.

Старик не стал приносить другую и продолжал сидеть у костра. Мы налили по кружке чаю. Вышла Имаклик, махнула рукой, звала в дом.

— Хорошая женщина,— улыбнулся старик,— всегда молчит.

— А если собираются женщины?

— О! — засмеялся старик.

Все ясно.

Шел снег, и я рассказывал о Жукове.

Старик слушал внимательно, он принял беду моего друга как мою.

— Что делать? — спросил я Керго.

Он молчит.

— У вас большая работа... женщина мешает... Юрий тоже один...

И опять замолчал надолго.

Безбрежный черный океан тихо плескался у костра. Мы молча смотрели на горизонт, туда, откуда плыли тяжелые белые льды.

И понял я нехитрую философию заклинателя духов, простую, как все сложное в жизни. Надо делать до конца главное дело, не размениваясь на суету, подстерегающую нас каждодневно. «Великий охотник не должен быть одновременно...» — вспомнил мне Найгнек... Неужели мы ничего не можем делать по-настоящему? Неужели все вполчину, все на эрзацах? По-настоящему любить, по-настоящему ненавидеть, по-настоящему пить мы тоже не умеем? Устали? Или по-настоящему не хотели? Отвыкли или боимся транжирить остатки души? А вдруг транжирить-то нечего? Вдруг там давно пусто, серединка-наполовинку, на счету ничего нет и кредит взять негде? Может, отсюда все беды?

— Кончишь работу — приезжай, — напутствовал Керго.

— Хорошо...

— Юре скажи, пусть возвращается... люди просят... моржи уйдут — пусть возвращается...

— Скажу.

4. Иду высоко над морем, осторожно прыгая с валуна на валун, цепляясь руками за камни — все кругом в мокром снегу. С высоты видно, как в прозрачной воде играют лахтаки. Их много, и они резвятся в воде, сверкая белыми животами. Идти трудно, берег сложен из огромных, величиной с дом, гранитных глыб, весь берег — сплошные гранитные развалы, иногда между камней приходится ползти. Перчатки промокли.

К вечеру снег прекратился, но подул ветер. Значит, я уже повернул за оконечность мыса. Где-то тут конец пути, где-то тут должна быть палатка, надо только забраться повыше, чтобы лучше был обзор. Несколько раз кричу — да кто при таком ветре и шуме моря услышит?

Решаю спуститься к морю: недалеко лежбище моржей, маленькое лежбище — голов на сто, они всегда сюда приходят, значит, и Юра должен быть неподалеку. Но спускаться еще труднее, чем идти, а я в пути целый день, без чая — только галеты с сахаром и снегом.

С каждым метром спуска меняется обзор, и вскоре я замечаю тоненький дымок небольшого костра.

Вообразите себе, что вы находитесь у подножья сопки, только вся сопка не монолит, а состоит из многотонных обломков и валунов. Все это висит у вас над головой, а вы стоите на относительно плоском камне площадью в два квадратных метра. Здесь можно поставить примус. На соседний камень можно положить припасы и канистру с пресной водой. Жить же — негде. Тогда вы лезете метров на двадцать наверх и ставите боком брезентовый тент, заменяющий палатку. Почему боком? Потому что ровного пространства нет и вы выбираете такое место, чтобы потолком и одной из стен импровизированного жилья тоже служили камни. Жить в таком положении можно, но можно. Единственное ровное место — кусочек галечного пляжа в несколько шагов длиной — занимает дюралева лодка.

— Зато здесь охота хорошая, — говорит Юрий, — и отличное место для наблюдений. Вон там, в стороне, моржи вылезают на камни. — Юрий достает кухлянку и меховые брюки, чтобы я переоделся. А мою мокрую амуницию мы сушим на костре из остатков толстой доски, зажженных с помощью паяльной лампы.

Вареную моржати́ну мы едим с чесноком и запиваем горячим чаем.

— Вчера и сегодня не охотился, не подплывают моржи. Завтра приплывут. А на лежбище охотиться нельзя, испугаются они. Там стрелять нельзя, надо копьё. А копьё у меня нет.

— Тут и камни чесноком пропахли, какие уж моржи! — От простуды ем, — объясняет Юра. — Полезно. — А сам улыбается. Он рад встрече. Он в водонепроница-

смой куртке, откинул капюшон, голова не покрыта. Уходя в горы, наверное, постригся наголо. Сейчас весь его ежик на голове будто обсыпан снегом.

— Совсем ты седой стал, — говорю Юре.

— Да и у тебя тоже оленьей шерсти прибавилось, — замечает он.

— Годы идут... чего уж там...

Мы вспоминаем все события, важные для нас с последней встречи. Неторопливо обмениваемся новостями. И я рассказываю о своих делах, — значит, о Жукове тоже.

— Убитый морж не всплывает, — задумчиво говорит он.

— Надо гарпунить, чтобы держался на пых-пыхах, — вставляю я.

— Угу, — улыбается он.

— И битую посуду не надо склеивать, да?

Я понимаю, на все случаи жизни нет рецептов. Но ведь вот Юру обидели — и он ушел. А мог и не уходить. Он испивает чашу до дна. А Жукову оскорбления мало, ему еще нужны унижения. Никто этого понять не может, ни я, ни Керго, ни Юра Ровтын.

И Юра говорит о том, что вот надо бы отряду сначала работу закончить, потом Жукову самому легче будет решать. Наверное, он прав. Нельзя оставлять работу и товарищей ради своих дел. Все просто.

— Мне завтра надо быть в поселке.

— Я отвезу тебя на лодке на ту сторону залива, от туда дойдешь быстрее.

— Хорошо.

Юра топором расщепляет доску, подкладывает дрова в костер, не экономит топливо.

— У меня там еще доска есть, толстая.

— Где мясо хранишь?

— В камнях, — показывает он. — Там еще лед. Хорошая яма.

— Вельботы придут и заберут, — говорю я.

Он молчит. Он не знает, когда придут вельботы. И придут ли.

— Кончишь охоту, возвращайся... Керго сказал, люди просят... Моржи уйдут, и возвращайся.

Он молчит, но в глазах его затаенный интерес и тревога.

— Мэри будет уже там, дома, — понимаю я его молчаливый вопрос. — Керго послал Эмуль за Мэри. Эми вернется вместе с Мэри. Никто не виноват, все знают. Люди просят, сказал Керго.

Горе одних стало бедой других и заботой всех.

— Утром будет погода, — вздыхает Юрий. — Я отвезу тебя на ту сторону.

Подниматься к тенту неохота, и мы кемарим у костра до утреннего солнца.

5. Дело шло к вечеру, в доме царило веселье и шум. Оба Саши раздобыли в райгру на время гитару и теперь орала невообразимыми голосами, но лихо местную песню. весьма оптимистического свойства:

Подожжет синица море
И на сопке свистнет краб, —
Вот тогда на наше горе
Из райгру разгонят баб!

Жуков слушал и скептически улыбался, глядя на подвыпивших ребят. Он рад был моему скорому возвращению.

Она вошла тихо, неслышно, никто и не заметил, никто и не услышал, когда она стучала.

— Эми! — первым бросился я к ней, сразу давая понять ребятам, чтобы не было никаких бестактностей, чтобы они следили за собой; чтобы хоть репертуарчик свой сменили наконец.

Она сбросила куртку, причесалась, насмешливо оглядывая наш стол.

— Сейчас, сейчас, — засуетился один из Саш, вскочил и бросился в магазин за шоколадом и конфетами. Вино он тоже не забыл. Она развязала сумку и достала оттуда двух кур, свежей картошки.

— Откуда?!

— С парохода. Ездили с Керго. Танныгатле, — засмеялась она.

— Что, что? — не понял я.

— Русская утка, — смеясь, перевела она. — У нас ведь никогда не водились куры. И нет у нас для них названия. Вот и придумал один писатель — «русская утка». Очень удачно.

— А где сейчас этот писатель?

— В Уэлене. Будешь на восточном берегу — обязательно с ним встретишься.

Жуков не слушал нашего разговора, но потихоньку принялся за готовку.

— И кошку мы не знали, как назвать. И свинью. И корову. Старики про свиней говорили «страшный, толстый, безволосый белый зверь», — она засмеялась. — А кошку прямо боялись, когда она шипит. Назвали «мыль-иттын». Переводится «ловкая собака». Правда, удачно?

Все согласились.

Совместными усилиями кур мы превратили в дымят табача, чеснок нашли в запасах бывшего хозяина, томатную пасту тоже, а картофель решили отварить. Пир получился царский, а украшением его несомненно была Эми.

...Узкий краешек ночного солнца высовывался из-за горизонта, казалось, солнце тонет в океане. Пора на покой. Ребята начали располагаться в спальнях мешках. Мы с Эми переглянулись.

— Есть идея, — предложил я. — Давайте разобьем здесь, в комнате, палатку. А?

Жуков понял:

— Веселей, мальчики!

Палатку мы укрепили растяжками за книжные стеллажи, батареи центрального отопления, ножки кровати. Вход был со стороны окна.

В двухместной палатке, если ее поставить низко, свободно умещаются трое. Там и расположились на своих спальнях мешках Жуков и оба Саши. Нам с Эми досталась единственная кровать.

— Спокойной ночи, ребята!

— Спокойной ночи! — хором рявкнули из палатки brave студенты.

Я слушал тишину и ждал, когда кто-нибудь из ребят слегка захрапит, как это бывало в поле.

— Подожди, — шепнула мне Эми, — они еще не спят.

6. Было утро. Я потихоньку открыл глаза. Рядом с кроватью стоял начальник Жуков и внимательно разглядывал нас. О чем он думал, глядя на нас, спящих, пока я не проснулся от тяжести его взгляда?

Потихоньку, чтобы не будить Эми, я выскользнул из-под одеяла и пошел за ним на кухню.

Он молча курил. Чай уже был готов. Он всегда вставал раньше нас и успевал приготовить чай.

— Что решил с Москвой? — спросил я его в лоб.

— Нелетная погода, — вздохнул он и улыбнулся грустно.

Я взглянул в окно. Было чистое безоблачное небо, синий спокойный океан и ясное полярное незаходящее солнце.

...Обедать все решили в ресторане. Но Эми повела нас на берег моря, она там заметила что-то. Это оказалась лодка Керго. Сам он радостно приветствовал нас и предложил Эми собираться и переходить в лодку.

— Он боится, что ты увезешь меня в город, — шепнула мне Эми. — А что мне в городе делать? Мне без тундры нельзя... С тобой хорошо, а без Керго и Имаклик я не могу...

Она объясняла мне все, как ребенку.

— Вот если б ты остался здесь, а? — спросила она.

— А куда же мне без них? — кивнул я на ребят.

— Вот видишь, — она улыбнулась. — Закончишь дело, приезжай, а?

«Великий охотник не может быть одновременно... — вспомнилось мне. — Да что они, сговорились, что ли, все? Наягnek, и Керго, и Эми!»

Она передала свою сумку старику. Он аккуратно положил ее в лодку, сел, закурил, молча глядя в океан. Потом что-то начал говорить по-эскимосски. Я удивился. Старик прекрасно без акцента говорил по-русски, знал английский, чукотский само собой. Зачем ему сейчас говорить по-эскимосски?

— Он тебе что-то говорит? — спросил я тихо Эми.

Она покачала головой и начала тихо переводить:

— ...верьте солнцу... верьте ночи... верьте словам любимой... мы не умрем... мы не исчезнем.

— Это заклинание?

— Скорее совет... что-то родовое то ли старых гренландцев, то ли аляскинцев... я уже слышала это где-то. Ну да, ты прав, это заклинание... для нас с тобой, кто знает? Зря старик не будет вспоминать старые песни.

Она собрала на берегу много сухих щепок, плавника, дощечек. Подождла.

— Пообещай, что он будет гореть до тех пор, пока ты не потеряешь из виду меня и лодку, — сказала она.

Лодка отчалила. Эми стоя махала рукой. Мы разожгли огонь поярче.

Ребята ушли, я сидел у костра один.

Костер горел долго.

День большого везения

Рассказ

В минувшую зиму у нас с Игорем был большой переход на собачьих упряжках с мыса Шмидта дальше на восток. Через много дней тяжелого пути мы заночевали в Нутепельмене, собак сменить нам не удалось, и утром, едва отдохнув, но хорошо на ночь покормив наших четвероногих товарищей по работе, двинулись дальше к конечной точке маршрута — маяку Дженретлен, чтобы, осмотрев его и оценив его возможности в будущей навигации, повернуть на юг к побережью Колючинской губы, где были наши балки — два передвижных домика лоцмейстерско-гидрографического отряда. Там надлежало сторожу экспедиционного имущества оставить собак (их заберут каюры с Нутепельмена), а самим, дождавшись вездеходов из бухты Провидения, возвращаться домой, в эту бухту.

За один перегон мы прошли Острова Серых Гусей (никакие это не острова, а длинные узкие песчаные отмели, насквозь продутые северными ветрами, и даже зимой с них выдувает снег и высокая желтая трава колыхается от малейшего дуновения, и кажется издали, будто это желтые взмутненные волны моря), прошли косу Беляка, и собаки радостно вынесли нас на крутой обрыв, почуввав ярангу. Их энергии поприбавилось в предчувствии долгого отдыха, и, вконец обессиленная, упряжка остановилась у одинокой яранги, где когда-то было стойбище Тойгунен.

Удивительно, но никто нас не вышел встречать. Мы привязали нарту к выброшенному морем бревну и осторожно пошли к яранге. Зарычали черные лохматые псы

хозяина, но никто так и не вышел. Псы обнюхали нас и замолчали.

Мы вошли в чоттагин¹, присели у потухшего костра.

Два черных пса вошли следом за нами. Откинулся полог, и выглянула старуха. Следом за ней показалась голова старика и тут же скрылась.

Мы поприветствовали хозяев, старуха не ответила, слушала молча, нашего чукотского языка было крайне недостаточно, чтобы растолковать ей о ночлеге, о кормежке для нашей упряжки, о том, чтобы взять взаймы хотя бы двух-трех псов взамен наших ослабевших.

Так же молча она вылезла из полога, собрала веток, разожгла костерок и повесила над ним закопченный чайник.

Мы поняли это как приглашение, как знак чукотского гостеприимства. Игорь остался, а я пошел к нарте и вскоре вернулся с рюкзаком, где были наши съестные припасы.

Мы с Игорем обратили внимание, что старик часто и натужно кашлял. Наверное, простудился. Наша аптечка была в том же рюкзаке, и, пока готовился чай, я достал необходимые таблетки, протянул старухе, показал в сторону полога, объяснил ей знаками, что старику их надо принять, показал сколько, налил горячего чая из термоса и протянул ей.

Она поняла, кивнула, забралась в полог, и мы слышали, как она объясняла своему мужу что-то по-чукотски.

После чая с сахаром и галетами (старуха присоединилась к нашей трапезе так же молча, подавая иногда в полог то кусочек сахару, то галету с маслом, то чай) мы принялись варить обед — суп из нерпы.

Чего-чего, а специй для чукотской кухни у нас было много, и старуха с удивлением вдыхала незнакомый запах нашего варева и внутренне удивлялась, как из обычной нерпы можно приготовить что-то с другим запахом.

Игорь налил ей чашку бульона, она с готовностью приняла чашку, вдохнула, попробовала, выпила и улыбнулась, впервые улыбнулась за эти два часа.

Мы налили ей еще, и она отнесла чашку старику. Вернула чашку пустой.

¹ Чоттагин — холодная часть яранги (чук.).

Ночевали мы в яранге, в спальных мешках, а утром наварили ведро нерпичьего супу со специями, оставили его хозяевам, старуха улыбалась и кивала головой.

Потом я рассортировал таблетки по пакетикам, на каждом пакетике нарисовал — где голову (от головной боли значит), где шею и грудь (от кашля), трудности были с левомецетином и фталазолом. Тогда я на этих пакетиках изобразил веселого толстопузого человечка, схватившегося руками за живот. Отдавая каждый пакетик, показал знаками, что для чего. Она все приняла с молчаливой благодарностью, аккуратно спрятала таблетки в кожаный мешочек, мы простились и пошли к упряжке.

Старуха догнала нас и протянула большой сверток. В обрывке плаща из моржовых кишок был здоровый кусок оленины.

Мы поблагодарили, подняли собак и тронулись в путь. Игорь помахал ей на прощание, я тоже, она молча стояла у яранги и долго смотрела нам вслед. Но мы шли не на северо-восток, а на юг. Нам было ясно, что на ослабевших собаках мы последний переход (хоть и небольшой, но ведь надо возвращаться) не одолеем, и тихо плелись к тем двум балкам, где будем ждать вездеходы. Решено было, что к маяку Дженретлен весной мы вернемся, времени будет достаточно, а сейчас торопись не торопись, а время ушло.

Все это было зимой. А сейчас раннее лето, море во льду, но шторм отогнал льды далеко на север. Это первый шторм, он нам на руку, на руку будущей навигации.

Всю ночь был шторм, и люди стояли на берегу. Игорь вышел из палатки и присоединился к ним. Он стал рядом и тоже смотрел на море, на первый шторм. Было что-то языческое в этой картине — высокие скалы, пенящееся море, гул ветра и шум разбивающихся волн, тонкий мечущийся дымок догорающего костра и молчаливые люди и красная полоска горизонта там, за морем.

Здесь, этой светлой полярной ночью, мне казалось, люди чувствовали свое родство с природой и стояли потрясенные красотой ночи, моря и ночного солнца на горизонте.

Я тоже стоял у палатки и смотрел на море.

Сюда к морю, к нашей стоянке, еще вчера подошли пастухи со своим стадом оленей. Летом животные будут выпасаться на побережье, тут меньше гнуса, постоянные ветры, нет жары — хорошо тут летом и оленям, и людям.

За зиму пастухи соскучились по морю, по ветру, пахнущему морской капустой, и сейчас они стояли у яранг и очарованно смотрели...

Долог путь тундровиков к морю, и мы несказанно рады встрече. Правда, им тут кочевать по берегу до первого снеговоя, а нам завтра, если утихнет шторм, сворачиваться и идти на север в Берингов пролив и дальше в Ледовитый океан.

Место это называется Угол Иноземцевой, у нас тут маяк. Мы не знаем, почему этот мыс так назван.

Наша лодмейстерско-гидрографическая партия разбита на две группы. Мы арендовали белоснежную красавицу шхуну «Полюс», первыми после зимы вышли в плавание и сейчас высаживаемся группами на берегу и на островах, вводим в строй световые и радиомаяки, и когда вся работа будет закончена, наш участок Северного морского пути станет открыт для навигации и следом за нами потянутся суда с генгрузом — углем, техникой, сгущенкой, спиртом, банками-склянками, фруктами-продуктами.

Нас с Игорем высадили вчера, и «Полюс» ушел на другую сторону залива высаживать второй отряд, числом побольше, там вдвоем не управиться.

Игорь — начальник экспедиции, он так решил, и решил правильно. И сейчас тут на берегу он не чурался никакой черновой работы, хоть и начальником был, хоть и «оттащить-притащить» — это моя прямая забота, а его — радиодело, всякая-разная электроника, и я как глянул на проводочки, так и ахнул — тут сам черт ногу сломает.

Конура, где всю зиму хранились батареи к маяку и техническое оборудование, построена под мачтами радиантенн, и свободной от ящиков площади пола там всего-то было не больше двух метров, и мы удивились, что этот уголок застелен оленьей шкурой. Тут же обнаружили огарок свечи, пачку чая, спички и кружку. Больше ничего не было. Но и этого достаточно, чтобы определить — сарайчиком зимой пользовались как избушкой каюры, охотники или просто проезжий люд.

Но нам хотелось, чтобы на нарте было двое — каюр и его молодая спутница. Им радостно в дороге, в солнечном морозном апреле, им счастливо. Но вот к вечеру их настигает пурга. В апреле пурги часты, они влажны и теплы.

Снег отовсюду — мокрый, липкий, собакам трудно идти. Но на пути возникает наш сарай-склад. Каюр решает переждать непогоду здесь. Он привязывает нарту, отпирает конурку, и вот уже шкура на полу, огарок свечи на ящике с батареями, примус гудит, чай кипит, тепло, и рад каюр, и рада его молодая спутница.

После трудной дороги, доброго чая, в тепле и затишь они гасят свечу, у них целая ночь, и они любят друг друга, и говорят нежные слова, говорят тихо-тихо, и им слышно, хотя пурга воеет за дверью, шумит, неистовствует, и собаки уже под снегом — спят под снегом, их занесло, и склад наш заносит, но путникам хорошо, хорошо им вдвоем, и мы рады, что в прошлом году скотили эту времянку — вот ведь как пригодилась людям!

Нас с Игорем устраивает только такая версия, на другую мы не согласны, и мы с надеждой ищем следы женщины — зеркальце, или губную помаду, или бусинку — что-нибудь, хотя прекрасно знаем, что никому из тундровых женщин не нужны помады, зеркальце, пудра или духи.

— Все было именно так! — твердо говорит Игорь, почти приказывая, как начальник, верить мне в это, и я вижу, что он боится, как бы наша легенда не растворилась в суете быта, не разбилась бы вдрызг, опустившись на простую реальную землю.

— Да, да, — отвечаю я, — а как же иначе? Именно так!

И он улыбается. Я тоже рад. Рад счастью тех двоих, рад, что рад Игорь, рад бушующему морю, и рад я пастухам, и рад, что хорошо идут работы, рад, что все здорово, и рад завтрашнему солнцу, и рад, что мы уйдем в пролив, где вода под солнцем изумрудно-зеленая, и очень я рад, что нигде в Арктике нет такой глубокой зеленой воды.

Утро действительно было солнечным, но ветренным, и шторм утих лишь к полудню, когда в залив вошла наша белоснежная шхуна, и пастухи были ошеломлены такой

красотой — белый двухмачтовик на черной воде и снежно-голубые сопки на горизонте.

Мы не стали дожидаться бота с судна, а вышли ему навстречу на «ледянке» — легкой двухвесельной дюралевой лодке. Лодка предназначена к маневрированию во льдах, в тихой воде, к высаживанию гидрографических десантов, когда неукложему боту труднее в узких разводьях среди льдин.

Но на большой волне верткая «ледянка» вела себя строптиво, взбрыкивала, металась, приходилось внимательно смотреть за волной, чтобы не перевернуться.

Мы дали ракету, нас заметили и следили до тех пор, пока мы не пристали к судну. Лебедкой с «Полюса» нас подняли на борт вместе с «ледянкой».

Пастухи на берегу разложили большой дымный костер — приглашали в гости, но «Полюс» снялся с якоря, и мы пошли на север, в Берингов пролив, чтобы оттуда идти дальше в Ледовитый океан.

О каждом своем шаге мы докладывали в штаб ледовых операций, расположенный на одном из ледоколов, работающих в Восточно-Сибирском море. Ледокол шел навстречу с запада и застрял в тяжелых льдах.

Мы наконец обогнули Чукотский Нос, вышли в Чукотское море и через сутки были благополучно затерты льдами.

«С чем и поздравляю», — ехидно отстучал штабной радист по приказанию начальства.

Мы слегка дрейфовали вместе с ледяным полем, но через два дня налетел ветер, поле всторошилось, сломалось, показалось много воды, и мы, не мешкая, двинули назад на юг — в Берингов пролив, откуда к берегам залива Святого Лаврентия отстояться в тихой бухте, походить по райцентру, людей посмотреть — себя показать.

Штаб согласился с таким маневром, но напомнил еще раз, что работы плановые, ответ держать придется перед Центром, хотя там и знают о сложнейшей ледовой обстановке на трассе.

Мы и не сомневались, что в Центре знают, если уж ледокол застрял. Знали через час.

Игорь бросил в папку очередное радио с ледокола. — Что нового?

— При любых обстоятельствах рекомендуют в первую очередь ввести в строй маяк Дженретлен.

— Они же знают, что сейчас это невозможно...

— В том-то и дело... Ни ледоколу, ни нам до этого маяка не добраться. Хотя так хотелось бы проведать старика и старуху, помнишь, зимой мы у них гостевали?

— Конечно, помню. Как же! Вот они удивились бы. До яранги от маяка совсем немного, дошли бы на боте.

— На всякий случай надо что-нибудь взять из судовой аптечки и специй у кандея. Если старуха нас не помнит, то по обеду из нерпы сразу бы вспомнила.

— Ну, когда это еще будет! Зачем же все-таки штаб дает нам радио, хоть и знает, что все безнадежно? — демонстрировал я Игорю свою наивность.

Игорь засмеялся:

— Вообще-то, во-первых, безнадежных ситуаций почти не бывает... ну, а во-вторых, чтобы мобилизовывать... чтобы держать в напряжении... чтобы не терялся рабочий энтузиазм в дни вынужденного безделья.

— Не думаю, что там сидят психологи, — засомневался я.

— Я тоже этого не утверждаю, — сказал Игорь.

— Идем на берег, — предложил я, — там у меня друзья-приятели, давно не видел.

Мы завернули пару бутылок, предупредив вахтенного, что ночуем на берегу, и бот отвез нас в райцентр.

У крыльца маленького домика-аэровокзала лежали две лодки «Кры» и «Прогресс», нагруженные полевым скарбом, из спальных мешков выглядывали лохматые головы.

— Спим, касатики? — спросил Игорь. — Осваиваем север?!

— Как же! Тут освоишь, — дружелюбно буркнул бородач, очевидно старший.

— А что так?

— Да авиация... садитесь, — радушно пригласил бородач.

Теперь было видно, что он действительно начальник. Кто-то из его подчиненных бросил нам два туго свернутых спальных мешка — чтобы не сидеть на сырой земле.

— Денек-то люкс, хоть купайся, — заметил Игорь.

— Пока своих геологов не вывезем, не надейтесь, говорят нам вертолетчики, ждите, мол, — продолжал начальник.

— Так вы не местные? — спросил я рабочего.

— Магаданские...

— Ничего не поделаешь, — развел руками Игорь, — они правы.

— Тут все правы, — не согласился начальник.

Я понял, что и начальник по-своему прав. Кому охота терять такие прекрасные деньки? Мы простились с ребятами и пошли к вертолетчикам.

После ахов и охов (я встретил знакомого командира экипажа Глеба) начали о деле.

— Есть идея, Глеб.

— Какая?

— Интересная. Ты берешь нас двоих и радиста и сбрасываешь на Дженретлен при попутном рейсе. Надо ввести радиомаяк. Надежда только на вас — с моря все блокировано льдом.

— Видел...

— Тем более. Ну и что ты думаешь?

— Думаю, что ничего у вас не выйдет.

Я оторопел. Нарушены все законы северного товарищества: старый приятель отказывает в просьбе.

— Сейчас вертолет принадлежит здешней геологической экспедиции. Значит, и мной, и вертолетом распоряжаются геологи. У них заявки на все рейсы на всю неделю, — неторопливо объяснял Глеб.

— Что же делать?

— Я сейчас улетаю. Появлюсь к обеду. После еще сделаю рейс, значит, будет представитель геологов. Подходите, чего-нибудь придумаем. Не трусь, — похлопал меня по плечу Глеб и неторопливо удалился.

— Я на судно, — сказал Игорь. — Буду просить нам начальника судовой радиации, а им дадим нашего лодчмейстерского радиста. Поменяемся...

— Зачем? — не понял я.

— Наш сердечник... черт знает, сколько будем в тундре. А на пароходе радист молодой.

Я проводил Игоря на берег, сам пошел по поселку навестить магазины и столовую.

Давно тут не был, а в чукотских поселках сразу всегда замечаешь много нового, если давно не был: там дом

построили, там дом сломали, там берег осыпался в море, а тут наоборот весь завален пустыми бочками...

А у нашего радиста сердце действительно слабое, и в тундре, конечно, всякое может случиться. Тут уж лучше не рисковать, Игорь прав.

Побродив по поселку, я вышел на берег. Здесь мальчишки собирали плавник, я помог им соорудить костер, они резвились у костра, швыряли камни в море — целились в пустую банку, чайки не боялись, летали низко.

Дальше по берегу рыбаки разматывали сеть, строили вешала, навес и столик. Готовили капитальную палатку, скоро пойдет голец, арктический голец — самый высший класс среди рыб, вот будет веселая работа, только успевай ловить и радоваться. А следом кижуч, кета, народ дома не удержишь, а детям раздолье. Вот будет у меня сын постарше, обязательно сюда привезу, пусть половит рыбу, пусть костер на берегу разожжет.

Я помог рыбакам размотать толь и пошел дальше по берегу, за поселок, к дальнему знаку. Там когда-то был световой маяк. Но потом необходимость в нем отпала, мы построили другой — у самого входа в бухту, подальше от поселка.

Фонарь у маяка был в нескольких местах прострелен, резвились, выдать, неудачливые охотнички. Маленькая пристройка оказалась с оторванной дверью, внутри было сыро и грязно.

Вот в тундре никогда не стали бы стрелять в окна пустого дома или в стекло маяка, ломать дверь избушки, а тут до поселка всего два километра — и все испорчено. Обидно, что это взрослые — ведь у детей нет оружия и двери им ломать вовсе ни к чему.

«Это не северяне, это приезжие, — думалось мне. — Наши не могут, им нет никакого смысла».

И тут же вспомнилось, что и на берегу Чаунской губы я видел искалеченный дом, сам жил двое суток там, доски со стен оторваны, печи стенами топили, а на берегу столько плавника! И зола в печи еще оставалась, не вычистили, уходя. И подпорки в леднике изрублены — вот ведь куда дотянулись вездеходные следы браконьеров, почти что в глушь. Дорого нам придется платить за такие издержки цивилизации, за безудержное освоение окраин.

Вот каюру со спутницей не сломали же наш дальний

маяк. Наоборот, и кружку оставили, и чай, и все другое нужное. Хоть мелочь, а нужное, в тундре мелочей нет. Люди знали — все пригодится когда-нибудь, не им, так другим. И, наверное, вообще поступки людей должны нести пользу людям еще долго после того, как они совершены.

И до сих пор мне непонятна психология негодяя — колья сделал зло, как можешь спать спокойно?

...Залив синий и спокойный, и не слышно было волны. Маленькие льдины застыли на его глади. Припекало солнце, я сидел у маяка, курил и не замечал, как шло время.

Прибежал запыхавшийся мальчишка, из тех, кому я помогал разжигать костер.

Я сорвался вслед за ним.

В пилотской комнате собралось все «начальство»: начальник нашей гидрографической экспедиции Игорь, начальник судовой радиостанции Костя, командир вертолета Глеб.

— Граждане начальники! — начал я, по молодости и по глупости.

— Подожди, Федор, — остановил меня Игорь, — тут дело серьезное, главное, времени в обрез. Давай решать. Повтори ему, Глеб. Гм... пожалуйста.

— Дело простое, — начал он, — вертолет возьмет сейчас партию геологов. Может взять и вас, но только одного. Вернее, из вас только одного. Понимаете? Только одного. Кого? Вам решать... По дороге я оставлю его в Дженретлене, повезу ребят дальше в партию, вернусь в Дженретлен и заберу его. За это время надо все успеть.

— Надо решать с точки зрения полезности, — предложил я, — не желания, а самой большой полезности.

— Я бы смог, но мне нужен помощник. Хотя бы один, понимающий в радиоделе, — сказал Игорь. — Вдвоем с Федором я бы смог.

Я кивнул.

— Нет. Только одного, — твердо сказал Глеб.

— О чем речь? — вздохнул Костя. — Я один справлюсь. Хотя, конечно, вдвоем веселей...

Игорь помолчал.

— О чем ты? — спросил я Игоря.

— Что? — не понял он.

— О чем молчишь?

— А-а,— почесал он переносицу.— Вот какое дело. Надо решать. Дай карту,— попросил он Глеба.

Глеб протянул свою. Наша была в планшетке Игоря. Он развернул карту на столе.

— Смотри, Костя. На обратном пути, может случиться, вертолет тебя не заберет.

— Почему? — Глеб с интересом смотрел на Игоря.

— Непогода. Тут все блокировано льдом. Туман может и через час все накрыть, и через минуту, пока мы тут разговариваем. Так вот, что ты будешь делать, если вертолет не придет за тобой день, и второй, и неделю?

— Понятия не имею,— развел руками Костя.

— То же самое,— сказал Глеб.— Не знаю.

— Сейчас надо экипировать тебя на этот случай, Костя. А вообще смотри — вот если будешь идти от маяка на юг по берегу губы, то километров через пятьдесят-шестьдесят,— Игорь показал на карте,— встретишь наши зимние передвижные балки. Мы тут зимой делали ледовые промеры. Там есть и пища, и огонь, и кров, как говорится.

Глеб присвистнул.

— Ты чего?

— Тут верных шестьдесят километров,— сказал Глеб, оторвав взгляд от полумиллионки.

— Ну как? Согласен? — спросил я Костю.

— Все должно быть сугубо добровольно,— подчеркнул Игорь.

— Расписку давать? — встрепенулся Костя.

— По инструкции положено,— понурил голову Игорь.

— Тебя никто не просит,— сказал я Косте,— просто такая ситуация.

— А я, выходит...

— Ничего не выходит...

— Я, значит, сука.

— Что??

— Вы мне не доверяете?

— Мы бы с тобой не разговаривали... если б...

— А в чем же дело?

— Если что случится... — начал Игорь.

Он был прав.

— Тебе сколько? — спросил я.

— Двадцать девять.

— Хорошая арифметика.

— Что такое? — растерялся Костя.

— Ничего. С возрастом пройдет.

— Пугают, пугают, а ничего страшного... — упрямылся Костя.— Мы все в одной упряжке. Чего уж тут...

— Ты — море, мы — экспедиция... Наш парень у вас на радию. А тебе предстоит... черт его знает... больше никто не может в этой ситуации...

— А что, у нас на море было легче?

— Мы не говорили.

— Почему вы обижаете?

— Не о том речь.

— О чем?

— Всякое бывает...

— В морях бывает, что вам не снилось.

Он правильно вел, чтобы нас обидеть. Но он был молод, и он был прав в своей неправоте.

— У меня такой начальник,— сказал я Косте,— нужно письменное подтверждение.

— Что я не сволочь?

— Не кипятись, Костя... пожалуйста...

— Вы... наука... черт вас возьми... в чем дело?..

— Все должно быть сугубо добровольно,— повторил Игорь, и был он суров. Он поверил Косте. И ему не нужна была расписка. Он поверил — и все. А Игорь как начальник всегда прав.

— Я очень даже согласен! — рассмеялся Костя.— Хоть на земле поживу, осточертло мне в море, вот что я вам скажу, братцы.

— Давай собираться,— скомандовал Игорь.

Я ушел в поселок к знакомым ребятам. Вернулся с ружьем, патронами, свечкой, зажигалкой, спичками, галетами, сахаром, консервами. Рюкзак был под завязку.

— Вот, держи...

Глеб нашел где-то роскошный меховый шарф и меховые кожаные перчатки:

— Бери, пригодится.

Игорь одну бутылку «Миндальной» из наших запасов тоже положил в рюкзак.

Геологи уже садились в вертолет.

— Давай, до встречи!

— Пока!

Глеб помахал нам из кабины. Костя входил в вертолет последним. Механик задрал дверь.

— Всего!

Вертолет ушел, и мы опять остались с Игорем одни. Теперь нам без Кости нет пути назад — ни на корабль, ни в родную бухту Провидения.

Нет ничего хуже неопределенности. Мы пошли на радиостанцию к пилотам. Там все как-то ближе к событиям.

Итак, до маяка лету около часа, оттуда до геоблогов тоже около часа, возврат к маяку около часа и возврат на базу. Итого четыре-пять часов. Возможно, вертолет прилетит ночью. Ночью даже лучше — солнце светит ярче, и всегда почему-то летом ночью тишина, нет ветра и яркое солнце. Чукотский июнь. Хорошая погода.

Все это время, как только вертолет скрылся за сопками, превратилось во время ожидания его возвращения. Покинув радиостанцию диспетчерской, мы пошли коротать часы к моему приятелю — районному газетчику Юре, старому полярному волку, работавшему здесь давно.

За долгим чаем и свежей обильной дичью мы говорили. Так всегда бывает, когда долго не видятся. Пили чай, вспоминали друзей-приятелей, ругали нынешнюю молодежь, хвалили прежнюю («вот раньше!»), припоминали веселые приключения и яркие события, грустные случаи и байки. Много за эти годы исколесили, исходили, изъездили, скоро не останется на Чукотке незнакомого места.

— Можно бы на собаках к Дженретлену, да снега почти нет, — мрачно сказал Юра.

Была у него одна черта странная, к которой, впрочем, все уже давно привыкли. Зимой в любую погоду, даже если есть возможность уйги в тундру на вездеходе или слетать на вертолете, он всегда пробует сначала выяснить — а нельзя ли этот маршрут сделать на собаках. Очевидно, тверда в нем журналистская закваска — медленнее едешь, больше видишь.

— Два дня пути, — возразил я.

— Можно спрямить. Если выйти на Угол Иноземцевой, а оттуда повернуть в глубь полуострова.

— У нас там маяк, мы уже там были, — сказал Игорь.

— Удобное место. А почему оно так названо?

— Очень давно это было, — сказал Юра. — Еще до

коллективизации. В общем, она была учительницей. Навела тут шороху! — засмеялся Юра.

Мы слушали его и одновременно прислушивались чутко ко всем шумам на улице — не летит ли наш вертолет.

— Она и учительницей была, и лекарем — лечила, собак своих имела. Сам понимаешь, шаманы ее не быстро-то привечали. Муж у нее был геологом. Погиб тут где-то. Она не уехала, осталась. Язык чукотский знала, ездила по тундре. А Угол вовсе не потому, что полуостров там маленький в виде треугольника. Она любила называть этот край «медвежьим углом». Вот приехала, мол, в «медвежий угол», пора с этим, мол, кончать, пока грамотность не станет всеобщей. Однажды с этим «медвежьим углом» выступила на какой-то конференции. Ее поправили. Нельзя, говорят, так. Нет у нас «медвежьих углов». Так мне рассказывали.

Солнце светило тихо и нежно. Было за полночь. Юра принес спальные мешки, раскладушку. Игорю предложили тахту. Комната была холостяцкой, семья его уехала на лето в отпуск, на материк.

— Вот так и называли — Угол Иноземцевой. То ли геологи, то ли геодезисты. Слава-то о ней далеко шла. Там яранги стояли и несколько маленьких домиков — «шхун», как их называли. Туда обычно подкочевывают ненадолго олениводы. Но сейчас построек нет. За ненадобностью — и самого поселения тоже.

— Мы видели пастухов, — сказал Игорь. — Они уже подкочевали.

— Там есть старики, которые ее знали. Поинтересуйтесь при случае.

— Спать-то уже ни к чему, — сказал Игорь. — Скоро утро.

— Смотрите сами. Располагайтесь. Я-то пойду лягу, а то у меня завтра летучка и, вообще, суматошный день.

Мы с Игорем вышли прогуляться. Да и на радиостанцию в порт заглянуть надо — нет ли новостей.

Мы шли не торопясь, наслаждаясь солнцем, тишиной и теплом предутреннего покоя.

Из подъезда ближайшего дома выскочил человек без пиджака, в майке, с ведром. Он выносил на улицу мусор.

— Стой! — схватил меня Игорь за руку.

Я узнал Глеба.

— Идем ко мне,— замахал он.
Мы побежали.
— Только что чай поставил, проходите.
Глеб тоже жил один, жена уехала на курорт.
— Когда прилетел?
— Полчаса...
— А мы не слышали...
— Я оттуда шел, с залива.
— Что-нибудь случилось? — спросил Игорь.
— Ничего,— ответил Глеб.
— А маяк?
— Работает.
— А Костя?
— Должно быть, на корабле уже.
— Как на корабле?
— Я немного план изменил.— Глеб принес варенье, разлил чай по диковинным японским чашкам. Притащил блюда и салфетки.— Сел я на Дженретлене, но посадил не Костю, а всех. Сказал геологам — пока не поможете парню, не сделаете все, что надо, в партию не полетим. Так они взялись за дело — ого!
— Дда-а... — протянул Игорь.
— Справились быстро. Я сам проверил радионавигацию. Работает отлично. Ну вот. Потом всех погрузил, и вашего радиста тоже, и полетели в поле. Там разгрузка была быстрая. Оттуда напрямик сюда. Сэкономил много времени — одним взлетом и одной посадкой меньше, да и крюк не пришлось делать, чтобы возвращаться.
— Ну, спасибо! — засветился Игорь.
Глеб, маленький, толстый, в подтяжках, не выглядел столь элегантно и деловито, как на работе. Это был просто усталый человек.
— Я боялся,— сказал он.
— Чего? — не понял я.
— Тех перспектив, что вы обрисовали. А вдруг я не смог бы залететь за вашим радистом на обратном пути? А? Вдруг случись потом что — и на моей душе грех, а? Больно вы так просто все решаете — оставить человека, пусть сам топают шестьдесят километров...
— Работа, Глеб... — перебил Игорь.
— Знаю. И все равно... Очень все у вас лихо... Благодарность получите?
— Получим,— твердо пообещал Игорь.

Глеб угощал нас всякими домашними сладостями. Очевидно, жена уехала совсем недавно. Мы допили чай и пошли на берег.

— День большого везения,— сказал Игорь.
— Не сглазить бы. Надо делиться удачей, надо что-то делать.
— Большая удача как тяжкий грех — бремя ее тоже невыносимо.
— У меня идея,— сказал я.
— Приветствую идеи младшего техперсонала!
— Да ну тебя, Игорь! Серьезно! Идем к ребятам.
— К геологам? Правильно,— сказал он.
Геологи находились все в той же позиции — забравшись в спальные мешки, спали в лодке.

Я разбудил бородача:

— Что нового?

Он вскочил, протер глаза:

— А, это вы. Да ничего. Завтра снова своих вывозят.

— Вот начальник нашей экспедиции,— показал я на Игоря.— У него есть идея.

— Если не ошибаюсь, вам надо к тем отрогам, в устье залива? — спросил Игорь.

Бородач кивнул.

— Вот и хорошо. Поднимайте ребят, тащите ваш «Крым» на берег — к нашему лайнеру. Вон он стоит, видите?

— Вижу.

— Мы вас доставим. С комфортом, как положено.

— Тут уже не до хорошего,— засмеялся бородач.— Подъем! — рявкнул он.

Ребята мигом вскочили. И пошла работа.

— Ну вот и все,— задумчиво сказал Игорь.— И мы тоже сделаем доброе дело.

— Хорошо бы религию такую изобрести,— размышлялся я.— Каждый делает хорошее другому. И цепь добра получается непрерывной.

— Не к чему изобретать,— сказал Игорь.— На севере всегда помогают друг другу. Без твоих новоиспеченных идеалистических штучек.

— А на юге не помогают?

— На севере люди живут труднее... даже если получают втрое больше... Идем к ребятам, скажем, чтобы передали вахтенному — пусть за нами вышлют бот.

Действительно, нам на берегу было уже делать нечего. С судна «Крым» подняли лебедкой. Груз упаковали на палубе, геологический отряд разместили в матросских кубриках, а бордача мы пригласили в нашу каюту.

Через восемь часов высаживали их на берег.

— Дайте какую-нибудь посуду, — попросил бородач. Он сел в бот последним.

— Какую?

— Да хоть эту, — показал он на пустую трехлитровую банку из-под маринованных огурцов.

Он взял банку, прыгнул в бот, поколдовал над канистрой. Протянул нам.

Я перегнулся через бот, осторожно взял банку.

«Ничего себе!» — удивился.

— Что там? — спросил Игорь.

— Ректификат! — засмеялся бородач. — От простуды, для медицинских целей. Перед употреблением взбалтывать. Берите! У вас нет, я знаю, а у нас вон — целая канистра. Сохраним до конца поля, надеюсь, еще увидимся! Спасибо за все!

— Тебе спасибо, вот уважил! — засмеялся Игорь. — Кофе растворимый надо?

— Чай пьем! — весело ответил бородач.

Но матрос сбегал на камбуз, и мы бросили две банки в отходящий бот — в поле пригодится все.

— Спасибо! — крикнул бородач и помахал на прощание.

— Счастливо!

Вскоре наш бот вернулся, мы его подняли, снялись с якоря и взяли курс в Берингово море.

— Твой летчик прав, — сказал Игорь. И протянул радиogramму.

Штаб ледовых операций выражал благодарность за досрочное введение в строй радиомаяка Дженретлен, а также удивление по поводу того, как нам это удалось.

Игорю в радиogramме рекомендовалось отметить премиями отличившихся. Кроме того, указывалось на персональную ответственность Игоря, если с маяком на полуострове Угол Иноземцевой что-либо произойдет и он будет бездействовать. В особых условиях этой навигации,

подчеркивалось в радиogramме, «Угол Иноземцевой» должен работать бесперебойно.

— Беспокойство из-за того, что много людей в том районе, — высказал я предположение.

— Вот именно, — сказал Игорь. — Хотя с маяком ничего не случится, если уж за зиму ничего с ним не случилось. Ничего ведь не произошло зимой, а?

— Совсем даже наоборот, — успокоил я его. — Ты просто объясни начальству.

— Этого в эфире не объясняют, — сказал Игорь. — Но у меня, кажется, есть идея.

— Приветствую идеи в головах старшего научного персонала, — ответил я на его недавний выпад.

Он пошел к капитану судна, а вскоре наш «Полюс» взял мористее и направился к северо-востоку.

«На то он и начальник, — подумал я. — Пусть решает. Что-нибудь да придумает».

Я пошел вздремнуть после всех ночных и дневных тревожений, а когда проснулся, в иллюминатор были видны знакомые берега Угла Иноземцевой.

— Спи, высадка утром, — сказал Игорь.

Судно было на якорях. Его слегка покачивало. «Зыбит. Ночь, пожалуй», — подумалось. Но на часы смотреть было лень, так хотелось спать.

Я и завтракал-то последним.

— Как ты смотришь, — спросил за чаем Игорь, — если мы тебя здесь высадим и заберем неизвестно когда, а? Будешь ты зрителем, настоящим зрителем маяка.

— Хранителем огня?

— Да.

«Такой же вариант, как с Костей, только на срок в сто раз больший», — печально подумалось мне. Конечно, жаль было покинуть судно и прерывать столь интересный рейс.

— Мы сходим на север, сделаем остальное. Пройдут мимо тебя несколько караванов. А мы на обратном пути тебя заберем. Возможно, через месяц, через два, — спрятав Игорь глаза.

— Да ладно, чего уж там, — помог я ему. — Если так надо... Опять же, благодарность и премия...

— Надо, Федя, — рассмеялся Игорь. — А о премии ты уж не беспокойся.

— Ладно. Чем не курорт? Охота, рыбалка...
— Продукты тебе в ящиках уже на палубе. И сетка. Наловишь к нашему возвращению рыбы. И навялишь? А?
— Отлично. Я пошел собираться.

— Давай. Если удастся и дичи подкоптить, имей в виду и меня, а то день рождения скоро, в самом конце навигации, сделаем прекрасный стол, и ты будешь рассказывать, а я тебя хвалить, чтобы не мучила совесть.

— Да брось ты плакаться!

Игорь вздохнул и закурил за столом, чего никогда раньше не позволял ни себе, ни остальной «науке».

— У меня нет выхода, — тихо самому себе сказал он.

— Не надо, Игорь. Все хорошо.

Мы высадились и принялись за работу. Людей вокруг не было, пастухи куда-то откочевали.

Палатку мне ребята соорудили капитальную, шести-местку, на деревянном каркасе, с нарами. И стол сколотили.

Я проводил их к боту. Мы с Игорем обнялись.

— Пока!

Я разжег на берегу большой костер, провожал судно. Плавника тут было много.

«Полюс» ушел. Стало грустно.

А вечером ко мне пришел гость. Пастухи — они были километрах в пяти — прислали гонца узнать, что за люди живут по соседству. Они видели мой большой костер.

Посланец, учетчик бригады Лилы, переночевал у меня, а утром я отправился к ним с визитом вежливости.

По дороге Лилы рассказал, что Угол Иноземцевой — их родовое место. Бригада ежегодно летом приходит сюда, а зимой они выпасают оленей там, за отрогами, где сейчас находится маленький отряд геологов под командованием бородача.

Лилы рассказал, что иногда они оставляют здесь одного человека, чтобы заготавливал рыбу. В прошлом году Лилы много наловил, а вот теперь стал учетчиком, он должен быть с бригадой. Через неделю кочуют дальше по берегу, им тоже нельзя упускать столь благоприятное время.

— А про Иноземцеву вы знаете? — спросил я.

— Знаем. Отец знает. Он у нее учился. Отец сейчас старей, но помнит. Можно спросить.

«Наверное, об этом свидетеле и говорил Юра», — вспомнил я.

В тот мой первый приход старика не было — он ушел на охоту. Потом я пришел в гости через три дня. Принес свежей рыбы и сахару, его мне ребята оставили много, а у пастухов, я заметил в первый раз, сахар кончился, а когда будет новый подвоз — неизвестно.

Я уже и забыл про Иноземцеву, да Лилы напомнил. «Спроси», — сказал он.

Старик говорил по-чукотски, Лилы переводил.

— А почему он не говорит по-русски, если его Иноземцева учила?

Старик засмеялся.

— Он понимает по-русски, — сказал Лилы, — но говорит, что был плохим учеником, плохо учился, вот и плохо говорит. Иноземцева его ругала, он помнит. Да старик больше охоту любил, чем сидеть за партой. Он даже два раза из школы убежал, так ему советовали взрослые. Шаман, наверное, или хозяин стойбища. Считать умеет старик и писать с ошибками.

— Какая она была?

— Кто?

— Иноземцева...

Старик задумался:

— Красивая... волосы красные...

— Рыжая?

— Да. Красивая. — Упорствовал старик.

— И еще он говорит, — переводил Лилы, — она была смелая. Ну, отважная.

Старик что-то долго и торопливо рассказывал учетчику.

Лилы внимательно слушал, качал головой, вздыхал, восторженно охал, улыбался, напряженно молчал. Наверное, рассказ был интересен.

— Вот, — вздохнул Лилы, — я сейчас все расскажу. Иноземцева хотела попасть на праздник идолов — ну, на кильхвей, праздник молодого оленя. У входа в ярангу сидела старая-старая старуха, почти не видела ничего. Она обнюхивала всех, чтобы чужие не вошли. Если другие запахи были — мыло, одеколон или еще чего, она тех не пускала. Иноземцева пять раз пыталась войти в яран-

гу. Старуха ее не пускала. Все бесполезно. Тогда Иноземцеву одели в чукотскую женскую одежду, в женский комбинезон — керкер. А старуха устроила ей экзамен на чукотскую женщину. Давала оленьи жилы — Иноземцева должна была их быстро рассучивать, давала мелкие бусинки — надо было составить узор, старуха проверяла на ощупь. Давала копальхен с травой — надо было есть. А потом... — Лилли замялся, — вы же знаете, чукотская женщина в керкере, когда работает, опускает с плеча правый рукав, выпрастывает руку, и грудь в керкере всегда обнажена, она всегда на виду, таков обычай. Иноземцева очень смутилась, махнула, чтобы мужчины удалились, что-то там расстегнула, обнажила руку и грудь, она очень смущалась, говорит старик, хотя никто не смотрел, кроме старика, разве постыдно смотреть на красивую женщину, да и отец был молод, не старый, но он был женат и не мыслил дурного. У нас такого не бывает, чтобы обидеть гостя, и тем более женщину, и тем более Иноземцеву.

— Удалось ей?

— Да. На шестой раз Иноземцева попала в ярангу, побывала на празднике. Там шаман был злой. Праздник наш добрый, но человек, который руководил, был злой. У него была деревянная кукла, он над ней заклинания говорил. Призывал чукчей не жить в домах. Пугал. Он называл фамилии чукчей, и кукла в это время вспыхивала над жирником синим огнем. Обещал, что дома этих чукчей сгорят.

— И сгорели?

— Да. Один сгорел, потом второй. Но это было раньше, до праздника. А на празднике Иноземцева его разоблачила.

— Как?

— Она взяла куклу! Вышла из яранги. Пришла, держала над жирником — кукла вспыхнула синим огнем. Она налила на куклу спирт. Шаман тоже незаметно мазал ее спиртом, или старуха незаметно мазала спиртом, а потом старик держал ее над жирником — вот и весь фокус.

«Вот ведь как интересно, — подумалось мне. — Наверное, действительно стоило остаться тут надолго, чтобы услышать эту историю. Надо будет сказать Юре, пусть приедет, все узнает подробно, напишет. Мало кто пока

что знает, какие интересные люди жили когда-то здесь, на этом пустынном нынче Углу».

— А где она сейчас?

— Не знаю. Заболела и уехала. Никто не знает. Отец тоже. Сейчас старая или умерла. Была бы жива, приехала. Разве можно отсюда уезжать насовсем? Вот и мы скоро сворачиваем яранги. Приходи в гости, прощайся.

Я пришел. Принес подарки. Лилли в ответ подарил мне легкую кухлянку из неблюя, я ее тут же надел, был ветер, а на море — шторм.

Чукчи разожгли костры. Мы устроили хороший ужин, рассказывали у костра интересные истории.

Ветер стал пронизывающим, мы с улицы ушли в ярангу и ужинали там. Была ночь. Шторм на море разыгрался не на шутку. Я простился и пошел по берегу домой.

Люди стояли на обрыве и как замороженные смотрели на море и красный закат. На горизонте качался на волнах большой корабль. Наверное, первый из караванов, который я ждал.

А люди стояли и смотрели на море, на красную полоску солнца, на корабль. Мне подумалось, что, если бы волею случая на этом пароходе оказался писатель, ему не надо было бы ничего придумывать. Он мог написать просто, как есть: «Всю ночь был шторм, и люди стояли на берегу...»

Инфаркт

Рассказ

«Каждое утро солнце встает над планетой, его добрые лучи гладят лицо моего друга, гладят его морщины, их у него становится все больше с каждым новым днем...»

Ну и что ж. Если солнце не стареет, то и друг мой тоже, несмотря на морщины. Ведь его морщины — это мои, я в его лицо смотрю как в зеркало, а мне так не хочется стареть...

Все изменится, а друг мой никогда. Ведь он также смотрит в свое зеркало — моё лицо. А если мы остались — мы будем. Пусть все меняется, лишь бы старый друг был неизменен.

Сейчас я войду в его избушку, мы обнимемся, и

С ба будем рады встрече, два немолодых уже мужчины.

Нам хорошо будет, мы вспомним обо всем, что было, что успели сделать. На Чукотке. И вообще.

Мы знаем, все, что не успели сделать, сделают другие. Хорошо, чтоб у других тоже были друзья.

Так думал Артур Миронов, когда два дня назад подъезжал к охотничьей избушке своего старого друга эскимоса Кеннакука, попросту Кена.

Все именно так и было.

...Миронов уезжал, как возвращался. Больше праздников не было. Уезжал к друзьям — от любимой женщины. Возвращался — от друзей к любимой женщине. Чтобы облегчить тяжесть расставаний, решил, что лучше сменить женщину. Менять друзей ему и в голову не приходило — он был хорошим человеком.

Потом догадался, что уезжал просто от суеты к покою. Кто же суетится на берегу Ледовитого океана перед лицом вечности и безмолвия?

Толстый Кен, с которым он сетью вытаскивал из-под льда громадную нерпу (вытаскивал молчаливо и грустно), добрый, молчаливый Кен сказал:

— Ты живешь в городе, я в тундре, но ты думаешь, как и я, когда один.

— А когда людей много?

— У меня в избушке много не бывает. Вот ты приехал — хорошо. А теперь когда приедешь?

— Не знаю.

— Будет плохо — приедешь, — уверенно сказал толстый Кен и улыбнулся.

— Сейчас мне хорошо, — сказал Миронов.

— А потом? — спросил Кен.

— Не знаю.

— Тогда я тебя не отпущу.

— Не отпускай меня, пожалуйста, — засмеялся Миронов.

— Вот мои собаки — они твои... и дом мой — твой... живи...

— Пойду собак покормлю. Можно?

— Мальчик тебя помнит, — сказал Кен. — Он тебя сразу узнал.

— Я его позову.

— Смени одежду. А то опять подумает — в дорогу.

— Я его позову, можно?

— Он тебя помнит.

— Мальчик!

В открытую дверь избушки заползал холод. Вошел громадный серый пес.

— Ненкай!... — нежно шептал и гладил его Миронов, — Ненкай!

Кен улыбался, тепло ему было на сердце.

Миронов сидел у порога. Мальчик лизнул руку и положил голову на колени. В душе Кена шевельнулась ревность, но он промолчал, он улыбался.

Миронов достал сахар и дал его Мальчику.

— Не надо, — сказал Кен.

— Да, — кивнул Миронов, но Мальчик уже съел кусок. Второго Миронов не доставал.

— Я сам покормлю, — сказал Кен. — Ты еще успеешь.

— Ладно, — сказал Миронов.

Кен потрепал Мальчика по шее, и они вышли.

Вечер наступил быстро. Миронов занимался печью. Наколот мелких дровишек (плавника было заготовлено еще с осени), принес угля, печь загудела.

На стенах с обшарпанной штукатуркой плясали блики огня, блики вместе с темными и белыми пятнами на стенах создавали причудливые жутковатые фантастические рисунки.

«Совсем в стиле Питсеолак²», — подумал Миронов и решил разжечь к приходу Кена керосиновую лампу и приготовить ужин.

Сейчас Миронов у себя в городе, в постели, он приболел, но вечером ему все равно придется встать и идти в ясли за сыном. Жены нет, она на сессии, учится заочно, она моложе Мирсонова на двенадцать лет, она уехала в Хабаровск, а на улице весна, хоть и живет Миронов в Магадане.

«Приехал бы Кен, — думает Миронов. — Все было бы легче. Ведь обещал».

И Миронов представляет приезд Кена, долгие, как и в тундре, городские чаепития, неторопливые разговоры о том, о сем, и конечно же в конце концов Кен вспомнит случай двадцатилетней с лишним давности.

¹ Ненкай — мальчик (чук.).

² Питсеолак — эскимосская художница с Баффиновой Земли.

— Да ну тебя! — скажет Миронов. — Пошли спать! Кен должен приехать и остановиться у Миронова. Миронов обещал ему путевку на курорт «Талая». С путевкой уже полная договоренность, а Кен все не едет. Да и пожил бы старик хоть недельку в городе — все развеялся бы после тундры.

До вечера далеко. Миронов лежит в постели, и даже читать ему не хочется. Лекарства рядом, на стуле, целая выставка медикаментов в пузырьках и таблетках.

«Не забыть бы переставить на подоконник, — думает он, — чтобы сын не дотянулся».

...С недавних пор он научился всему, что должен уметь мужчина, когда остается с новорожденным сыном один, без женщины. Сейчас малыш большой, уже в яслях, скоро два будет, а совсем недавно — и вспомнить Миронову смешно — остались они одни, мать тоже на сессию укатила, подруги ее шефствовать приходили. Все премудрости молодой мамы Миронов освоил на удивление очень быстро, и шефствующие женщины уверяли, что у него даже лучше получается. И перестали в гости ходить, чем очень обрадовали молодого папашу, будущего кандидата наук, не мешали работать. Дома его кабинет завален картами, схемами, образцами — работал он допоздна и, кивая на малыша, объяснял друзьям:

— Вдвоем пишем! Стараемся!

Неладья с сердцем у него началась недавно, после сорока. О причинах он догадывался и без врачей: неумеренность во всем. Неумеренность в работе, в застолье, в курении, в физическом распорядке жизни — то двухнедельная встреча друзей, то резко бросал и пить, и курить, окунался с головой в работу или в спортзале упорно и зло изгонял из организма токсины. А стрессы — у кого их нет?

И когда его прижимала суета, он искал всякого пловца, чтобы хоть ненадолго очутиться на берегу Ледовитого, в избушке у Кена. Благо организовывать это было нетрудно: Миронов — геолог и, когда-то его партия работала в этом районе, мало ли дел может быть в этом районе у бывшего начальника партии или в соседнем, из которого до избушки все равно добраться легче, чем из города.

«Весна... — думает Миронов. — Скоро зелень пойдет...

не пропустить бы одуванчики... салат «писанли» соорудить... да и другой травки поесть, глядишь, и полетало б...»

По весне в городе, в местах, свободных от бетона и асфальта, в изобилии росли одуванчики, Миронов собирал их, пока они еще не выбросили цвет.

Салат готовил сам, угощал друзей. Те пробовали, нахваливали. Только жена скептически относилась к кулинарным экспериментам Миронова. И соседка была на стороне жены, предпочитая салат из одуванчиков лямочку баранины или бифштекс с кровью.

Соседка была рыхлой, пожилой, с больной печенью. И однажды Миронов накормил ее все-таки салатом, пообещав на второе оленины. Боли в печени у соседки пришли. Через неделю она сама попросила — он приготовил. Боли ее не мучили.

— Заготовьте побольше зелени, а то вот они завтра-послезавтра в цвет пойдут, поздно будет, тогда другие блюда надо готовить.

Соседка до самой зимы не обращалась к врачам. И потом смотрела на Миронова как на мага. Только жена, глядя, как Миронов заправляет листья одуванчиков сметаной, говорила:

— Давай так — тебе трава отдельно, мне сметана отдельно...

— Ох, — вздыхал Миронов, — где бы мне траву от вредности найти? Всю бы оборвал тебе одной!

Она смеялась, он целовал ее, а по воскресным утрам, пока она спала, он бегал на базар за редиской, укропом и первыми огурцами для нее. Все это было парниковое, безвкусное и он нажимал на свои салаты из дикорастущих трав.

Он, как собака по весне, мог найти себе траву, не вполне догадываясь, почему именно ее он выбрал, но умел все же приготовить рассольник из крапивы, бутербродную массу из подорожника, жареные корнеплоды лопуха, пироги со шавелем, салат «писанли» или маринованные цветочные почки одуванчиков, кофе из поджаренных корней иван-чая.

Все это было не только съедобно, не только вкусно, но, главное, целебно.

«Сейчас бы травки, — думал Миронов, — да вот пока рановато еще. С недельку, поди, ждать придется».

После первого приступа Миронов стал бояться, что второй застанет его, когда он будет один, с малышом, без жены. И когда она уезжала в командировку или на очередную сессию, он договаривался со своим другом — коллегой по работе, чтобы тот каждое утро звонил ему домой, просто поздороваться и пожелать доброго утра. Это означало, что Миронов жив-здоров, ночь прошла хорошо, до следующего утра. Если телефон утром не отвечал, значит... Вот почему второй ключ от квартиры находился у друга.

Но сейчас и друг в отъезде, а посвящать в свои обстоятельства кого-то постороннего, даже приятеля, Миронов стеснялся, а потому просто никогда не закрывал дверь квартиры, когда ложился спать.

Он полагал, что случись с ним что-нибудь, ребенок будет плакать, и на его крик в квартиру войдут соседи или еще лучше малыш сам сможет выползти на лестничную клетку, тут его и обнаружат, лишь бы только с малышом ничего не случилось, лишь бы он не простудился на лестничной площадке.

Многое он еще предусматривал по спасению малыша на тот самый крайний случай.

С вечера он на стулья, табуретку, столик для игрушек расставлял еду и питье. В основном, хлеб, сухари, воду, сухую морковь (малыш ее обожал), конфеты, яблоки, если были. Он рассуждал так: в яслях ребенка хватятся на вторые сутки, пришлют кого-нибудь на третьи. На работе хватятся на вторые, придут на третьи. Во всяком случае, малыш двое-трое суток будет без еды. Этого достаточно, чтобы он свалился. Еды, расставленной в комнате, ему хватит продержаться до прихода людей. Ему уже больше года, ходит он довольно твердо и дотянуться до всего этого вполне сумеет. Ну, а если начнет плакать, тут его услышат. Хотя ребенок может при непрерывном плаче охрипнуть через несколько часов. Ну, еще и дверь открыта, это хорошо. Телеграмма вдруг придет или бандероль заказная, Миронову пишут много...

Свой ежевечерний ритуал, как только он с малышом возвращался из яслей, Миронов выполнял неукоснительно.

«Хоть бы кого-нибудь из друзей с Чукотки сюда занесло, переселил бы из гостиницы, все легче было б... и Кен чего-то не едет».

Миронов был реалистом, неизбежного не боялся, но ему страшно, всегда было страшно за сына, упаси боже, если что вдруг станет с ним...

Он понимал, вымалывать у судьбы и день, и год — бессмысленно. Цыганка как-то ему нагадала, когда он был студентом, — ежели, мол, переживешь пятьдесят два года, дальше долго жить будешь. До пятидесяти двух еще далеко, а вдруг цыганка недостаточно квалифицирована? Вдруг пятьдесят два перепутала с сорок два, с тем возрастом, который сейчас как раз у Миронова? Вот Пушкину цыганка совсем аналогично гадала. Переживешь, мол, тридцать семь — дальше долгие дни будут, глубоким стариком умрешь. Как в воду глядела, не пережил...

«При чем тут Пушкин? — злился на себя Миронов. — Нашел, с кем проводить параллели!»

И тут же себя оправдывал: «Я с цыганками провожу параллели».

Он понимал — от судьбы не уйдешь. Вот пример — рядом, этажом ниже, сосед жил, в областном обществе книголюбов работал. Стихи писал. Каждый день брился, носил галстук. Зарядку делал, бегал вокруг дома, тело свое холил, не пил, не курил, на балконе дышал полной грудью. А тут перед самым праздником стал делать замечания рабочим, что не там лозунг прибивают. Стоял он у подъезда и вел с ними нравоучительные беседы, ценные указания давал. И вдруг с третьего этажа пятилитровая банка с маринованными помидорами и огурцами венгерской фирмы «Глобус» на него свалилась. Бац! — и нет областного книголюб... Хорошо еще, что только ключицу переломала. А если б на голову? Уехал сосед лечиться на материк, говорят, совсем решил сюда не возвращаться. Да разве от судьбы уйдешь? Да разве нет на материке банок фирмы «Глобус»?

«Надо бы кошку завести, — думал Миронов. — А еще лучше собаку. Они умеют предчувствовать смерть хозяина. От них я бы про себя больше узнал».

По-разному люди предчувствуют смерть. Вот в прошлом году был Миронов в отпуске. Домик снимал в почти пустой деревеньке, сад-огород.

Сидит он как-то на крыльчке, покуривает, смотрит на закат, блаженствует. Подходит к нему хозяйка, у которой он был на постое, тетя Даша и говорит:

— Артур Иванович, а что, если возьмем бутылочку, выпьем и согрешим, а?

Отважно так спрашивает.

— Что ты, тетя Даша, зачем это, это ни к чему... — всполошился Миронов, застеснялся, ушел в свои комнаты.

А утром он узнал, что тетя Даша умерла.

Вот и все. И не виноват Миронов, а вину свою чувствует.

Форточка у Миронова всегда открыта. Весна на улице. Конец мая. Снег тает. А первомайскую демонстрацию совсем снегом засыпало, даже пурга была последняя, свирепая. Скоро июнь — там уж и лето молниеносное, хорошо летом, на Чукотку пора. Да нет, пора уже в ясли, за малышом.

«Что ж Кен-то не едет?»

Вспоминает Миронов прошлое. Странная штука время. Вот ведь как давно все было, уж и думаешь: а было ли?

Проходит время, одни люди остаются в твоей жизни навсегда, другие — как ночной гость — попил чай, переночевал и ушел из дому, будто и не было. И невольно думаешь, что высшая мера в оценке твоих дел — это когда друзья грустят, если тебя нет с ними рядом.

Миронов все еще лежит. Принял таблетку.

«Этот год, думает он, называется годом счастливых перемен. А с начала года двое его знакомых в разных концах области ушли в небытие. Прямо скажем, далеко не хорошие люди. Значит, для кого-то их смерть действительно счастливая перемена. И вот я сам лежу в постели. Если я уйду вслед за ними, — значит, я тоже негодяй? Выходит, надо жить, раз я хороший. Год-то счастливых перемен. А кому мой уход принесет счастье? Никому.

Хоть в этом-то я уверен, слава богу...»

Миронов встает, накидывает плащ, идет в ясли. «Вот все образуется, думает он, достану малышу собаку, большую лохматую чукотскую собаку. И еще научу его не бояться одиночества. Одиночество часто благо, не надо его бегать...»

А если Кен не приедет; дождусь жены и сам к нему поеду. И это враз утяготит его вину перед самим собой из-за несдержанного слова...»

В дни молодости Миронова где-то два с лишним десятилетия назад (боже, как быстро летит время!) эта узкая многокилометровая заснеженная коса сияла первозданной белизной до самой середины июня.

Весной над ней пролетали птицы, и белые канадские гуси обязательно стдыхали тут перед последним броском на остров Врангеля.

Поздним летом на косу вылезали моржи, грелись на солнышке, нестерпимый запах стоял вокруг, рев и хрюканье, но в основном все-таки была тишина — моржи больше спали, нежились на солнце.

Осенью и ближе к зиме коса превращалась в медвежью столовую. Медведи подкочевали сюда с первыми льдами, на косе валялись в множестве мертвые моржи — для старых, больных и просто задавленных в толкотне и свалке коса была последним прибежищем. Пищи для белых медведей было в избытке.

По следам медведей шли песцы, довольствовались остатками медвежьей трапезы.

Согласие в природе ничем не нарушалось.

Но по следам песцов шел человек. Охотники ставили тут капканы, иногда прямо на косе, иногда вынося привады прямо во льды океана — добыча была богатой.

Добыча Миронова не интересовала. Но охотничий сезон ставил перед Мироновым трудно разрешимые проблемы. Молодому начальнику геологической партии необходимо подобрать место для весовки, место выброски, где небольшой отряд должен соорудить стационарные палатки, устроить базу, и это место должно быть идеальным во всех отношениях — и чтобы отсюда удобно было вязать сеть маршрутов, и чтобы река была рядом, и чтобы в реке рыба водилась, и чтобы место это при половодье не заливалось, и чтобы выход к океану был покороче, чтобы при случае взять у чукчей вельбот, да и грузы морем доставлять легче. Много проблем...

Это сейчас с заброской легко: заказал вертолет — и ты вертолет получишь. А тогда на весь район одна «Аннушка» и один «канаельхын» («бычок» с чукотского, так охотники называют вертолет).

У «Аннушки» в районе забот полон рот — то санрейс, то обеспечение оленеводов на время отела, то еще что-нибудь непредвиденное. Да и не всегда «Аннушка» сядет там, где необходимо геологу. А на единственный вер-

толет тоже очередь — таких партий, как у Миронова, в экспедиции достаточно, а кому первому транспорт — это зависит и от готовности партии, и от погоды, и от благоприятного расположения экспедиционного начальства, в данном случае замначальника экспедиции по хозяйству.

Одна надежда — собачьи упряжки. Но где их взять, если поселковые каюры занаряжены в тундру к оленеводам, а охотники заняты своим делом и не бросят участок, пока сезон не кончится, а он длится аж до середины апреля.

Вот в такое-то тяжелое время раздумий, хлопотливое время и свела судьба Миронова и Кеннакука. На знаменитой Иульгинской трассе. Длина ее невелика — всего двести семь километров, но иногда зимой на преодоление этих километров уходила неделя. И сейчас в пути была колонна автомашин, замыкал которую геологический автофургон. Из трубы вился дымок — фургон отапливался, ребята на короткий путь не рассчитывали.

Миронов сидел с водителем. Машина плелась потихоньку, впереди основная колонна пробивала дорогу.

Почти половина пути была уже пройдена, когда на дороге Миронов увидел человека. Сначала он подумал, что это идет к ним шофер одной из забуксовавших машин, но в свете фар Миронов различил на встречном меховую одежду, а никто из шоферов меходежду не носил:

«Пастух, наверное, — подумал Миронов. — Где-то, видеть, тут бригада кочует...»

— Мэй, этти! — поздоровался Миронов.

— Привет... — ответил незнакомец.

— Куда?

— В Иульгин...

— Ого! — присвистнул Миронов. — Без малого сотня кэмэ! Пешком! Очумел, что ли? Пурга ведь!

— Да я не замерзну... и пурга скоро кончится... все равно кто-нибудь бы встретился, — весело сказал незнакомец.

Во время разговора Миронов внимательно рассматривал его. Он был ровесником Миронова, наверное, чуть старше, у северных людей очень трудно определить возраст. По-русски говорил чисто, правильно, без акцента.

«Чужка или эскимос?» — гадал Миронов и не мог определить.

— Давно идешь?

— Нет... часа два...

— Подожди... — Миронов залез в кабину, вытащил термос. Отвинтил, налил в крышечку. — Пей!

— Чай? — удивился путник.

— Ага! — засмеялся Миронов. — С коньяком и смородиной. Вкусно?

— Ни-че-во-о!

— Садись к ребятам в фургон, там печка, — сказал Миронов и сам забарабанил в дверцу.

— Принимай гостей! — крикнул он в темноту и помог Кеннакуку забраться.

В дорожном шоферском профилактории, где остановились на ночевку, наскоро поужинали, получили маленькую комнатку. После трудной дороги всем хотелось спать, а тут тепло и уютно, узкие железные кровати аккуратно застелены солдатскими одеялами и белоснежными простынями.

Ребята рухнули в постели, и тут только Миронов обратил внимание, что свободной осталась одна койка, для него, а дорожный попутчик вообще куда-то пропал.

Нашел его Миронов в коридоре. Он опять был в меходежде, сидел на полу, в углу, и, казалось, дремал.

— Товарищ, — толкнул его Миронов, — вставай.

Тот послушно встал.

— Пошли.

У окошка диспетчерши (она была и хозяйкой гостиницы) они простояли долго. На стук Миронова никто не откликнулся. Наконец окошечко открылось, и показалось заспанное лицо.

— Что такое? — спросила женщина. — Новенькие? А-а, — узнала она, — геологи...

— С нами пассажир... нужно еще одно место, — показал Миронов на Кеннакука.

— Мест нет, — сказала она, увидев человека в кулчанке. — Да не волнуйтесь, они привычные...

— Как это привычные! — взорвался Миронов. — Мест нет, — передразнил он. — На краю света, а совсем как на материке — «мест нет»! Это вот для вас «нет», а для него всегда должно быть, понимаете?

— Ну, нет... — вздохнула она. — А вдруг еще машины подойдут?

— Значит, есть?

Она молчала.

— Пожалуйста, раскладушку, и в нашу комнату.

На раскладушку Миронов постелил спальный мешок, сверху простыни, раскатал одеяло и стал устраиваться.

— Ложись сюда, — показал Миронов на койку. — Тебе еще ой-ей сколько топать, выспись хоть по-человечески.

Кеннакук не возражал. Его коричневое продубленное лицо было непроницаемым.

— Э-эх, хорошо-то как! — вздохнул Миронов. — Спим до победного конца. Спешить некуда.

Пурга действительно улеглась. Остаток пути прошли за день. В Иультине Миронов спросил Кеннакука:

— А теперь куда?

— Мне в другой поселок, на север. Должна за мной прийти упряжка.

— Там, где Коса Двух Пилотов?

— Да. Оттуда.

— Мы из этого поселка будем выбрасываться в поле, — обрадовался Миронов. — Весной...

— Скоро, — улыбнулся Кеннакук.

На улице был декабрь и непроглядная темень полярной ночи.

Но весна все-таки наступила. Миронов вышел из столовой поселка, присел на крылечке, закурил, щурясь от яркого солнца и снежной белизны. Вдали в океане голубели торосы, весело, по-новогоднему сверкали снежинки на антеннах полярной станции, резвились шенки на помойке, и даже движок возле бани тарыхтел не уныло, а весело. С визгом высыпала на улицу малышня из школы... Всюду весна, у всех хорошее настроение. Даже у Миронова, хотя он и думает: «Кому весна, кому весновка...»

— Здравствуй, начальник... — услышал он знакомый голос.

Миронов с интересом оглядел подошедшего, пристал:

— Ке... Кен... — пытался он вспомнить.

— Конечно, Кен! — обрадовался тот. — Здравствуй!

— Здравствуй, друг, здравствуй! Вот не ожидал!

— Так мы же зимой договаривались!

— Не помню. Все равно здорово!

После, в маленькой поселковой гостинице, попивая

чай на коньяке и смородине (это постоянный «фирменный» напиток Миронова), он поведал Кену о проблемах, мучивших его, о проблемах с транспортом, в данном случае с упряжкой.

— Это мы решим, — твердо пообещал Кен.

— Тогда я в магазин, — засмеялся Миронов.

— Пойдем вместе. А оттуда ужинать ко мне домой. У меня такая еда, что ты и не пробовал, — пообещал Кен.

Домик, в котсром жил Кеннакук, состоял из двух небольших комнат, просторной кухни, большой кладовки, склада для угля и пристройки для льда.

Встретил их высокий старик, очень древний (так показалось Миронову), и бабушка, круглолицая, со смешливыми глазами.

— Это мой дядя Агыга, — сказал Кеннакук, — а это бабушка Кайо, моя тетя, самая веселая на побережье.

— Ай! — махнула на него Кайо, она понимала по-русски и засмеялась.

Стол соорудили быстро. Миронов впервые пробовал сырую нерпичью печень, строганину из чира, жареный озерный голец ему понравился меньше. Потом печень пожарили — для гостя. Завершал трапезу олений бульон. Мясо и ребрышки были выложены отдельно. Чай предложили Миронову заваривать самому, тут понимали — на Чукотке у каждого обязательно свой рецепт заварки и обязательно самый лучший. А гость в доме — всегда хозяин, пожалуйста.

Агыга и Кайо как-то незаметно встали из-за стола и уединились в другой комнате. Вскоре оттуда донеслось негромкое пение, скорее речитатив. Они разговаривали, как пели, или, вернее, пели, как разговаривали, сидя на полу, полускрыв глаза, раскачиваясь.

— Вспоминают... — кивнул на них Кен. — О прошлой жизни. Про госгей разговаривают. Об охоте и дороге тоже. У нас песни называют «товарищи по одиночеству». Когда один, песня всегда помогает. А вдвоем песней можно разговаривать. Каждый свое сочиняет. Это как танец. Ты когда-нибудь увидишь танец. Надо праздника дожждаться. Давай еще выпьем, за стариков.

— Давай, — согласился Миронов.

...Кен проводил Миронова до гостиницы.

— Когда тебе удобней выезжать? — спросил Кен, прощаясь.

— Куда выезжать?

— Ну ты же говорил, что тебе нужна упряжка.

— Конечно, нужна!

— Тебя повезет Агыга. Я уже договорился. Я буду проверять его охотничий участок, я помогаю ему, ему трудно охотиться. А поехать он согласен. Он отличный каюр, ты не смотри, что дядя старый.

«Когда же он успел договориться? — недоумевал Миронов. — Все время были вместе, и об этом разговора не велось».

— Ну, спасибо, Кен! Утром я расскажу, куда надо ехать. Я утром загляну.

— Только пораньше, — предупредил Кен. — Мы все очень рано встаем.

«Есть необъяснимое очарование в езде на собачьих упряжках. Я счастлив, что захватил это время», — говорил Амундсен. Миронов то же может повторить вслед за ним. Каюр Агыга тогда помог ему начать отсчет первым километрам, сейчас, по прошествии стольких лет, на тундровом спидометре Миронова этих километров не одна тысяча.

С грустью и теплотой вспоминает Миронов то время. Сейчас он не смог бы проделать на нартах путь в несколько сот километров. И не потому, что не хочет или отваги поубавилось, а просто здоровье не то да и собак найти не так-то просто. Отвыкли люди от упряжек, вездеходы избородили тундру, стала она исполосована, вся в морщинах, как лицо Кеннакука. Но до сих пор просыпается Миронов с легким сердцем, с тихой радостью в удачу наступающего дня, если ему кажется, что видел ночью белую тундру и солнце над ней и тысячи солнц, отраженных в каждой снежинке, в каждом кристаллике льда, и слышал скрип полозьев, и улавливал запах тундры, запах весны, и, наверное, какая-то мелодия тех лет, далеких лучших лет его жизни слышалась ему ночью, только он не помнит какая, но знает, хорошо ему было, как хорошо сейчас, когда он все вспоминает...

...Провожали их Кайо и Кен. На дорогу Кайо вынесла что-то завернутое в тряпицу. Агыга кивнул, положил сверток в мешок. Потом Миронов узнает, что это прэ-рэм — костный мозг оленя с толченым мясом, самое ка-

лорийное средство в долгих переходах. У них оно было как лакомство, гернее даже, как НЗ, который можно тратить для удовольствия, ведь пищи было с собой достаточно.

Для собак захватили с собой целую нерпу. Агыга объяснил, что о корме не надо заботиться, по пути будут избушки, там есть запасы, и людям хватит, и животным. Миронову оставалось только доверять каюру, он теперь полностью подпадал под его власть, хотя каюр формально подчинялся Миронову.

«Десять дней примерно, не так уж и много...» — думал Миронов.

Шли чаще ночью, когда подмораживало. Днем отсыпались на солнышке, выбрав хорошую проталину, разбивали палатку. Иногда валились усталые рядом с палаткой, в меходежде было тепло.

Агыга надел двум собакам чулочки — они порезали лапы о лед, чулочков у него было припасено достаточно. Миронов старательно изучал все детали каюрского быта — и как Агыга разговаривает с собаками, и какой выбирает снег, и как псов кормит, и когда дает им передышку, и когда сам отдыхает, и как укладывает на нарте груз, и как строит взаимоотношения с пассажиром. Есть чему научиться в такой дороге, есть чему. Многие придется постичь Миронову, чтобы потом уже не забывать.

Долгая дорога, ночевки в снегу, хорошо выполненная обоими работа сдружила каюра и пассажира. И когда уже вернулись в поселок, вместо подарка отдал Миронов старику все банки-склянки-консервы, что были в рюкзаке (вот ведь как хорошо дорогу рассчитали, что даже вернулись с продуктами и полным НЗ!), и весь остаток спирта, что хранился у него в гостинице, а было там литра два.

Кену он выслжил две нейлоновые рубашки, заграничные, одну новенькую, вторую один раз лишь надеванную, они тогда входили в моду. Кен не удержался и сказал:

— Пришли мне такую же.

— Бери сейчас! — ответил Миронов. — Когда я еще в центре буду? А мне пришлют, бери!

Кен взял и принес Миронову нерпичьи торбаса и нерпичьи штаны.

— Непромокаемые, — сказал он. — В твоей работе

очень пригодятся. Залезай в воду и стой — и ничего. Сухо, тепло, как в постели.

— Ну, спасибо, Кен! Вот это я понимаю! А легкие-то! Да в них бегать в маршруте как олень буду!

— Да,— смеясь, согласился Кен. Он был рад, что его подарок пришелся геологу по душе.

— Да, пока не забыл,— засуетился Миронов.— Давай я дяде расписку напишу!

Он достал из кланшета полевую книжку, вырвал две странички, сел писать.

В те годы, вспоминает сейчас Миронов, листок, вырванный из блокнота и подписанный пассажиром упряжки, являлся для бухгалтерии неопровержимым финансовым документом. (Расписка. Я, имярек, арендовал упряжку и совершил проезд по маршруту такому-то, общей протяженностью столько-то км с каюром таким-то. Число, подпись.)

Это сейчас, если надо выбить транспорт у другой неподведомственной организации, приходится запастись справками, печатями, доверенностями и проч. и проч. А тогда бухгалтерия смотрела на километраж, производила несложные расчеты, платила каюру покิโลметражно, а счет выставляла той организации, представителя которой каюр вез. Стсило это недорого, как такси. Цена километра была такая же.

Миронов увеличил в полтора раза против истины пройденный километраж, колхоз заплатит Агыге хорошо, а как еще можно отблагодарить каюра? Все, что было у Миронова свое, он уже отдал. Можно поблагодарить и от имени геологической экспедиции.

— Вот и все,— написал Миронов и передал бумагу Кену.— А я в ночь на вездеходе полярной станции ука-тываю в райцентр. Самолетов еще долго не будет, надо торопиться. Спасибо тебе, спасибо дяде передай, хороший он старик.

— До встречи,— сказал Кен.— Если с Чукотки не уедешь, обязательно встретимся.

— Да мне только в этом в нашем районе еще работать почитай три года до отпуска! Надоедим еще друг другу! — засмеялся Миронов.

Встречались они еще не раз. То Кеннакук по своим делам придет в райцентр, то Миронов окажется на побережье. Один раз даже ходили на медведя, тогда он не

был запрещен к отстрелу. Миронов уже и не останавливался в гостинице, а, приезжая, заходил к Кену, швырял в угол спальный мешок, Кен мешок вышвыривал на кухню и стелил шкуры. На медвежьей шкуре да под пыжиковым одеялом — разве с мешком сравнить!

Очередной весной понадобилось ехать Миронову, на-шел ему Кен другого каюра. Не мог Агыга, вот уж больше месяца лежит, не поднимается, совсем заболел, и врачи ничего сделать не могут и в район не отправляют. Говорят, не транспортабельный.

Вернулся Миронов через неделю, когда Агыги уже не было в живых. Посидели тихо с Кеном, вспомнили старика. Бабушка Кайо пропала в соседнем доме, она теперь больше жила у соседей, там сверстницы, две старухи вдовье.

Миронов расположился на полу, на шкурах. Закурил. Рядом с ним присел Кеннакук. Перенес со стола стаканы и флягу. Сходил за чаем.

— Вот... — неспределенно сказал Кен. И они помолчали.

— Как он умирал? — спросил Миронов.

— Он тебя хорошо вспоминал,— ответил Кен.— Говорил, чтоб я тебе помогал. И еще распорядился, устное завещание...

— Какое завещание?

— Вэрэттырын... — тихо сказал Кеннакук. — Старый обычай. Добровольной смерти. Уходящий к верхним людям старик просит самого любимого из рода — сына или племянника — ускорить его уход. Он поручает. Это приказ.

— И ты выполнил?! — привстал Миронов.

— Что ты?! Вот и боюсь я все время — не в обиде ли на меня дядя там, где звезды, где светятся окна селения мертвых? Верхние люди ведь не обидчивы, да?

— Откуда я знаю? — удивился вопросу Миронов. — Этого никто не знает. Да и нет этого ничего!

— У нас старики по-другому думают. Это и в сказках, и в песнях есть. Нельзя послушаться воли уходящего на небо. Дядя — последний старик в нашем роду... Больше никто не будет выполнять этот обычай, нет в нашем роду стариков... все там, наверху...

Миронов сидел, обхватив колени и отрешенно глядя в пол.

— Выходит, еще, возможно, сохранился этот обычай?

— Не знаю, где-нибудь далеко в тундре, если есть древние старики, могут выполнить... не уверен.

— Дядя ведь был безнадежен, да? — спросил Миронов. — Врачи ничего не могли, дядя знал об этом?

— Знал...

— А сколько лет ему было?

— В будущем году исполнилось бы восемьдесят.

— Шаман был?

— Нет... дядя сам был немного шаман... умел немного... сейчас в поселке никого нет... может быть, в тундре, не знаю... мы праздники наши выполняем, русским нельзя на них быть, но камлания у нас я не видел...

Миронов заметил на полу в углу черный камень, машинально взял его и принялся рассматривать... Положил на место, не найдя в образце ничего интересного.

— Тунг «елькутак»... — сказал Кеннаук.

— Что? — встрепенулся Миронов.

— Камень Агыги... это наш семейный охранитель... бог по-вашему...

Миронов издали по-новому стал рассматривать камень, но уже боясь взять его в руки.

Обо всем этом вспоминал Миронов, когда шел в ясли за малышом, и недоумевал, почему же так долго к нему в Магадан не едет толстый добродушный Кен. А потом они все это в который раз за долгие десятилетия дружбы вспоминали вместе ночью, на кухне, за чаем и вином. Дело в том, что, вернувшись из яслей, Артур Миронов с удивлением обнаружил Кена, мирно поливающего чай.

— Я звоню, звоню, никто не отвечает, — вместо приветствия говорил Кен, спеша навстречу Миронову. — Толкнул дверь, а сна открыта. Я и зашел.

Они обнялись.

...Утром Кеннаук позвонил в НИИ, где работал Миронов, и сообщил шефу отдела, что звонят из квартиры, что была машина «Скрой помощи», что Миронова увезли, что Кен один с малышом и неизвестно, что делать.

— ...Сердце... я знаю... — шептал в растерянности шеф, — сердцу не прикажешь...

И невдомек ему было, что мог Миронов приказать сердцу, когда был один, приказывал повременить ради

малыша, но вот приехал Кен, заботы с плеч пали, он расслабился — и утренний финал, вот он, такой печальный.

Миронов выкарабкался. Сейчас в поле. Не пьет, не курит. Иногда делает утреннюю гимнастику, говорят, зарядка помогает. Помогает, да не всем. Потому и ждет он с давней тревогой того времени, когда можно будет спросить: как без меня у вас на этом свете?

Запах

МИМОЗЫ

Рассказ

1. Он стоял у окна, смотрел на веселые огни вечернего города и думал о том, что сейчас зазвонит телефон.

Сколько же лет не был Николай в этом городе? Он пытался вспомнить, когда был здесь последний раз, но его раздражал сладкий, приторный запах мимозы.

Так уж повелось, всегда, когда он останавливался в гостинице, он сам покупал цветы, дарил букетик дежурной по этажу, а остальное расставлял в номере — во всю свободную посуду, какая там была. Просто он любил цветы...

Его обычный жест по отношению к дежурной гарантировал ему спокойствие на весь срок пребывания, а букеты, расставленные в комнате для себя, радовали глаз и постоянно напоминали о том, что он на материке, что скоро это пройдет, что опять надо возвращаться на Север, где у него были друзья, любимая работа, любимый сын и любимая женщина.

Впрочем, любимая женщина у него была и в этом городе, но она была любимой в прошлом, и как он сейчас к ней относится, он еще не выяснил.

Никаких других цветов в городе не было, и, когда у первой встречной бабуся, торговавшей с рук, ему пришлось выбирать между тонкими непонятными ветками, которые еще не распустились, и охапкой пряных мимоз, он выбрал мимозы.

«Чем же они пахнут, черт возьми?!»

Он закурил, выпил стакан минеральной, и ему захотелось чаю. Запах мимоз смешался с табачным дымом и стал еще крепче. Желание чая натолкнуло его на мысль о буфете, и тут он увидел, как к стоянке такси — она хорошо просматривалась из окна третьего этажа гостиницы, была у самого подъезда — подъехала машина с номером 10—01, и Николай рассмеялся.

У Николая в Магадане был приятель, и они вместе вывели формулу, согласно которой если ты днем увидишь машину и в номере ее первые две цифры будут повторены двумя последующими, то сегодня ты обязательно встретишься с друзьями. Они часто испытывали судьбу, примета стала их игрой, они к ней начали относиться вполне серьезно, потому что она сбывалась в девяносто девяти случаях из ста.

Автором этой приметы был Саша. Неизвестно, где он ее сочинил или про нее дознался (в роду у него бабка была как-никак цыганкой), теперь уже ничего не поделаешь, если для Николая и Саши примета всегда была роковой. Потому что не может человеку так вот запросто встретиться машина, у которой в номере две первые цифры были бы в точь такие же, как две вторые.

«Ярангой! — вдруг осенило Николая. — Мимозы пахнут ярангой. И как я раньше не догадался? Конечно же ярангой, иначе б запах не был столь знакомым...»

Николаю стало легче, он уже не думал о мимозах, да и запах цветов стал вдруг почему-то не таким сильным.

«Да, а когда же я все-таки был последний раз в этом городе?»

И тут зазвонил телефон.

Он поднял трубку, улыбнулся и первым сказал:

— Здравствуй!

— Здравствуй, Николаюшко, здравствуй... Прилетел...

Сделал милость... ошастливил...

— Перестань, пожалуйста.

— Здравствуй, Ник. Я так рада...

— Я тоже...

— Я думала, сколько же ты не был в этом городе.

— Я тоже только что думал об этом. Не припомню сколько...

— И я не припомню... да и немудрено, у меня память девичья...

— Знаем, знаем, какая «девичья».

— Почему ничего не писал? Я бегала на почту — и все зря...

— Ты и так обо мне все знаешь, — грустно сказал он.

— Но ты не представляешь, Ник, когда приходишь на почту, а в окне «востребования» тебе ничего нет.

— Это смотря за чем приходишь, — сказал он, — за письмом или за переводом.

Она засмеялась.

— Нет, Ник, ты не меняешься. И мне кажется, ты заслуживаешь немного большего, чем одиночество...

— Я не одинок.

— Я не об этом, — сказала она. — Человек может быть страшно одиноким, даже если у него много друзей и достаточно непривередливых баб... ты уж прости...

— А ты не злись.

— Я не злюсь... я знаю, ты никогда не был праведником.

— Ты мне выovarиваешь, как жена.

— Нет, я твой друг, и я тебя люблю... всегда любила... Это больше, поверь, чем жена... хотя я и знаю о твоих похождениях...

— Какие уж там...

— Перестань... терпеть не могу, когда врут и оправдываются.

— Ладно, — вздохнул он. — Только не надо о том, почему мы не вместе.

— Тогда говори о погоде... Это всегда выручает, — засмеялась она.

— У вас хорошая весна, — начал он. — А у меня в номере пахнет ярангой.

— Мимозами? — удивилась она.

— Конечно! Откуда знаешь?!

— В яранге Кергенто всегда пахло мимозами, — просто сказала она.

— Знаешь, — сказал он, — мы никогда не смогли бы быть вместе. У нас ощущения одинаковые.

— Ну уж... ты скажешь... Ощущения — это еще не вкусы... вкусы у нас, слава богу, разные... Пойдем в театр?

— Нет, — сказал он.

— Вот видишь, — засмеялась она. — А в кино?

— Тоже...

— Может быть, на выставку?.. хорошие молодые художники...

— Настоящий художник один... это бог.
— Да?
— Он создал действительное произведение искусства — женщину. На все остальное, созданное руками других художников, можно не смотреть...
Она вздохнула:
— Совсем ты там одичал, на Чукотке... — И вдруг отчаянно, как в прорубь: — А я совсем не изменилась...
— Чувствую... по голосу...
— Талия по-прежнему... помнишь, как ты говорил... самая тонкая.
— Теперь уже во всем Ленинграде...
— Конечно, — сказала она, — я уехала, и нет больше... у вас остались одни толстушки...
— Ты не права... У нас красивые девушки... они просто зимой одеваются теплее, вот и все...
— Значит, ты там без меня не скучаешь...
— Скучаю... я не один, но скучаю... Юпитерша, ты ревнуешь, значит, ты не права.
— Мне думается, — серьезно сказала она, — ревность — нормальное состояние здорового человека... любящего человека, если тебе угодно.
— Вот здесь мы с тобой схожи. Если б ты знала, как мне хочется тебя увидеть...
— Боишься?
— Не знаю... ведь столько лет... и сын большой?..
— В первом классе...
— Сначала он будет отличником... потом великим человеком... его судьба выбрала, так нужно было провидению... или еще чему-то, что свыше.
— Ты мне уже говорил об этом... давно, на Чукотке... еще тогда... в больнице...

2. Долго будет помнить он сладкий, с горечью дыма, запах тундры, будет метаться в своей пустой холостяцкой квартире, достанет из кладовой меходежду, палатку, всю амуницию, свалит в комнате, чтобы запах тундры заполнил ее, уткнется лицом в красную кожу кухлянки, будет вдыхать ее запах, и в закрытых глазах его возникнет тундра, и яранга Кергенто, и смеющееся счастливое лицо Ирины — и закружится у него голова, и захочется плакать.

...Тогда летом все началось с вертолета. В партии его ждали долго, и, когда он показался над сопкой Линлич, ребята засуетились, хотя ящики с образцами уже давно были готовы к отправке. Хотелось побыстрее получить почту — письма, посылки, газеты, стосковались по новостям за полтора месяца поля.

Вертолет опустился за сопкой — там летнее пастбище оленеводов, там старик Кергенто и две женщины. Они сушат мясо, заготавливают рыбу, ждут, когда подкочуют пастухи. От стойбища до базы партии вертолетом несколько минут.

Вертолет поднялся скоро, набрал высоту и, не заходя на базу геологов, лег курсом на Анадырь.

— Вот нам, — выругался начальник и ушел в палатку.

Все знали, что теперь еще месяц в небо можно не смотреть, и уныло разбредались кто куда.

— Вот что, — нашел начальник Николая на кухне. — Вот что, — сказал он, — сгоняй к старику, узнай, что там. Давно ты у него не был, твоя очередь. Заодно и мясо у него попросишь.

— А ему чего?

— Сгущенки возьми. И браги захвати, угостишь. Прогуляйся, все равно дел нет. Захочешь у него ночевать, оставайся. Но утром на обратном пути поколупай фауну, поковырайся на склоне, там обнажение. Глядишь — и повезет. А?

— Конечно...

На базе были только консервы. И раз в неделю кто-нибудь из геологов ходил в гости к старику Кергенто, к его ярангам, за сопку, примерно километров за десять. Когда геологи были в маршруте, ходил завхоз. Старик щедро одаривал мясом и рыбой — свежей, вяленой, соленой. Геологи в свою очередь носили ему керосин, сгущенку, муку. В ручье, на берегу которого стояли палатки геологов, рыба не водилась. Выбрасывались весной, все было в снегу, и место выбрали неудачно. Река-то протекала мимо стойбища Кергенто, и рыбы там было в изобилии.

Начальник строго соблюдал принцип равног партнерства, и святой ритуал обмена, давно превращенный почти в игру, нравился и чукчам, и геологам.

— Вот ягоды пойдут, — вздыхал начальник, — пирогов напечем старику, никогда он пирогов с ягодами не едал,

вот удивим!.. — Потом опять вздыхал: — ...и сами наедемся.

От таких оптимистических прогнозов становилось совсем тошно, каждый мечтал о вертолете, ждал его — что там дома-то? что с любимой? Письма где, письма?

И вот вертолет пролетел мимо.

Николай собрался быстро, простился с начальником и не спеша поплелся к сопке.

Вернулся он на другой день вечером.

— Гость там, — сказал Николай начальнику. — Этнограф. Из Москвы.

— Любитель экзотики?

— Работа, говорит, такая... материал собирает. Наверное, для кандидатской.

— Знать, на других северах бывал?

— Ага... ужин оставили? — перевел разговор Николай.

— Сам сварганишь, — начальник не заметил смущения Николая.

— Слушай, — заглянул через полчаса на кухню начальник партии, — а ведь за ним должны вертолет прислать?

— За кем? — не понял Николай.

— За этнографом...

— Да где-то через месяц... примерно так обещали.

— Обещают... как и нам, — махнул рукой начальник и ушел.

Николай сидел, закрыв глаза, перед остывшей кружкой чаю. Завхоз думал, что он намаялся и спит сидя, и, чтобы не греметь посудой, вышел из палатки. А Николай весь был там, в стойбище Кергенто, и никак не мог понять себя, никак не мог решить, что же ему делать.

Наутро, еще до завтрака, он объяснил начальнику свою идею.

Дело в том, что в самом начале поля решено было, используя погожие дни и веря хорошему прогнозу (прогноз подтвердился), уйти на лошадях в самый дальний угол планшета и обрабатывать границы территории партии, постепенно сужая круг, а все, что во круг базы в радиусе пятнадцати — двадцати километров, оставить «на потом», на осень, когда пойдет снег и дождь, все равно база рядом, не страшно. Месяц отряд промывальщиков и два съёмочных кочевали с подбазы на подбазу, работа шла хорошо. Сейчас три дня

взято было на отдых и на камералку и, конечно, на ожидание вертолета.

— Мы выходим завтра, так? — спросил Николай.

Начальник кивнул.

— Есть идея, — продолжал Николай. — Вот этот угол, работайте без меня. На него вам понадобится дней двадцать. Я же это время буду снимать территорию, прилегающую к стойбищу Кергенто. И то, что к нашей базе — тоже.

— Один?

— Нет. Возьму этнографа. Радиометриста оставляю вам. А вы мне один радиометр. Этнограф согласится, ему делать совсем нечего.

— Отлично! — обрадовался начальник. — Мы свое сделаем, вернемся, и тут все сделано — экономия недели на две. Скажи этнографу, у нас хороший фонд зарплаты, можем его оформить на это время радиометристом.

— Да так согласится, из любви к искусству, — сказал Николай. — В тундре от безделья чокнуться можно. Но предложить — предложу. Сговоримся...

— Получается, мы делаем три съёмочных отряда, — задумался начальник. — Бывший твой отряд остается без тебя.

— Не забудь, у меня студент-дипломник, ему можно доверить, если, конечно, ты из своего отряда перекинешь старшего геолога, — сказал Николай.

— Ладно, я один потяну, — согласился начальник. — Тебе же тоже в общем-то одному придется... эх, две недели, так заманчиво! Молодец!

Начальник свернул карту, сунул ее в планшет и побегал завтракать, чтобы первым успеть к свежему чаю. Пока он не выпивал чайник свежего чаю, он не объявлял заданий на день.

3. Пройдет немного времени, и поле будет в прошлом, и будет Николай метаться в одиночестве ноябрьской ночи, и так ему захочется туда, в стойбище Кергенто, захочется в лето, в гудение комаров, в каторгу и соленую радость маршрутов, захочется к ней, к ней... Он и сейчас видит... Все видит, как будто это было вчера.

Вот он возвращается из очередного маршрута, ды-

мок костра у яранги виден далеко-далеко... И видно, как она спешит ему навстречу, она заметила его, когда он был еще на гребне. Она ждала его с самого утра, как только он ушел... Она бежит ему навстречу, он сбрасывает рюкзак и ждет ее.

Она бежит и смеется, и ветер развеивает ее белые как снег волосы...

«Окко!» — всегда удивлялся старик Кергенто, когда ее волосы вспыхивали отблеском при неярком пламени костра в чоттагине.

— Как луна, — улыбался дед. — Красиво. — И тепло смотрел на Николая.

И он протягивает к ней руки, и они падают в траву, и он не может оторваться от ее губ, и им нет времени ждать ночи...

А в стойбище старушки тоже видели, как появился Николай и к нему побежала Ирина, и чай поставили, и мясо разогрели, да вот и чай остыл, и мясо снова ставить надо, а молодых все нет... куда они делись? Неужели не устают за день?.. эх, молодежь... Да чего уж... вон погода какая хорошая, пусть гуляют, скоро дожди пойдут, насидятся еще в яранге.

А они лежат, смотря на небо, и облака, подгоняемые ветром, уходят за запад, за дальнюю гряду сопок, куда скоро спрячется нежаркое вечернее солнце.

Она закрывает его лицо своими белыми прядями, и волосы ее пахнут дымом костра, и свежим ветром, и травой, когда она в ожидании дождя, и вся она пахнет тундрой.

— Когда в маршрут возьмешь, Коля?

— Успеешь еще... занимайся этнографией... сделай свои дела...

— У тебя маршруты сейчас длинные... думаешь, я ходить не умею?

— Вовсе не думаю...

— Я не буду обузой... я тебе помогать хочу... ведь тебе — это нам? Да?

— Конечно... Да сейчас я один справляюсь... лишь бы радиометр не подвел... капризная штука... беречь надо... последний в партии.

— А он не опасный?

— Кто?

— Ну, этот твой прибор?

— С чего ты взяла?

— Ну... я слыхала, что это вредно...

— Что, заметно? — смеется он.

— Фу, какой ты вредный!

— Глупости все это... После серии маршрутов надо эталонировать радиометр, проверять его... он очень чувствительный, а радиация практически присутствует всюду — в воздухе, в воде, в почве... вот и в твоих волосах тоже...

— Когда я причесываюсь, летят искры...

— Это совсем другое, это электричество...

Они возвращаются к ярангам, Ирина несет рюкзак Николая («дай я понесу!»), чукотские старушки смотрят и про себя удивляются, совсем, мол, как чукотская женщина, молодец...

Но и Николай неналегке. Он перетянул ремнем вязанку хвороста и несет ее, закинув за плечо. Такой обычай, и Николай всегда из тундры приходит к ярангам с дровами. Никто его не заставлял, он сам знает — так надо.

Пока Николай ест мясо и пьет чай, Ирина успевает сбежать с ведром к речке. Здесь никто не ждет напоминаний, каждый стремится делать то, что другой пока еще не успел. Вот и живут все в стойбище ладно — и хозяйева, и гости.

С первыми дождями прилетел вертолет и увез Ирину. На этот раз, забрав ее, он подсел к геологам, привез письма, посылки, газеты. И когда начальник партии увидел Ирину и Николая, он понял все.

— Да... кх... дда... кх, — кряхтел он, улыбаясь. — С таким радиометристом я тоже не прочь сходить в маршрут, в самый дальний... Да... Мог бы и в партии ее оставить, чего стесняться? Поработали вы хорошо, ничего не скажешь... Вот что значит вдохновение.

Он замолчал.

Николай сидел молча.

— Я скажу, о чем ты сейчас молчишь, — продолжал начальник. — Будешь проситься с первым вертолетом в город, домой.

Николай кивнул.

— Отпущу. И так пора сворачиваться. Шмоток у

нас на два рейса. С первым ты и полетишь. Обещают через неделю; Начиная собираться.

— Спасибо...

— Честно говоря, я хотел тебя попросить перегнать лошадей... У тебя ведь никого в городе, некуда было торопиться... а теперь...

— Так вышло, — тихо сказал Николай.

— Ладно... заботы приятные... собирайся... Ты хорошо поработал. Честно говоря, мы даже не верили, что тебе удастся. Думали, придется здесь немного повкалывать... И фауна какая хорошая, редкая прямо...

— Это Ирина...

— Поделишься с ней премией, — улыбнулся начальник.

...Но первый вертолет прилетел только через десять дней, Ирины в городе уже не было, только записка на «востребования». Ирина сообщала, что уезжает в поселок Теюкуль на берегу Ледовитого океана в соседний район, там зимой живет Кергенто. Он обещал свести ее с родственниками, чтобы она смогла принять участие в осеннем забое оленей, и в праздниках, и в зимних кочевьях. Будет в поселке до Нового года. А потом можно и в Москву. Хорошо бы, если б и Николай как-нибудь смог появиться в этом поселке, ведь надо им наконец что-то решать.

То летнее стойбище называлось по имени сопки — Линлин, сердечко с чукотского... Случайная символика. Два сердца вдрызг — не собрать осколков. Винават Николай. Струсил тогда, не поехал в поселок... а чего боялся? И сейчас он не может понять, почему боялся круто менять судьбу, ведь любил же он Ирину.

Написала она ему тогда последнее письмо, очень злое. Сейчас он перечитывает это письмо и понимает, что оно не злое, а, скорее, нежное и в горечи своей справедливого...

Потом, когда всем станет известно все, начальник спросит Николая:

— Если у тебя на руках двое волчат, один из них умрет раньше другого. Знаешь какой?

— Не знаю...

— ...которого сколько ни корми, а он все в лес смотрит.

— О чем ты? — спросил Николай.

— О свободе. Тебе скоро сорок, такую девку упустил! Со свободой боялся расстаться. Все порхать хочешь? Будешь теперь как одинокий волк сидеть у норы и выть по ночам. Извини уж, старина... Чего думаю, то и говорю.

Николай, ничего не сказав, вышел на улицу. У крыльца стояли два вездехода. Автоматически глянул на номера. Один из них был АН 43—34.

«Встречусь с друзьями», — подумал Николай.

4. В начале ноября перед самыми праздниками из поселка Теюкуль в райцентр вышли два колхозных вездехода. Вскоре началась пурга. В пурге и в полярной ночи вездеходы потеряли друг друга. Одному из них повезло — он вышел на трассу и через сутки был в райцентре. Второго ждали день, два, три, неделю — бесполезно.

Пурга бушевала по-прежнему. Предпринимать какие-то спасательные работы было бессмысленно. Оставалось надеяться на окончание пурги и снегопада. И еще — на опытность водителя.

Штаб по спасению был создан на четвертый день. Из показания первого вездеходчика явствовало, что во втором вездеходе находился груз — моржовое мясо, два пассажира — мужчина и женщина и вездеходчик. На трюм — два спальных мешка (оленьи кукули). Ракетницы и оружия в вездеходе не было. Заправлен он был полностью. НЗ на борту отсутствовал, каждый взял в дорогу еды по своим потребностям, из расчета на суточный перегон, а может, чуть больше, вездеходчик точно не знал. Огонь у них тоже должен был быть, поскольку оба мужчины — курящие.

Через неделю пурга стихла. Район предполагаемого нахождения вездехода и весь маршрут с самого начала прочесывали на бредущем «Аннушки» и вертолеты. Командирам рейсовых ИЛ-14, пролетающим этим районом, была дана инструкция следить за землей в поисках таинственных не предусмотренных картой огней. Был сделан обратный рейс вездеходами райцентр — Теюкуль, но никто не встретился на пути, а следы вездехода пурга упрятала за семь дней ноябрьского буйства.

Шел двадцатый день поисков. В поиски включились

и пастухи-оленьеводы. Все оленбригады были предупреждены по радию о необходимости обращать внимание на мельчайшие детали пребывания в тундре человека или вездехода.

Во все охотизбушки тундры и побережья отправились гонцы на собачьих упряжках.

Но вездеход как сквозь землю провалился.

Начальник геологической экспедиции райцентра отобрал шестнадцать геологов-лыжников, дал им два вездехода, разбил район поисков на квадраты, утвердил свою методику прочесывания, ее обсудили и согласились. Все необходимое было погружено в вездеходы из расчета на десять дней работы. Под командованием комсорга экспедиции оба вездехода отправились на север.

На двадцать девятый день поисков вездеход нашли. Истощенные и обмороженные люди были доставлены в районную больницу.

Газета «Советская Чукотка» первой напечатала сообщение о мужестве женщины. Затем областная газета. Затем прилетел корреспондент «Комсомольской правды» и напечатал полосу. Как выяснилось, вездеходчик вел себя не лучшим образом. Второй спальный мешок пришлось делить женщине и второму пассажиру. Пассажир оказался славным парнем, и ему-то досталось больше всего — ампутировали пальцы на обеих руках. Вездеходчик отделался простудой и истощением. Женщина обморозила лицо, руки, ноги и сильно простыла. Врачи сделали все, что смогли, — но три пальца на ногах пришлось ампутировать.

Первые две недели они сидели в вездеходе, согревая салон паяльной лампой. Когда еда кончилась, перешли на моржовое мясо, благо его было много. Потом не выдержали и предприняли попытку оставить вездеход и идти к трассе, откуда им слышался гул. На самом деле это были галлюцинации, и они не шли к трассе, а удалялись от нее. Вездеход был совсем занесен снегом. Вернуться к нему они уже не могли, потеряли след. И тогда совсем случайно наткнулись на заброшенную избушку. Там было немного дров и угля, но ни грамма пищи. А моржовое мясо осталось в вездеходе. Вот здесь в избушке их в беспамятстве и нашел отряд геологов-лыжников. Это было уже в начале декабря.

Когда Николай прочитал сообщение в газете, ему за-

хотелось убить себя. Корреспондент писал, что пассажиркой вездехода была молодой московский ученый — этнограф Ирина Иванова.

Утром Николай был уже в аэропорту, но ему пришлось помаяться еще три дня, прежде чем открылся райцентр и туда состоялся рейс.

Ирина лежала в отдельной палате — постарались журналисты.

— Ой! — откинулась она на подушку, когда он вошел. И протянула к нему руки. Совсем как тогда, в тундре, когда бежала, встречая из маршрута.

Он опустил на пол рядом с кроватью, она гладила его по голове и плакала.

— Вот видишь, какая я стала... совсем страшная...

Лицо у нее было розовым, только кое-где сохранилась старая кожа и незажившие ранки на подбородке. Свет в палате был приглушенный, от ночника, и ему показалось, что волосы у нее темные. Он присел рядом на постель, взял в руки ее волосы, перебирал их на свету — они были темнее, чем тогда, в тундре... Что-то сдавило его горло, и он спрятал лицо в ее волосах, выдохнул их запах, но все здесь пахло больницей...

— Седины много... — бормотала она, — хорошо, что я белая, не так заметно... придется краситься...

Она глубоко вздохнула, перестала плакать.

— Коля-Коленка... глупо мы поступили, бросив вездеход... Не надо было уходить от вездехода.

Она опять всхлипнула.

— ...и в босоножках мне теперь ходить нельзя... большого пальца на правой нет, и двух — на левой... а у меня дома такие красивые босоножки... с серебряной нитью, из Индии... все тебе хотела в них показаться.

— Не надо, Ирину... — успокаивал он ее, — не надо. — Он целовал ее лицо, и ей было не больно.

— Вот, — спохватился он и поднял с пола сверток. — Тут ребята собрали разных дефицитов...

— Ой, что ты! Не надо! Вон посмотри! Мне ведь нельзя много... я сейчас на бульонах да на кашах...

Подоконник и тумбочка были завалены свертками, кулками, пакетами, банками.

— Может быть, достать чего-нибудь такого... я не знаю...

— Ничего не надо... мне достанут, если понадобится... спасибо, меня не забывают... хорошие тут люди.

Какое-то мгновение они пристально посмотрели в глаза друг другу. Он смутился, она улыбнулась, пригнула его к себе, поцеловала.

— А я ведь прощаюсь с тобой, Коленька... навсегда...

— Ну зачем тебе надо было ехать на этом вздохе? Зачем тебе надо было в этот райцентр? На праздники захотелось? Одичала там, в Теюкуле? К веселью потянуло, к танцам, к музыке?

— Тише... Коля... Иди сюда, ко мне... вот так...

Она вздохнула.

— Теюкуль поселочек-то малюсенький... Врачей и больницы там нет... вот я и поехала сюда, время поджидало... не понимаешь? Ехала-то я сюда аборт делать, Коленька... да вот месяц проторчала в тундре, теперь поздно... теперь буду рожать...

Он оторопел.

— Как?!

— Обычно... как все бабы... лишь бы мальчик здоровым родился, об одном бога молю.

Он молча, растерянно смотрел на нее.

— Я тогда, осенью, когда ты не приехал и ничего не написал, на тебе крест поставила... а в сентябре с ним познакомились. Он прилетел смотреть промежуточную площадку для рейсов во льды.

— Кто он?

Она сказала.

Он вздрогнул. Это был известный полярный летчик.

— Он же старше тебя, лет на двадцать...

— На двадцать два... — поправила она. — Ты ведь тоже старше, — она задумалась, — на шестнадцать.

— Да, — потупился он.

— Вот... — вздохнула она, — он сейчас в Австралии. Там какие-то переговоры об авиатрассе на Антарктиду. Это от него, — кивнула она.

Только сейчас он заметил рядом с настольной лампой стопку радиограмм.

— Он такой смешной, — улыбнулась она. — Говорит, никаких рейсовых. Ко мне его друзья летчики приходили. Выпишусь — они увезут меня на мыс Шмидта. Оттуда на их самолетах северным путем прямо в Ленинград. Там уже к свадьбе все готово... Люблю я его, Ко-

ленька... И мальчика нашего люблю... лишь бы здоровым родился... дура я, дура... как я могла о больнице подумать... разве можно, ведь первенец.

— Он будет человеком... это судьба... все будет хорошо, ты не волнуйся.

— Спасибо, Коленька... Всю жизнь мою перевернул твой Север. — Она опять заплакала. — Я счастлива, Коля... Очень счастлива... дай я тебя поцелую. А теперь иди... плохо сейчас мне, Коленька, прощай.

5. — Значит, я поняла, мы опять не увидимся?

Рука его, державшая трубку, вспотела.

— Не знаю, — неуверенно произнес он.

— Опять трусишь?

— Нет, просто боюсь за себя.

— А я, думаешь, не боюсь? — засмеялась она.

— Ты счастлива? — вдруг спросил он.

— Да, — не раздумывая ответила она.

— Я так рад, когда другие счастливы. Я хотел, чтобы все женщины на земле улыбались...

— Все улыбаются, а я реву... Хоть бы для меня одной ты что-нибудь сделал... для всех делать легче... Я иногда вспоминала тебя... Первое никогда не забывается... Помнишь, тогда, в тундре? А как Кергенто? Ты с ним видишься?

— Он заболел. Его положили в больницу. Он спросил: «Смогу я пасти оленей?» Ему ответили: «Нет». — «Тогда зачем меня лечат?» — сказал он и сбежал из больницы. Доживает свои дни в тундре, даже на усадьбу не приезжает.

— Это настоящий человек, — сказала она. — Настоящий мужчина. Вот кому стоило бы подражать. Ты никому никогда не подражал? У тебя не возникало такое желание?

— Мне хотелось бы подражать себе, когда я был тем, кого ты знала в стойбище Линлин.

— Значит, ты сильно изменился, — тихо сказала она. И вдруг неожиданно: — Ты сюда надолго?

— Да, времени еще много...

— Я буду ждать твоего звонка, хорошо?

— Хорошо, — ответил он.

— Скажи мне еще что-нибудь, — попросила она.

— Я тебя люблю, Ирина.

— Это я знаю, — засмеялась она и положила трубку.

6. В запасе у него было еще три дня, но испытывать себя ему не хотелось. «Незачем встречаться, — решил он. — Незачем беречь раны себе и ей».

Он спустился в холл, там был киоск — касса Аэрофлота. Взял на завтра билет до Магадана. Потом пошел в детский магазин, купил своему пятилетнему сыну пластмассовую гоночную машину. Пообедал в ресторане, побродил по набережной Невы, купил в дорогу большой букет мимоз и, не торопясь, отправился в гостиницу собираться.

Рейс состоялся без задержки, и так же по расписанию самолет прибыл в Магадан. Дома были рады цветам, как-никак май, на улице идет снег, а тут в комнате южные цветы. Он поставил вазу с цветами на телевизор, и, когда шла цветная передача, он сравнивал цвет этих мимоз с теми, что на экране. Выходило похоже...

Потом он о цветах забыл, стоят они долго, и вскоре к ним все привыкли, как привыкают к окну, столу, телевизору.

Однажды он долго работал в своей комнате и, откинувшись в кресло, так и уснул.

Проснулся далеко за полночь. На улице гудела майская пурга. Болела голова — то ли от усталости, то ли от перемены давления. Он потер виски и долго полужал в кресле, уставившись в потолок. И вдруг он увидел, как большой зеленый комар, величиной с маленькую стрекозу и такой же прозрачный, пролетел мимо люстры и сел на потолок. Николай похолодел. «Боже, что ж это?» Он потряс головой и протер глаза. «А вдруг знаменье? Боже, мой черед уже пришел?»

— Маша, — тихо позвал он жену. Никто не ответил. — Маша! — крикнул он громче. Он встал и, не отводя глаз от комара, пошел в ее комнату.

Она не спала.

— Маша! — тихо сказал он. — Там... летает...

Она отодвинулась, прижалась к стене и кивнула на потолок.

Он поднял голову. Весь потолок был усеян зелеными комарами.

«Стоп! — приказал он сам себе. — Сейчас зима, пурга на улице и ничего этого не может быть. Спокойно. Надо разобраться».

Он стал следить за их полетом. Летали они медленно, были слабы. «Чертовщина какая-то».

Взгляд его упал на телевизор, и тут он увидел букет мимоз. Все мимозы были усеяны комарами.

«Уф! — выдохнул он. — Личинки были в цветах, я их привез вместе с цветами еще оттуда, с материка. Тут в тепле они и оклемались... надо же!»

Он открыл форточку, осторожно вытащил из вазы букет и вместе с комарами выбросил его на улицу. Потом достал пылесос, сменил патрубков, включил машину и втянул в пылесос с потолка всю нечисть.

— Так ведь сдвинуться можно, — улыбнулся он жене, сел на детский стул и закурил. Рядом валялись детские игрушки, а среди них большая пластмассовая гоночная машина. Он нервно постучал пальцами по пластмассе. Получилось как на барабане. И тут он только заметил номер на машине: МА 71—17.

Жена заметила, как изменилось его лицо. Она ничего не понимала, она встревожилась.

— Слушай, Ник... что-то с тобой сегодня творится... ты, наверное, перетрудился... Вчера тебе звонили...

Случай в Коктебеле

Рассказ

Сохранилось нечто от горы и от каменных глыб.

С итальянского

Старый северянин Авдей Маркелов с молодой женой и маленьким сыном ехал на поезде, катил по материке, держа курс на юг.

Все его в дороге раздражало — и грязные вагоны, и плохая кормежка в ресторане, и вредные татарки-проводницы, не бравшие чаевых. Даже стая рябчиков за окном, приковылявшая по первому снегу прямо к полотну дороги, вдруг разозлила его.

«Довели природу, черт возьми,— подумал он,— бедной птице и жить негде!»

— На юг, на юг!— шептал он в такт колесам.— Там хоть снега нет.

Но этот первый сибирский снег уже и без того таял на глазах, а когда подъехали к Москве, там всю светило солнце, и люди будто вовсе не подозревали, что есть Сибирь, где недавно был снег, и есть Чукотка, где снег есть всегда.

— Вишь, какая очередь...— печально вздохнула жена, когда они приехали на другой вокзал.

За билетами действительно была очередь. На Курском, как и на Казанском, за ними всегда очередь.

— Вот и хорошо, Глафира,— сказал Авдей. Он терпеть не мог стоять в очередях. Даже в очереди за пивом, если было больше пяти человек, он никогда не стоял.— Вот и хорошо,— повторил он.— Поживем дня два у друзей, время терпит, а сейчас идем напротив, в предварительную, там народу поменьше.

Народу там совсем не было. Авдей взял билеты в двухместное купе. Глафира была рада и лишний раз подумала, как хорошо быть за крепкой широкой спиной такого умного мужа. «Вот пил бы поменьше»,— чтоб не сглазить, тут же подумала она и стала привычно нудеть о том, что у нее для юга нет пляжного костюма, и звать Авдея в магазин.

— Ты еще за лифчиками меня возьми!— посоветовал он.— Во будет картина! Ты хоть соображаешь? Кандидат географических наук у прилавка рассматривает лифчики! Да ты знаешь, сколько тут в Москве можно встретить знакомых? Они ж со смеху попадают!

— Ладно, ладно, успокойся, Авдюша, успокойся! Я сама схожу, сама...

Честно говоря, жена его частенько раздражала. Когда-то она работала у него в лаборатории машинисткой. Они встречались. Вскоре в институте начали про них поговаривать. Пришло время — надо ей идти в больницу. Авдей отговорил. И вместо больницы повел в загс, а вскоре, отправив ее в декрет, оставил дома воспитывать сына Тимошку, которого безумно любил.

И вот их первый совместный отпуск. Глафира вообще ни разу не была на материке, и Авдей понимал, что тут она будет его раздражать еще больше.

— Если чего не понимаешь,— объяснял он ей,— смотри на меня и молчи. Главное — молчи. Да?

— Ага,— кивнула она.

Феодосийский таксист, помогая выгрузиться своим пассажирам, поднял чемоданы Авдея и крикнул:

— Ого! Консервы небось? Да вы не беспокойтесь — тут в Доме творчества кормят хорошо.

«Знал бы ты, что у меня в чемодане»,— ухмыльнулся Авдей про себя, а вслух сказал жене:

— Видишь, ребенок мучается? Чего стоишь? Веди его в кусты... не стесняйся... детям можно... Да не в розы, они колючие! Вон под то дерево!

— Под пальму?

— Под фикус! Какая тут пальма?! Где ты ее видишь? Тут отродясь пальмы не водились! Они в Ялте! Или еще дальше!

Во время этого горячего монолога Тимошка деловито полил асфальтовую тропинку и вернулся к родителям, выяснявшим разницу уже между туей и кипарисом.

— Сидите здесь, на скамейке,— сказал Авдей, а сам пошел к дежурному администратору оформляться.

Получил ключи от уютного коттеджа с верандой, с тремя шезлонгами, с коммунальными удобствами, с клумбами и тропинками вокруг, а главное, в такой чаще, что в самую пору играть в индейцев. Даже ворчавшему с утра Авдею место очень понравилось, он заулыбался, тут же деловито устроился на веранде, достал из сакvojа две бутылки «Магаданского пива» десятидневной давности и с удовольствием раскупорил их.

— Живут же люди!— вздохнул он, обозревая все вокруг.

Глафира была на седьмом небе.

После обеда пошли втроем прогуляться по набережной. И тут Авдей по привычке все изучать и из всего делать результативные выводы пришел к заключению, что задача курортника — выглядеть как можно нелепей.

Глафира смотрела на все, открыв рот. Старушки, гарцевавшие в шортах... Девчушки, без бюстгалтеров, глянцево-шоколадные, окружили мороженщицу... два грузина в папах и босиком... знойная яркая брюнетка

с длинной папиросой в зубах, в накинутой на голое тело вывернутой дубленке. Два мускулистых красавца, несущих на плечах по роскошной блондинке, а на каждой блондинке по огромному рюкзаку,— это туристы направляются в горы...

Поглядев на себя со стороны, почувствовал Авдей собственную ветхозаветность и приближающуюся старость.

— Это иностранцы, да?— тихо спросила Глафира.

— Какой к черту иностранцы!— начал заводиться Авдей.— Наши все! Доморощенные! И ты через неделю такой будешь!

— Что ты, Авдюша, что ты...

Тут уж Авдей явно перебрал.

— Извини, Глаш... Идем к морю...

Воды Глафира боялась. Плавать не умела. Они позагорали немного. Авдей повозился в воде с Тимошей.

— Домой пора... много сразу нельзя, Глаш... Много солнца вредно...

Купила ему Глафира белую полотняную фуражку с надписью по козырьку: «Ну, погоди!», где вместо кокарды эмблема с волком, немислимой расцветки плавки, шлепанцы — японские гета на деревянном ходу, которые он тут же отдал Глафире, решив ходить босиком.

Многому научился в своей жизни Авдей, одного не умел — отдыхать. И здесь он с утра отправлял жену и сына на пляж, а сам садился на веранде, доставал книги, папки, рукописи, карты и схемы и работал в тишине, пока солнце не ударяло.

Перед обедом уходил на пляж, отыскивал своих, окунался в волну, лежал минут десять, затем торопливо одевался и тащил всех в столовую.

На пляже он с интересом всматривался в лица отдыхающих. Жизнь и без того коротка, чтобы отдавать ее всю нуждам производства — вот и все, что мог он прочесть на блаженных лицах отдыхающих.

После обеда, пока жена и сын спали, он сидел в библиотеке. На полдник они не ходили. А вечером, взяв малыша, Авдей уходил в кафетерий напротив Дома творчества. Там он покупал сыну безе — кулинарить тут умели, — а себе брал бутылку минеральной.

Он понимал, что такой распорядок у него только от

того, что нет рядом друзей, нет товарищей. А заводить новые знакомства он не любил, даже за столом ни с кем не разговаривал.

В еде он понимал толк. Дома он даже брился после завтрака, чтобы запах одеколона, обязательно после бритья, не мешал ему ощущать аромат кофе и хорошего табака.

А между тем жизнь на курорте текла под шепот волн и ласковое поглаживание солнца. «Боже, так хочется дождя, как омовения, — думал Авдей. — Так хочется дождя!»

И дождь пришел откуда-то с юга, с тяжелыми тучками, и обрушился ливнем на Коктебель и округу. И вместе с дождем появился на веранде человек, постучал в стеклянную дверь. Распахнул ее Авдей — вот тут и начались «ахи» да «охи».

— Каким дождем тебя занесло? — смеялся Авдей.

— Чукотским!

Это был старый приятель — журналист Коля Бобров. Давно они на Чукотке вместе, в одном поселке начинали.

— Решил заглянуть, узнать, как ты устроился. Путешествую по Крыму. Ребята дали твои координаты.

— Это ты здорово придумал! Это ты здорово! — засуетился Авдей. — Совсем я тут одичал от скуки — никого наших. В отпуск с друзьями надо ездить, с друзьями! Ни в коем случае с женой!

Глафира улыбнулась, качая головой. Она тоже давно знала Николая и была рада земляку.

— Вот тут парятся груши, — Авдей выдвинул ящик письменного стола, — и орехи. Миндаль. Надо кожицу с них снимать, пусть высыхают, знатные орехи. Самый раз. Никогда не пробовал. А ты?

— Я тоже.

— Ходил в горы? — спросил Николай.

— Лазил... горы как горы... только разговоры... у нас ничуть не хуже, даже лучше, — тоскливо пробормотал Авдей.

Глафира ушла в коридор мыть стаканы.

— Как отдыхаем? Доволен?

— О! Конечно, — ответил Авдей. — Рай, а не место. Работать хорошо, никто не мешает. Но долго я здесь

не выдержал бы. Уже готовлю чемоданы, через две недели уезжать.

— Понятно,— вздохнул Николай.— Я тоже по Чукотке скучаю. Отсюда в Москву, а там на самолет. А ты мучайся здесь на юге,— засмеялся Николай,— мучайся.

Глафира поставила на стол стаканы, и тут Николай заметил на ее руке серебряное колечко с темным камнем.

— Местное?— спросил Николай.

— Ну да!— махнул рукой Авдей.— Тут все чокнулись. Ну, всем-то ладно, а тебе-то, Глаша! Опозорила!

Глафира улыбалась.

...У всех курортников на пляже было одно занятие — рылись в гальке и собирали на берегу, величиной с ноготь мизинца, разноцветные камушки. Это были осколки яшм, агатов, сердоликов, кварца, кальцита, кремня. Среди разноцветной окатанной морем каменной мелочи попадались красивые камушки, которые предприимчивые люди оправляли в металл, и получалось вполне приличное кольцо с вполне приличным камушком. На берегу местный промкомбинат построил даже две палатки, где можно было выбрать или заказать кольцо с любым камнем. Тут же работала мастерская по обработке камня. Дело было поставлено на широкую ногу — ни одна отдыхающая не уезжала без сувенира.

Камни были «болезнью» Авдея. Во время ежегодных летних экспедиций в горах и тундре Чукотки ему удалось собрать большую минералогическую коллекцию. Специализировался он на драгоценных и полудрагоценных минералах, а также на поделочных камнях. Объяснить это можно тем, что еще на заре своего увлечения, когда он мало что смыслил в геологии, в основу коллекционирования он положил эстетику камня. Так и пошло.

Будучи известным в своих краях ученым, он не стеснялся во время отпуска уходить с отрядом в три-четыре человека в геологический поход, на поиски камней. И ни одной экспедиции, где он был рабочим, со всеми на равных, не было неудачной. «У тебя легкая рука,— говорили ему геологи.— Так бывает. Был бы ты геологом, тебе бы везло».

В Коктебель он приехал, используя месяц отпуска

ка в тундре, опять с отрядом в три человека, и это поле его было столь удачным, что о нем писали в газетах. В частности, и Николай писал, предлагая передать государству как можно скорее открытое этим отрядом месторождение на Омвееме, не волокитить с документацией и ассигнованиями.

И тут, в Коктебеле, Глафира заняла: «Хочу кольцо».

— Не позорь меня!— сказал Авдей.— Ты знаешь, сколько тут можно встретить знаковых?! Авдей Маркелов, обладатель собственного минералогического музея, стоит у киоска и выбирает колечко. Да все со смеху попадают! Сколько дома этих агатов?

— Тонна...

— Ну, не тонна, чуть больше. Хранить негде, в сарае уже лежат. А ты хочешь пятнадцатирублевое колечко...

— У тебя лежат булыжники... Ты никогда ничего мне из них не делал...

— И не буду делать... Грешно камень пускать на украшения...

— Ты псих. Все люди делают.

— А я не люблю... Камень, он и так красив... А ну тебя... Иди и покупай что хочешь... Только никому не рассказывай, засмеют...

Она пошла и купила в палатке серебряное кольцо с раухтопазом.

— О-ой!..— схватился за голову Авдей и рассмеялся.

— Чего смешного?!— вспыхнула вдруг Глафира.

— Ничего, ничего,— успокоил он ее, а сам вспомнил сарай на Чукотке, и бочку с капустой, и лежащий в бочке вместо гнета кристалл раухтопаза весом в пятнадцать килограммов. «Гм... колец бы из него хватило на весь коктебельский пляж...»

А сейчас, показывая на Глафиру, Авдей молча развел руками, мол, ничего не поделаешь, все женщины одинаковы, извини, мол, Коля.

Наступило время ужина, но в курортной столовой гостей не кормили, и, чтобы не оставлять Николая одного, Авдей решил в знак солидарности с гостем на ужин в столовую не идти.

— Ты с Тимошкой иди, а мы с Колей поужинаем в кафе. Тут уютное заведение есть неподалеку. «Горные вершины» называется.

Кафе «Горные вершины» в десяти минутах ходьбы от территории курорта. Напоминало оно большой стеклянный ящик. Этот ящик прилепился к небольшой горшке, вершин никаких вокруг не было, тем более горных: Вершины были на горизонте — острые зубцы гор на фоне светлеющего горизонта.

— Скоро луна взойдет,— сказал Авдей и показал на горизонт.

...В кафе было малоллюдно. Оставалось меньше часа до закрытия. Авдей взял два вторых и закуску, Николай — первое, второе и закуску. Светлое сухое вино стояло тут же в ящиках рядом с кассиршей. Вино она давала вместо чая, вместо компота и вместо сдачи — шестьдесят копеек бутылка. Столовое вино местного производства не отличалось хорошим качеством — приходилось компенсировать количеством. Гости взяли три бутылки — на первый раз, а там видно будет.

Они выбрали самый дальний столик за спиной у кассирши, у здоровой бочки, из которой рос разлапистый лимон с большими сочными листьями.

— Сядем под деревом, как на природе... будет вроде пикника,— предложил Николай.

Старенькая уборщица уже начинала протирать пол, убирать со столов, в кафе остались только Авдей с Николаем.

— Можете курить,— махнула им уборщица, заметив вороватый жест Николая. Вместо пепельницы они приспособили пустую бутылку из-под вина.

Уборщица потушила в общем зале свет, он горел только над кассой и над раздаточным отделением, в зале был уютный полумрак.

Они тихо продолжали прерванный перед ужином разговор.

— Ты еще что-нибудь писал об Омвееме?

— Нет,— сказал Николай.— Меня убедили, не стоит пороть горячку. Вот если б ты, Авдей, золото нашел — тогда другое. А камни подождут. Пока с ювелирной нагрузкой Урал справляется, да и Казахстан тоже.

— Ты обещал прилететь на реку?

— Да,— сказал Николай.— Ты уехал в отпуск, а через неделю я был там, на вертолете. Сели на полчаса.

— Ну и как?— засмеялся Авдей.

— Взяли твой подарок.

Это был рюкзак с вулканическими бомбами! Разрезать алмазной пилой любую — и можно увидеть на срезе великолепный агат.

— Стояки на месте. И стол. И запас дров. Примус и свечи в полиэтиленовом мешке...— рассказывал Николай.— Да! И фанера твоя сохранилась...

— Текст не выцвел?

— Как же! Сохранился...

Покидая место стоянки, Авдей на фанере вывел черным фломастером: «Если не балда ты — собирай агаты!»

Они сидели в полумраке, беседуя тихо, вполголоса.

Вернулась кассирша, а с нею мужчина в таком же, как она, белом халате. Они сидели у кассы.

— С ящиками Федора Федоровича все?— спросил он.

— Полностью...

— И...

— Вот пакет,— сказала кассирша.— Передайте. Это только ему.

— Остальное?

— Я подвела бабки, вот это вам,— она что-то протянула ему.

— Себя не забыла?

— Нет.

— Скажешь Марье, чтобы ящики не сжигали, а отнесли в подсобку. Товар будет на той неделе.

— Ладно.

Они встали и ушли. Кассирша потушила лампу над кассой, свет остался только в раздаточной.

Авдей и Николай допили вино, отнесли пустую посуду к кассе. Пошли к выходу.

Дверь была закрыта.

— Дверь закрыта,— догадался Николай.— Видишь, замок с той стороны?

Большая стеклянная дверь была закрыта на всякий замок.

— Идем через кухню.

Они пошли в кухню, оттуда в служебный коридор, нашли дверь, толкнули ее — она была заперта.

— По-моему, нас закрыли окончательно,— догадался Авдей.

— Стучаться?

— Не стоит. Прибежит милиция, начнутся опросы,

протоколы, перекантуемся до утра, не зима, чай. Жить можно. Вон и вино есть, и закуски они не убрали в холодильник. Не умрем.

Они вернулись на свое место, захватив по дороге из ящика две бутылки вина.

— Только записывай, сколько берем,— сказал Авдей.

Николай аккуратно записал на салфетке: «Вино — две бутылки, хлеб, свекла — одна, яйцо под майонезом — две порц.»

— Как отпуск? — спросил Авдей.

— Деньги еще есть...

— У меня тоже... стареем, что ли? Помню, раньше всегда SOS давали под конец, как-то даже неловко...

— Я тоже об этом подумал,— сказал Николай.

— У меня еще много времени, я еще успею набегаться по телеграфам.

— Дашь мне телеграмму в случае чего, я ведь через неделю буду дома.

— Хорошо,— сказал Авдей.

Они налили.

— Ого, это вино лучше!

— Из другого ящика,— сказал Николай.— А сорт тот же. Ящики-то Федора Федоровича кончились, ты слыхал?

— Значит, это дороже...

— Утром узнаем...

— Понимаешь...— продолжал Авдей разговор о камнях,— не поверишь, но чертовщина какая-то... Спускаюсь в Москве в переход с площади Дзержинского в «Детский мир»... И что-то тянет меня вернуться. Возвращаюсь и на самой верхней ступеньке нахожу грязный, весь в песке, камень. Вытираю его о полу куртки и... здравствуйте! Прекрасный, с затейливым рисунком окремненный агат.

— И как он туда мог попасть?

— Я думал. Ничего странного. По первому снегу боялись гололеда и откуда-то с карьера привезли на машине песок. Машина посыпала дорогу песком. В песке и мог оказаться камень. Но почему он заставил меня вернуться?

— Это явление знакомо... есть объяснение, правда, не очень-то научное и материалистическое...

— Подожди,— перебил Николая Авдей.— В прошлом году в Прибалтике, в Доме творчества тоже, захожу оформляться, стойка дежурной как раз напротив двери. Оставляю у стойки чемодан, отдаю документы, а сам ухожу к двери... Что-то меня потянуло вернуться. Гляжу на стену, а слева от двери, очень незаметно, заподлицо, строители вмазали в бетон большую щетку осветленных аметистов. Я ее тут же нашел, будто флюиды какие-то вели меня к ней, погладил ее, крепко стоит, не выковыряешь. И успокоился. Потом многим показывал — они даже не подозревали, что она там.

— У моего соседа — эгвекинского геолога — есть интересная идея. Я, возможно, не очень внятно тебе объясню, но суть в том, что и камень и человек одинаково должны реагировать на солнечные возмущения, магнитные бури, земные силовые пояса и так далее. А изменения внутренней структуры вещества под действием невидимых сил — это своеобразные колебания ионов, нейтронов, молекул и прочего, тебе видней. У человека и у камня момент колебания может совпадать, составляющие этих колебаний совпадают, получается понимание, узнавание, предчувствие. Конечно, это не шибко научное объяснение, но не исключено, что идеи древнего Плиния Старшего о том, что один камень помогает человеку, а другой нет, где-то в основе и несли догадку этого эгвекинского геолога. Только не каждый камень и не всякому. Поэтому нет сомнений, что были люди, которым камень помогал от сглазу, от пьянки, от укуса змеи и в добрых делах, и по-разному. А? Как ты считаешь?

— Ну, братец, ты загнул. Не скрою, теория весьма привлекательна, но до науки ей далеко... Пока не понять этого с точки зрения формул...

— А мне думается, органику с неорганикой можно подружить. Одно из другого и одно в другое уходит, и ничего не поделаешь.

— Коля, мы так до мистики скоро доберемся.

— Конечно, пора еще по одной,— он встал и направился к ящикам.

— Закуску не забудь, какая есть.

Коля вернулся и сделал пометку на салфетке.

— Вот ты не веришь,— продолжал Николай,— а как

объяснить, что твой сын Тимошка, где бы ни находился, всегда спит, ориентируясь головой на север? А?

— Точно. Всегда по меридиану, как ни поворачивай его во сне.

— Вот-вот... А здесь проверял?

— Здесь его кровать поставлена точно, ногами на юг.

— А объяснить это явление можешь?

— Нет... никто не может...

— Вот и хорошо. Очень хорошо,— обрадовался Николай,— что есть на свете много непонятных вещей. Если б все можно было объяснить, представь, сколько очарования потеряли бы сказки, как скучно было бы жить...

— Ты молодой,— сказал Авдей,— тебе еще можно в сказки верить.

— А ты?

— Гм... мне надо бы сочинить самому для себя идею, внушающую оптимизм. Иначе конец пути беспробуден. Жизнь проходит, а вокруг красивые девушки. И чувствуешь, что жил зря, если в конце пути красивые девушки проходят мимо. Несправедливо это,— вздохнул Авдей.

— Просто ты давно не выступал,— засмеялся Николай.

— Забыл уже когда...

— Вот отсюда и пессимизм.

— Давай выпьем... чтобы наступила после вина вибрация души, чтобы вибрация была! Чтоб захорошело!

— Давай...

Они чокнулись.

— Нельзя одному приезжать на Юг...— повторил свою старую мысль Авдей.— Надо с друзьями...

Они достаточно захмелели.

— Уж полночь близится...— сказал Николай.

— Давай устраиваться здесь, на стульях!

— Как в анадьрском аэропорту в далекие времена!

— Э... нет! Тогда кресла доставались только счастливым! А остальные на полу или на прилавках. Да?— сказал Авдей.

— Помнишь, ты дружил с буфетчицей?— спросил Николай.— Ровно в шесть вечера она отдавала нам полтора квадратных метра пола за стойкой. Ты рассти-

лал палатку, так мы и коротали ночи от самолета до самолета...

— Хорошо было,— вздохнул Авдей.

Кафе «Горные вершины» открывалось в семь часов утра, но ночные гости проснулись еще раньше от стука дверей в служебном коридоре.

Оторопевший директор кафе—это был тот самый вчерашний мужчина в белом халате—недоверчиво смотрел на двух невыспавшихся помятых визитеров с явными следами вчерашней перегрузки на лицах.

— Вы откуда? К кому? Как вы сюда попали?! Что тут делаете?— затараторил возмущенный директор.

— Мы тут спали...— промямлил Авдей и зевнул.— Нас закрыли...

— Кто закрыл?!

— Вы и закрыли...

— Ночевали, что ли?

— Угу...

— Надо проверить... много чего могло пропасть... надо вызывать милицию!— решил директор.— Марья!— крикнул он.

— Не надо!— как-то уныло сказал Николай.

— Что не надо?— удивился директор.

— Не надо милицию... Вот список продуктов, которые мы ночью ели...— он протянул салфетку.— Мы заплатим, подведите бабки. Но учтите, что вина Федора Федоровича мы выпили всего три бутылки, и то в самом начале, когда брали у кассирши. За него мы рассчитались.

Директор побледнел.

— Это... как его... гм... что ж мы тут стоим? Нехорошо как-то... произошло недоразумение, мы виноваты... закрыли вас случайно... я извиняюсь... пройдемте ко мне, пройдемте!— уже решительней сказал он, взял под руки обоих посетителей, вывел в коридор и открыл своим ключом боковую дверь.

— Вот, пожалуйста, тут диванчик, мягкие кресла... сейчас я чаю спрошу... Марья!

Появилась буфетчица, которую раньше ребята не видели.

— Чаю нам, и сама понимаешь, принимаю гостей... чтобы все первый сорт...

— Понятно,— протянула она, зевая, видать, не выспалась тоже.

— Только продукты с витрины пусть не продает,— мигом оценил ситуацию Авдей.— Вообще-то, продукты на ночь надо прятать в холодильник. Тут Юг, все портится. А у вас образцы стоят, доступные всем. Вот придет сейчас посетитель и возьмет с витрины. А все вчерашнее, порченное, а?

— Я пойду предупреду,— всполошился директор.

Он вернулся, неся в руке бутылку коньяка «Коктебель». За ним шла Марья с подносом, на котором вперемешку лежали груши, яблоки, помидоры, желтый сладкий перец и айва.

— К коньяку айва очень хороша,— порекомендовал директор.— А вы, извините, кто будете?

— Вот они,— показал Николай пальцем,— известный ученый, про океаны и течения книги пишут. Потому его к писателям в Дом творчества и определили. Он такое может про Черное море написать— три дня шторм будет!

— Не надо шторм, профессор,— засмеялся директор.

— А он северный журналист. С Чукотки.

Журналисты в планы директора не входили.

— Северяне! О, я так рад познакомиться с чукотскими отдыхающими! Я встречал некоторых— они много чаю пьют. Всегда пьют чай— с вином, с коньяком, с водкой. Всегда запивают чаем. Я сейчас!— И директор выскочил в кухню.

Авдей удивленно толкнул в бок Николая:

— Смотри-ка, волокет... Что делать-то будем?

— Сначала лечиться...

Пришла Марья с чаем и конфетами. Пришел директор.

— За знакомство!

Коньяк с чаем пошел хорошо, и вскоре наступил момент, когда возникла необходимость во второй бутылке.

За горячим чаем и непринужденной беседой о погоде на Юге и о погоде на Севере, о питании на Юге и питании на Севере опустела и вторая.

— Нет, нет, больше не надо,— запротестовал Авдей.— Давайте мы заплатим.

— Ни в коем случае!— возражал директор.— Вы мои гости.

Была как раз та стадия, когда незнакомые люди обнимаются и обмениваются адресами, приглашая друг друга в гости.

Авдей и Николай вышли из кафе «Горные вершины», обнявшись и поддерживая друг друга. Настроение улучшилось.

— А с директором... ничего делать не надо... ничего!— увещевал Авдей Николая.

— А я и не буду...

— Правильно... психологически... он знает о том, что мы знаем, и будет мучиться тем, что его заложат... и сейчас же прикроет свою деятельность... бросит мошенничать, а? Как ты думаешь?

— Думаю, ты прав...

— Мы заплатили?

— За вино заплатили... А за его угощение нет...

— Зря...

— Так не принимал же...

— Ну и черт с ним...

— Пусть думает...

— А мы? .

— Что мы?— спросил Николай.

— Что мы Глаше скажем?

— Что нас закрыли...

— Так она и поверит! Не знаешь женской логики... Ты когда последний раз развелся, Коля?

— Пять лет тому...

— О! Значит, уже забыл прелести семейной жизни! Не мешает освежить в памяти, вот увидишь!

— Брось! Глашка баба ничего, с понятием!

— Где ты видел жену с понятием?— спросил Авдей.

— Нет, не говори, бывают...

— Это чужие жены всегда с понятием, а собственные— никогда!

Так они, поддерживая друг друга, вошли под своды Дома творчества. Было восемь часов утра.

Сторожа на проходной не удивил факт появления знакомых отдыхающих в столь раннее время на территории курорта. Его удивило другое— где могли знако-

мые в такую рань надраться, когда все заведения функционируют только с одиннадцати? Это наталкивало его на другую мысль — о неизвестных и, главное, неиспользованных возможностях, что для старожилки само по себе очень обидно.

— С добрым утром, соколики! — приветствовал он их, но отдыхающие ему только кивнули.

— Надо придумать какую-нибудь... легенду... — предложил Авдей. Чем ближе он подходил к коттеджу, тем больше волновался. Но никаких светлых идей почему-то под рукой не оказывалось.

— Явились — не запылились, — встретила их Глафира. — А я волнуйся и всю ночь не спи. На старое потянуло?

— Ну, что ты, что ты, Глаша! — пытался успокоить ее Николай. — Ничего такого не было.

— Чего такого, а? — ехидно прищурила Глафира глаза. — Проболтались? Кто она?

— Какая она? Глаша, неудобно, — пытался урезонить ее Авдей и подмигивал в сторону Николая, нельзя, мол, при посторонних выяснять отношения, давай, мол, как-нибудь потом.

— Ну?

— Чего ну? — мямлил Авдей. — Нас это... закрыли... в кафе...

— Закрыли? В кафе? Ну вот, я так и знала — пообщался тут две недели с писателями и сам начал сочинять. Постыдился бы товарища! Нет чтобы признаться... так ведь лучше сочинять будет черт-те чего! Кто тебе поверит?! Кто из нормальных жен тебе поверит? Закрыли, видите ли, его беденького...

— Не шуми, Глаша, не шуми...

— В каком кафе?

— В «Горных вершинах»...

— Так. Теперь понятно. Знаю, кто закрыл! Официантка Клава!

— Ну, — махнул рукой Авдей, — Клава.

Он опустился в шезлонг, отвернулся от жены и вздохнул.

— Конечно... Она и напоить в такую рань может... — Глафира заплакала. — Так и сказал бы сразу... чего скрывать...

Она вытирала слезы и шмыгала носом. Николай

растерянно молчал. Потом тоже опустился в шезлонг. Глафира стояла и печально смотрела на них.

— Ты же блондинками раньше интересовался... — всхлипнула она, — тоненькими... а она брюнетка... полная...

— Ну и что же? Если брюнетка к тебе с душой... тоже хорошо, — защищался Авдей.

— Я ей скажу, что ты дома не ночуешь, — плакала Глафира.

— Она знает, — парировал Авдей. Постепенно к нему возвращалось хорошее настроение.

— Хоть бы вы, Коля, на него повлияли... Там, на Чукотке, домой к утру возвращается, с друзьями как бы в шахматы играет... Знаю я эти шахматы! Те, значит, бабы, что на стороне, — королевы, а мы, которые дома, — пешки? Так понимать ихние шахматы?

— Да бросьте вы, Глаша. Все-то вы придумываете. Он действительно задерживается из-за шахмат. Он же кэмэ...

— Что?

— Кэмэ — кандидат в мастера...

— Кэмэ! — вскричала она... — Кэмэ... Кобелирующий мужик — вот что такое ваше кэмэ!

— Не надо напраслины, — сказал Николай. И тихо Авдею: — Мне понятно, почему иногда люди разводятся... Когда у одного из них нет чувства юмора...

— Мне слезы, а ему юмор! О ребенке бы подумал... лучше б я раньше ушла... лучше б за молодого вышла... сколько у меня предложений было!

— Молчать! Хватит! — сделав вдруг круглые глаза, заорал Николай. Авдей, раскрыв рот, испуганно смотрел на друга. Глафира шарахнулась. — И не возникать больше! Не позволю разрушать советскую семью! Не был он у Клавы! Не видел даже ее! Закрыли нас, понимаешь! Закрыли! Справку могу принести! Ну? Тащить справку?!

Глафира присела и во все глаза смотрела на Николая. Он почувствовал, что немного переборщил:

— Вот... извини. Ты такая молодая и красивая, а делаешь глупости.

Глафира простоудушно приняла комплимент и не успела догадаться, с чего бы это...

— Вот деньги, — Николай протянул ей две красненьких. — Иди в «Горные вершины». Тебе отпустят сразу и

до одиннадцати. Скажи — бутылку коньяку. Скажи — я жена профессора, которого вы вчера закрыли. Только иди прямо к директору. Тебе, молодой и красивой, да еще жене профессора, сразу дадут. А нам надо подлечиться. От всех этих событий голова болит. Ты уж походи, Глашенька, а? Будь человеком...

Лицо ее просветлело. Куда-то пропали слезы. Она улыбнулась, встала, взяла сумку, деньги и ушла.

— Спасибо, — тихо сказал Авдей. — Как это мы выпутались?

— Эх... — вздохнул Николай. — Давно я не был при семейном скандале, отвык даже. А сейчас хорошо так на душе... как будто с бывшей женой поговорил... прямо потеплело.

До обеда они отсыпались, а проспав обед, с легким сердцем пошли на пляж. Граница писательского пляжа обозначена двумя решетками, в начале и в конце, сам пляж невелик — не будет и ста метров.

Никто не купался, вода была холодной, но солнце еще грело — последние теплые лучи в конце сезона. Немного людей было на пляже — только те, кто недавно приехали и пытались загореть.

Глафиру и Тимошку Авдей нашел быстро, хотя и подивился, как незаметно успели они загореть, стали совсем коричневыми, Николай тут же расщедрился на комплимент, Глафира расплылась в улыбке, мужчины взяли Тимошку и пошли в дальний конец к шахматистам.

Но оказалось, что это не шахматисты. Группа мужчин перебирала в большом тазу мокрые камешки, сортировали они их, выбирали, что получше.

С ними была маленькая девочка пяти примерно лет — подруга Тимошки.

— Подари это ей, — сказал Авдей и протянул малышу ладонь, на которой сверкала небольшая шетка аметистов, большой сердолик и агат — срез вулканической бомбочки.

Тимошка застеснялся, но, подталкиваемый отцом, подошел к девочке, отдал ей камни и убежал. Мужчины стали рассматривать, восторженно ахать, а Авдей с Николаем поспешно покинули это место, чтобы избежать расспросов.

— Где взял? — спросил, смеясь, Николай.

— Далеко, отсюда не видно...

— Все ясно... Мистифицируешь?

— Пусть гадают...

А вечером Авдей вытащил из чемодана два больших мешка, набитых образцами.

— Вот чего я сюда привез... — сказал он. — Таксист чуть не надорвался с чемоданом.

Сердолик и карнеол с реки Кремьянки, голубой халцедон и агаты с реки Олы, сардер¹ с реки Алазеи и еще какие-то камни, которых Николай не смог определить.

— Да-а... — только и протянул он. — И стоило везти такой груз за тысячи километров?

Авдей пожал плечами.

— Все отсюда увозят, а ты сюда привез, — сказал Николай.

— Вот стемнеет, — ответил Авдей, — пойдем дарить.

— Выйдем, аки тати, на ночной промысел? — засмеялся Николай.

Ночью после ужина штормило. Авдей, Николай и Тимошка вышли на берег моря. У мужчин в руках было по мешочку. Издали они напоминали сеятелей, бросающих зерно в землю. Они кидали камни в море, на берег, в дальнюю сторону пляжа — шли, разбрасывая камни, даже Тимошка бросил два образца, не докинув до волны...

— Это ты хорошо придумал, — сказал Николай.

— Я знаю. Кто найдет — будет рад. У них тут камни с пуговицу, а мои — в полкулака.. То-то будет радости...

— Прошло время собирать, настало время разбрасывать? — спросил Николай. — Омвеемские есть?

— Среди них не было. Два у меня с собой — хотел в местный геологический музей, в пансионат «Приморье». Но он на ремонте. Возьмешь себе, ладно?

— Спасибо.

— Они шлифованные, их бросать жалко.

— Кому-то из писателей в будущем сезоне повезет... — сказал Николай.

— Не кому-то, а многим... Да и за одно лето все не найдут. А кто найдет — привет, значит, от меня хоро-

¹ Сардер — кроваво-красный агат.

шему человеку. Камень — он вечен. Глядишь, и меня уже не будет, а кто-то найдет мой подарок... привет от меня. Вот и хорошо.

...Днем к ним в коттедж постучался незнакомый человек.

— Я поэт... из Ужгорода... — представился он. — Это вы, наверное, подарили вчера дочке Винтовкина три красивых камушка?

— Это он... Тимошка...

— Среди них не было северного образца?

— Они все с Севера...

— Я угадал один. Я коллекционер. У девочки есть, а у меня нет... Гм... у вас не осталось?

Авдей порылся в ящике стола, протянул:

— Это ольский агат...

— А на берегу не вы разбрасывали?

— Мы. А что?

— Винтовкин четыре образца нашел, прекрасные образцы. Эх! Сколько же вы разбросали?

— Сто два...

— Сто два! Зачем?

— Так... Пусть люди находят...

— Винтовкин четыре образца нашел, а я ни одного...
Надо же!

— Значит, Винтовкину везет... — сказал Николай.

— Зачем разбрасывать? — чуть не плакал поэт. — Мне бы отдали... А завтра все уезжают... сезон закрывается... Как искать?

— На будущий сезон, значит, писателям работы хватит, — засмеялся Николай.

Авдей сидел молча, ему были неприятны причитания немолодого уже человека.

Поэт распрощался и ушел, бормоча:

— Ходят тут магаданские миллионеры и швыряются...

— Слышал? — спросил Николай.

— Угу... а Винтовкин, видать, неплохой человек. Переводит с английского, Генрих Семенович... Правда, детективы переводит... Ну, это ничего, их ведь тоже читают... а тому поэту бог камня не пошлет.

— Почему же?

— Не знаю... но уверен, — ответил Авдей. — Должно быть, потому, что корыстный он... мне показалось...

и дурак. А дурак, он и у моря дурак, тут уж ничего не поделаешь.

— Сегодня вечером мне уезжать, — вздохнул Николай. — Сходим куда-нибудь.

— Вот только возьмем с собой Тимошку. У меня есть на примете кафетерий, Тимошке пирожные тамошние нравятся.

— Вы куда? — спросила Глафира.

— Переодень Тимошку, нам втроем поговорить надо... Коля уезжает... проводим.

Глафира сменила Тимошке куртку и тревожно посмотрела на мужчин.

— Ужинай одна, — сказал Авдей. — Мы с сыном вернемся к отбою. Может, чего принести?

Все молча стояли на веранде и смотрели в разные стороны.

— Да не думай ты ничего, — начал раздражаться Авдей. — «Горные вершины» сегодня закрыты.

Глафира печально улыбулась.

Собачий вальс

Рассказ

Ксаний Борисович Вортегов, лихой моряк, ворчун и придира, одинокий, как судно в океане, сошел на берег, взял пенсию и, разозлившись на портовое начальство, подался на юг к теплому синему морю.

Какие у северянина южные хлопоты? Да еще у старого, одинокого морского волка? Погреться на песочке, домик с садиком присмотреть, чтоб от моря и от магазина недалеко, чтоб шум волны и гудки пароходов по ночам слушать, да еще — если повезет! — друзей-товарищей повидать, хоть с одним из тех, кто тоже сошел на берег, не спеша выкурить трубку... (Про красоток на пляже и крепкое вино Ксаний Борисович не думал, потому что красоток стеснялся, а вина не любил.)

Прямо скажем, в родном порту обошлись с ним нездорово. Думал он идти в полярные широты, в очередной арктический рейс с научной экспедицией, а ему вежливо намекнули про единственную и самую лучшую,

к тому же дефицитную путевку на юг, про то, что север никуда не денется, про разные дела, к рейсу касательства не имеющие. Понял Ксаний Борисович, обиделся и вот теперь сидит под дурацким пляжным грибом, раскрашенным как мухомор, сидит в тени и смотрит в серебристую спляшущую даль моря.

Народу на пляже мало, утро, молодежь еще не появилась, и Ксаний Борисович думает о том, что, по сравнению с возлежащими рядом телесами, он сам выглядит отставным спортсменом — сухощав, без брюшка, вот только ноги узловаты.

Накануне он изучал свой пляжный гардероб. Искал что-нибудь простое и неброское.

Он примерял трусы как галстук. Остановился на черных плавках с маленьким якорьком — гэдээровская работа. Нашел он и простую полотняную фуражку — приобрел по случаю в Дании, козырек у нее хороший, как раз от солнца. Но сам он сейчас в тени, под грибом, солнце не печет, и фуражка лежит на песке, и думает Ксаний Борисович о том, что знакомые его капитаны, возможно, идут мимо Дании.

Он вспоминает, что утренние передачи там начинаются всегда с одной и той же фразы: «Да отвратит судьба свой лик суровый от всех идущих в море кораблей».

«Как называется эта радиостанция? — подумал он и не мог вспомнить. — Надо бы спросить помполита, он переводил...» Но помполита рядом не было и друзей «мастеров» тоже, и совсем печальные думы на солнечном пляже томили Ксания Борисовича.

Отвратила ли судьба свой лик суровый от него, Ксания, если он вот сейчас один лежит на песке?

А если его сейчас вот так запросто солнечный удар хватит — кто на него тельняшку чистую наденет? Известно ведь, на юге полярники да моряки чаще всего в саду да возле клумбочки в первые три месяца отдают концы. Давно это врачами замечено. Зачем тогда на юге пенсионное время проводить? Стоило ли всю жизнь бродить по северным морям, чтобы вечный якорь бросать под пальмой?

Тошно стало Ксанию Борисовичу от ласкового южного солнышка. Вернее, не от солнца, а от мрачных мыслей, невейных одиночеством.

«Как же так? — упорно лезли мысли в накаленную солнцем голову. — Мы лысеем, у нас выпадают зубы, хороним друзей и родителей, и все суетимся, только на суету и уходит энергия. Зачем? Боже, как это глупо — дача у моря, новая мебель, кооператив, машина, высокая должность, глупо все, глупо, ведь путь-то пройден. Пройден! Что-то упущено... что-то упущено... можно ли наверстать, ведь есть еще время? Что мы суетимся, переживаем по пустякам?..»

Солнечные зайчики резвятся на малой волне. И видится Ксанию Борисовичу вход в родную северную бухту. Черные скалы и нетающие снежники на склонах, вершины закутаны в туман даже при солнце; течение пронесет мимо бухты льды, моржи спят на льдинах, нежатся. Белеет птичий базар на отвесной скале в глубине бухты, гомонят птицы, и тихо, без всплеска, появляется над гладью воды то там, то тут круглая голова нерпы.

Вон там, на высоком берегу ручья, стояли яранги эскимосов. Место для стойбища хорошее — море далеко видно, а сами яранги в распадке, охраняют их отвесные высокие скалы. В ручей рыба осенью заходит. Сначала голец, потом горбуша, а следом кета и кижуч. Вот где человеку жить, не думая о пенсии и даче! Жить с морем вместе и от моря, что оно даст. А здесь на курортном берегу даже капусты морской не насобираешь, подевалась неизвестно куда или вообще не растет?

Надоело Ксанию Борисовичу лежать на песочке. Поднимается он и идет к себе, в прохладу комнаты, к дежурному кефиру. Идет по песку тяжело, голова побаливает, а пляж заполнен народом, все больше молодежи, и кажется ему, что все глядят на него, на него — старого и ворчливого, не шибко здорового, и чувствует он себя под этими взглядами в плавках и кепочке неудобно. Кажется ему, что вид у него столь же нелепый, как у взрослого человека, играющего в футбол.

Необходимо заметить, что к футболу и всему связанному с ним Вортегов относился с тихой ненавистью. Он понимал всю пользу этой игры для юношества. Но почему человек, которому уже давно перевалило за двадцать, гоняется за мячом, — этого Вортегов, хоть

убей, понять не мог. Однажды случайно по телевизору, прежде чем перевести его на другую программу, он увидел бегущего за футбольным мячом лысого человека, что вообще привело Вортегова в неопиcуемый ужас. И тем более он не мог понять людей, болеющих за футбол, просиживающих столь дорогое время перед экранами телевизоров или, не дай бог, на трибунах стадиона, где нормальному человеку, по мнению Вортегова, находиться противопоказано. Ибо если вы хотите потерять индивидуальность и человеческое лицо — идите на стадион, кричите вместе со всеми, свистите, размахивайте руками, и пусть вам потом дома наедине с собой будет стыдно.

В команде капитана не было болельщиков. И когда уже в родных водах включали телевизор, никто из команды не смотрел футбол. Подбор экипажа с такими наклонностями был совершенно случаен, не надо ни в чем капитана винить.

Однажды у пляжного газетного киоска он повстречал якута, который просил «Футбол-хоккей». Номера в киоске не оказалось, но Ксаний Борисович мигом проникся антипатией к якуту. А днем они встретились в столовой за одним столиком, и Ксаний Борисович узнал, что его сосед вовсе не якут, а бурят.

«Тем более, — мрачно размышлял Вортегов. — Если все буряты начнут болеть за футбол, что же это будет? Они ж к футболу имеют такое же отношение, как чукчи к лаун-теннису! Лучше бы уж, кстати, за лаун-теннис болели, все польза была бы — научились бы правильно произносить иностранные фамилии чемпионов!»

Нет, положительно все раздражало тут Вортегова!

Но отсидеть здесь путевку до конца он решил из принципиальных соображений и в надежде, что все-таки удастся в округе найти (чем черт не шутит!) райский уголок, где можно коротать оставшиеся дни и куда можно приглашать на отдых всех своих чукотских друзей и товарищей.

Есть удивительное время первых дней морозной сухой колымской осени, когда голуби, покинувшие город, клюют на обочине трассы что попадется, а такси

летит по прямой черной дороге мимо желтых лиственниц и посеребренных снегом родных сопок, и ты думаешь не о встрече с любимой женщиной и не о встрече с друзьями, а просто счастлив возвращением. И в этой солнечной ясности ты рад, что лиственницы, и снег, и дорога принимают тебя, ты вернулся, и пронзительно хочется, чтобы счастье это когда-нибудь испытал твой сын.

Восторженное состояние переживал Вортегов, мчась из аэропорта «Магадан» в город, и понял он — зря ездил на юг, если нет у него любимой женщины, не пишут друзья-погодки, а сына так и не удосужился родить, и смотрел он во все глаза на мелькающий пейзаж и никак не мог понять, почему от соприкосновения с этой красотой так хочется жить.

Горько ему было, что не с кем разделить восторг и радость, и неотвязная мысль билась в мозг: «На Чукотку! На Чукотку! Дома я, дома!»

...Чукотский порт встретил его туманом, но туман был родным и привычным. На проходной висело старое, поблекшее объявление о встрече местных футбольных команд, он тут же вспомнил бурята-болельщика и все свое неуклюжее лето.

Никто не удивился появлению Вортегова, и это немного обидело его. «А если б не вернулся — то-то б удивились!» — подумал он. И здесь Ксаний Борисович как раз попал в точку.

— Что-то долго по югам гулял, — притворно бурчал на него начальник портофлота.

— Так я ж пенсионер.

— Все мы в душе пенсионеры, — вздохнул начальник. — Когда приступаем?

Вышел из кабинета пенсионер Вортегов капитаном буксира «Смелый».

Конечно, после морей-океанов, штормов-тайфунов, норд-остов и шквалов работа на маленьком портовом буксире хоть кого озверит. Хотел под горячую руку новый капитан буксира обновить команду своего суденышка, но ему вовремя намекнули, что навигация кончается, свободных моряков нет, а на буксире собраны хоть и проштрафившиеся матросы, но дело свое знают, а остальное зависит от него, от Вортегова, и не надо нервничать.

А в бухту осенними ветрами нагоняло первые льды, оксанские суда торопились в море, домой, в южные широты, и прощальные гудки плыли над поселком вместе с густыми туманами.

В один из таких последних дней навигации, когда буксир стоял у причала, со смотровой площадки диспетчерской крикнули в мегафон:

— Капитана «Смелого» просят на «голубятню!»

«Голубятней» называлась башенка на крыше здания порта, где размещалась диспетчерская.

— К телефону,— кивнул Вортегову диспетчер.

— Ксаний Борисович, здравствуйте,— раздалось в трубке.— Вас из редакции тревожат. Тут к нам делегация пионеров пришла, с письмом.

— С критическим? — улыбнулся он.

— Почти... примерно на тему «Куда же смотрит наш поселок?».

— Ну, и куда же он, наш поселок, смотрит?

— В море, как всегда...

— И что же там видно?

— А там пионеры увидели Гагару, которую унесло на льдине.

— Какую гагару, птицы уже улетели...

— Нет, это собаку так зовут — Гагара, она совершенно черная. Вот ее и унесло. Это их собака, Дома пионеров... Дети просят спасти... Я понимаю, это не входит в круг ваших обязанностей, но... дети просят... сами понимаете.

— Гм... понимаю... я посоветуюсь с руководством.

— Спасибо.

— Пока не за что,— он положил трубку.— Гагара, собаки, дети, черт-те что, а не работа,— ворчал капитан.

Вортегов спустился с «голубятни», ушел на причал, и вскоре буксир, лавируя между льдами, был на середине бухты.

Черную собаку на белой льдине отыскивали быстро. Когда суденышко на самом малом подошло к льдине, собака поняла, что люди к ней с добром.

Мокрая, лохматая, она дрожала, забившись на корме между бухт троса, и не прикасалась к еде — матрос вынес ей полбанки колбасного фарша.

Вечером пионеры пришли к Вортегову благодарить

его, он их принял, напоил чаем с материковскими конфетами и в который раз за вечер пожалел, что никому из этих детей он не может приходиться дедушкой.

— Еще месяц назад,— выступал на другой день на ссвещании директор кожзавода,— мы приняли решение отлавливать собак, а кое-кто их спасает.

Вортегов знал, в чей огород камень, и молчал. А выступающий между тем продолжал:

— Наш завод успешно справляется с планом почти по всем показателям. По изделиям из нерпы, песка и оленьего кожсырья даже с перевыполнением. А вот по одной номенклатуре — мужские шапки из собачьего меха — мы не дотягиваем. То есть, прямо скажу, сильно отстаем. В итоге и собачьи унты, и собачьи спальные мешки полярники и гидробазовцы целевым назначением получают прямо из Казани. Собака социально опасна. Она может съесть человека при благоприятных обстоятельствах.

Вортегов внимательно разглядывал выступающего, хотя знал его давно и жили они через дорогу. В зале смеялись.

— Тише, товарищи,— встал председательствующий, успокаивая зал. Выступающий покинул трибуну. Объявили перерыв.

Комиссия по работе с детьми собралась на свое последнее (в конце августа) заседание подвести итоги летнего периода (итоги прекрасны — оздоровительные площадки, пионерлагерь на берегу моря, спортивный, хоть и небольшой, но уставленный снарядами комплекс, два работавших все лето спортзала в школе и роскошный подарок летчиков для малышей — списанный МИГ-21 прямо во дворе интерната!).

Но Вортегов чувствовал угрызения совести, так как во всем этом не было его личного вклада, все лето он прохлаждался на берегу теплого моря и, когда слушал радостный доклад председателя комиссии о катастрофическом падении кривой детского хулиганства за истекший период, чувствовал в своей душе рождение комплекса вины, и, более того, он явственно ощущал,

как на дне его души пробивался зеленый росток надежды эту вину немедленно исправить.

Движение его души не замечено членами комиссии, и Ксанию Борисовичу поручили вести кружок при поселковом Доме пионеров, естественно, кружок морского дела.

На первое же занятие пришли к нему все те, кто уже побывал у него в гостях на чаепитии, и на второе занятие пришли все, свободные от других кружков, еще бы! — ведь кружок ведет национальный поселковый герой, спасший Гагару от неминуемой гибели.

На третьем занятии Ксаний Борисович понял, что ему с ребятами придется заниматься всем, чем угодно, и меньше всего морским делом. Любопытство ребят было безгранично, но во всех, поднятых ими проблемах, явно доминировал один интерес — собачий, или, точнее, кинологический уклон. Так, например, при изучении темы «Все флаги в гости будут к нам» (флаги иностранных государств на судах морского флота) Ксаний Борисович должен был рассказывать и о собаках, которые в этих странах водятся.

Готовясь к уроку «Морские узлы», Ксаний Борисович должен был копаться в литературе о собачьих поводках и ошейниках — и был прав, все свелось именно к этому.

А увлекательный рассказ об отважных мореплавателях, в одиночку на яхтах совершивших кругосветное плавание и хлебнувших лиху из-за ограниченности пищевого рациона, не обошелся без дополнительных ответов на вопросы о поведении собаки на корабле, о том, чем ее кормить в условиях человеческого голодания, о том, почему чукотская собака ест все, а книги по дрессировке рекомендуют начинать с каши и толченого мела.

Старостой кружка была Снежанна Иванова, та самая пионерка, которая написала в газету о Гагаре и с товарищами пришла в редакцию. Обратил на это внимание Ксаний Борисович только спустя некоторое время, как и на то, что в кружке было много девочек, хотя морское дело всем им противопоказано.

«Она у них лидер и за стенами кружка», — догадался Вортегов. Но чем они за стенами кружка занимаются, было невдомек старому моряку. Как, впрочем,

и то, почему они ходят именно к нему в морской кружок, так далекий от девичьих забот, от уроков труда с кружевками и вышивками.

Лед прочно сковал бухту. Все маломерные суда — плашкоуты, катера, буксиры, баржи — подняты на сушу, заведены под крыши цехов ремонтно-эксплуатационной базы. Хлопот у Вортегова стало меньше, и хоть хозяйство сложное, хоть не всегда удавалось выдерживать график ремонта и профилактики, все же зимний отстой не сравнишь с горячкой навигации, времени свободного прибавилось, а с ним и депутатских забот, совещаний-заседаний, вечеров с детьми в Доме пионеров.

На одном из таких совещаний директор кожзавода увещевал Вортегова:

— Ксаний Борисович, вы там ближе к детям, разберитесь, они мешают нам работать.

А вечером Снежанна ему рассказывала:

— Мы шли в школу, а они собак ловят... Наши мальчишки бросились, увели собак.

— Куда увели?

— Сейчас собаки в гидробазовском доме спрятались, в подвале.

Тут Вортегов вспомнил, что час назад видел Гагару с ошейником, привязанной к крыльцу Дома пионеров. Он еще обратил внимание, что привязана она была морским узлом. Еще усмехнулся, зная, кружковцы.

...Никто из работников коммунального хозяйства не рискнул лезть в подвал к собакам. Просто заделали двери подвала кирпичом. В доме этом давно никто не жил, он был в аварийном состоянии — по стенам шли трещины, плохо держал фундамент на вечной мерзлоте. Но бездомные псы знали это место, при первой опасности бежали туда скрываться, а дети носили им еду.

— Мы выпустим собак из подвала, — сказала Снежанна. — Только вы никому не говорите, ладно?

— Ладно, — улыбнулся Вортегов. — Инструмент-то хоть есть?

— Мальчишки найдут...

Ни утром, ни днем Вортегов не встретил в поселке ни единой собаки и решил, что ребятам не под силу оказалась тяжелая физическая работа. «Надо бы помочь», — думал он.

Возвращаясь после обеда домой, встретил улыбающуюся Снежанну.

— Ну, как твои барбосы?

— Живы-здоровы... Петька с Андреем в школу, правда, опоздали, но ход разломали... Девочки собак в другое место увели.

— Они не разбегутся?

— Нет. Они понимают. Они только нас слушаются.

— Покажете где?

— Покажем. Вам покажем. Вы ведь никому не скажете?

— Никому. Честное пионерское.

— Завтра воскресенье. Мы пойдем туда утром. Только захватите с собой, Ксаний Борисович, еду и ножницы. Соберемся в десять у Дома пионеров.

— А ножницы зачем?

— Секрет,— засмеялась она.— Военная тайна!

— Ну, раз тайна — молчу. Договорились!

Вортегов пришел вовремя, но у Дома пионеров застал только Снежанну с Гагарой.

— Мальчишек нет, у них сегодня лыжи, а девочки уже ушли,— сказала Снежанна. Она взяла на поводок Гагару, отвязала ее от крыльца, и все трое отправились в сопки. Шли недолго, миновали только один распадок, но это была уже дальняя окраина поселка. Здесь были свалены в гору старые бочки из-под горючего, торчали остовы разрушенных складов, кое-где вокруг свалки можно было найти остатки хибар, построенных в первые годы освоения Севера.

Они миновали свалку и вышли к подножию большой сопки. Здесь когда-то пытались пробить штольню, возможно, холодильник, прошли метров сорок, но затем работы законсервировались.

— Это наша пещера,— сказала Снежанна.

У входа в пещеру лежал большой валун. Он был уже засыпан снегом, и Вортегов догадался, что при пурге весь снег задержится на этом естественном препятствии, вход будет замечен, и дальше снег в пещеру не проникнет.

Здесь было тепло. Появление нового человека один из псов встретил рычанием, но девочки его сразу же

успокоили. Когда глаза привыкли к полумраку, Вортегов увидел трех девочек и мальчишку. Вокруг было разбросано тряпье — ребята натащили сюда для подстилок. Рычащий пес продолжал тихо ворчать, Вортегов разглядел, что это сука со щенятами.

— Найда, Найда, свои! — крикнула ей Снежанна.

Собак было больше десятка. Они не волновались, лежали себе, кто свернувшись калачиком, кто равнодушно поглядывая на вошедших.

Вортегов достал из сумки бутерброды с колбасой, большие куски вареной рыбы, куски черствого хлеба, сахар. Он не знал, как кормить собак, и передал припасы Снежанне.

Снежанна обходила собак и бросала каждой по куску. Они вели себя как упрямые псы — не бросались скопом за подачкой, не дрались, а каждая ждала, когда и ей достанется, когда и до нее дойдет очередь, хотя за девочкой все следили внимательно. Самый большой кусок рыбы и сахара она положила перед кормящей сукой. Та встала, все быстро съела, тогда Снежанна добавила ей кусок хлеба и бутерброд.

— Тут еще не все,— сказала она Вортегову.— Некоторые увязались на тренировку за мальчишками. Они нас знают, а взрослых боятся. Мы с самого лета с ними возимся... Ножницы взяли?

— Я забыл,— сказал мальчик.

— У меня есть,— протянул Вортегов.

— Будем собак стричь. Только Найду не надо. Мы ее со щенками отдадим эскимосам. Тебя Волчок не бонтятся?

— Нет.

Вот начинай с Волчка.

— Зачем?

— Какой ты непонятливый! Если тебе половину головы остричь, а половину оставить, ты пойдешь в школу?

— Еще чего? Чтобы смеялись?!

— Вот и собак надо так плохо постричь, чтобы никакой шапки из их шкуры не получилось. Хвосты можно не трогать, из хвостов ничего не шьют...

Ее гениальный в своей простоте план потряс Вортегова. Он смотрел, как она ловко и изобретательно управлялась с Белкой. Выстригла лучший кусок на шее,

сделала борозду на боку, провела полосу по спине, чикнула ножницами на затылке, сделала на другом боку крест — операция по обезображиванию была закончена. Снежанна приступила ко второй собаке. Они ее слушались, никто не сопротивлялся.

— Только учтите, — сказал Вортегов, — много шерсти не выстригайте, на дворе зима. Ноги, хвост и живот можно оставить целыми, а бока и спину лучше полосами...

Не прошло и часу; как дети превратили всех собак в уродов, каких Вортегову не приводилось видеть и во сне...

«Это надо же, — думал Вортегов, — завтра в поселке все умрут с хохоту! Теперь кожзаводу пользы от таких шкур ни на грош...»

Разбирали жалобу директора кожзавода.

Корреспондент районной газеты (а это, как мы помним, именно он звонил тогда по поводу Гагары) не мог выступить из-за приступа неудержимого хохота, а когда страсти улеглись, принялся тут же набрасывать юмореску под названием «Собачий вальс».

«Собачий вальс, — писал он, — простейшая музыкальная пьеса, исполняемая на фортепьяно (пианино, рояле, клавесине, пианоле и т. п.) одним пальцем. Не путать с популярным «Чижиком-Пыжиком», который...»

На этом он прервал записи, так как Вортегов в это время рассказывал о том, как Найду и щенков отдали в соседний эскимосский поселок. Кроме того, тамошние каюры забрали еще четырех молодых собак. Из оставшегося сопологовья, докладывал Вортегов, на пионерском собрании решено сколотить упряжку — одну на интернат и Дом пионеров. Поселковая столовая, рассказывал он дальше, поможет решить проблему скоромежкой, да и с местными морзверобоями достигнута по этому поводу договоренность.

Слово свое Ксаний Борисович сдержал. Упряжка у пионеров существует до сих пор. И правильно, потому что без собак навыками тундровой жизни не овладеешь.

Вортегов же неожиданно для себя сделался заправским каюром, ездит на рыбалку и охоту. Только, сами понимаете, морской кружок его окончательно развалился.

Два моржа

Рассказ

Утоюк был справедливым человеком. И когда его упряжная сука Тильда родила шесть черных глянцевых комков и четыре из них тут же умерли, он взял одного щенка и отнес его печальной лайке Чёны, потому что у той умерли все. Все щенки, которых она родила три дня назад.

Утоюк не понимал, в чем дело.

— Ты бил собак, когда они были беременны, Утоюк. Ты не хотел этого делать, Утоюк, но ты это делал.

Утоюк жевал табак и меланхолично сплевывал.

— Да, — сказал он.

Зря я его обидел.

Я гожусь Утоюку в сыновья, младшие сыновья. Но Чёны (так называл Черную Утоюк) моя собака. Я ему ее подарил, потому что она была настоящей собакой. И дарить принято только настоящие вещи, а у меня ничего не было, чем бы я так дорожил. И я отдал ему Чёны, потому что знал, что Чёны все равно обо мне скучает. Вот почему я всегда приезжал к Утоюку, даже если мой путь лежал совсем не в ту сторону.

Чёны всегда узнавала меня, я кормил ее с рук, и сейчас, услышав мой голос, она выскочила, уперлась передними лапами мне в живот, моргала слезливыми глазами.

Может быть, Утоюк ревновал Чёны? Тогда почему Тильда оценилась мертвыми? Нет, он их бил одинаково.

В тот вечер мы поссорились с Утоюком. Когда он кормил упряжку, мне показалось, что куски жира были маленькими. Рубленные тушки песцов и копальхен были в одной миске, нерпичий жир в другой.

Мясо песцов — не еда, это уж не от хорошей жизни, собакам нужен жир, и Утоюк мог бы сделать куски побольше. И я демонстративно стал кормить отдельно Тильду и Чёны.

Утоюк обиделся. Это было видно по его насупленному молчанию.

Но долго молча не высидишь, и пришлось идти на попятный:

— Не сердись, Утоюк. Упряжка хорошо работает, не надо жалеть мяса. У тебя ведь еще есть неоткрытая яма. Там целый морж, я знаю. Чего ты жмешься?

— Нерпа совсем не ловится... — тихо роняет он.

— Скоро льды уйдут, кромка будет близко. Будет и нерпа.

— Зима плохая... ты знаешь... Весна тоже плохая будет...

Мне хочется подбодрить старика:

— Но ведь охота у тебя хорошая! Песцов больше, чем у Тымкувье, я заезжал к нему.

Утоюк молчит. Тымкувье его конкурент. Тымкувье его сосед по участку, в сорока километрах его избушка.

От известия лицо старика не изменилось. Но я знаю — Утоюк доволен. Если обогнал Тымкувье, — значит, в колхозе обогнал всех.

— Умк'этэ гатъайтчаленат ыннанмытлын' — эн... Эт'тки...¹

— Сколько?

— Шесть.

— Ты его видел?

— Виневан... нет... не видел.

— Мы убьем его обязательно, — успокаиваю я старика.

Старик кивает головой. Спрашивает:

— Поедем вместе?

— Конечно!

— Завтра, — говорит Утоюк. — Я следы видел. Догоним!

— Хорошо.

Вот мы и помирились, теперь у нас общая забота. Теперь можно долго пить чай и выкладывать все новости с момента последней нашей встречи.

— Ты долго не приезжал, — начинает Утоюк и ждет.

— Я был в отпуске, в Хабаровске. Только чуть дальше. На берегу реки. В тайге.

— Охотился?

— Отдыхал. Рыбу ловил. Немножко стрелял. Ви-

¹ Шесть песцов умка разорвал... плохо... (чук.)

дишь, поправился как! — И я хлопаю себя по животу.

Утоюк смеется.

Больше всех разговоров любил старик рассказы про охоту на зверей и птиц, которых он никогда не видел, на которых сам не охотился. Он выписывает журнал «Охота и охотничье хозяйство», но по-русски не читает, а редкие его гости знают, что на второй день их жизни в избушке старик достанет комплекты журнала и попросит почитать вслух те страницы, на которых фотографии и рисунки невиданных зверей.

Меня старик любит за то, что во время чтения я часто отвлекаюсь и скучную специальную статью расцвечиваю придуманными подробностями из других, когда-то читанных книжек и историй. Я даже подозреваю, что однажды он одну и ту же статью дал читать нескольким, и теперь его выбор остановился на мне, и мне читать приходится больше, чем остальным.

Но сегодня я читать не буду. У меня есть что рассказать. Я провел отпуск в тайге, где Утоюк никогда не был, и ему многое будет интересно. И про токующего глухаря, и про самую вкусную рыбу в мире — калугу, и про драку лосей, и про черепах в зоомагазине — сто штук в одной ванной.

Утоюк думает о медведе.

— Мы пойдем к нему завтра? — еще раз перед сном спрашивает он.

— Пойдем.

— Ты будешь стрелять, — говорит старик. Это значит — он мне его дарит.

День полон солнца, но морозен. Все-таки скоро весна. Неотвратимость ее в звоне ломких стекляшек наста, в слепящей белизне торосов, в особом запахе ветра, когда он идет оттуда, с океана. Наши капканы в море, в торосах. Мы уже сняли двух песцов.

Собаки идут хорошо, у нас и у них хорошее настроение.

— Скоро кончится сезон, — говорит Утоюк.

Я знаю, на что он намекает. Скоро кончится время охоты на песцов, к нему приедут гости — Тымкувье приедет, председатель придет вездеход, и сам, наверно, приедет, приедут чукчи с других дальних участков,

и состоится праздник окончания охоты. В прошлом году я был на таком празднике. К нему готовятся загодя, как только приходит вездеход или трактор с продуктами на сезон, как только добывается первый песец.

У первого пса Утоюк отрезает хвост, ушки, лапки. Можно и целиком его оставить — это не меняет дела. Из ящика с чаем оставляется первая плитка чаю, из других ящиков — первая банка сгущенного молока, первая пачка сахару, из туши оленя — первый кусок, ляжка. И все это хранится до окончания охоты. Хранятся и черепа всех добытых псов. Черепа расставляются на снегу в треугольник, как шары на бильярдном столе, во главе этого треугольника череп пса, который пришел в капкан первым. Его зубы смазывают жиром, на остальные кидают кусочки мяса. И капканы, которые работали в этом сезоне, лежат в отдельной куче. На них тоже кидаются кусочки мяса. Горит небольшой костерок, на нем готовится чай и еда.

В стороне гости выставляют в линию свои подарки — ставить можно все, что ты решил подарить: консервы, отрез на камлейку, связку кожаных ремней, нерпичью шкуру, что-нибудь из посуды, — любое.

Участники соревнований бегут до мыса и обратно, финиш у черты с подарками, и каждый подбежавший хватает то, что ему понравилось, но ни в коем случае не то, что поставил сам. В этих соревнованиях проигравших не бывает — каждому достается приз.

Потом, когда все влѣсть прокомментировали бега, воздав должное первому и успокоив последнего («ты бы тоже пришел первым, если бы не запнулся на старте, если бы перепрыгнул плавник, а не обегал его, если бы...» и так далее — все великодушно отыскивают тысячу причин), начинаются соревнования по стрельбе. В них могут принимать участие и женщины.

После соревнований трапеза.

В прошлом году Утоюк приковылял последним. И мой приз — бутылка «Старки» досталась Тымкувье. Я прибежал предпоследним, мне достался песец, его выставил Тымкувье. У меня было время отдышаться, а старик все еще бежал. На снегу стоял последний приз — термос.

Я вытащил из рюкзака флягу и поставил рядом. Когда Утоюк пришел к финишу, он в растерянности

остановился. Он один, а подарка два. Что делать? Но кругом был веселый галдеж, все кричали, чтобы он брал термос, и Утоюк взял... флягу.

Нам весело, мы вспоминаем прошлогодний праздник.

— Ты останешься? Подождешь?

— Не знаю...

— Будет хорошо... люди приедут... — уговаривает старик.

Мы сворачиваем в распадок.

Нарта останавливается, старик изучает следы. Следы идут из моря в сопки.

— Сытый умка, не злой... — замечает Утоюк.

— Почему?

— Следы большие, круглые. Смотри. А когда голодный он — след узкий, длинный.

Мы едем дальше, в конец распадка. Туда ведут следы. Собаки почуяли что-то, они волнуются, они бегут быстро. Старик резко осаживает их, вбивает остол между копыльев нарты, достает карабин.

Теперь и я вижу.

До сопки метров двести, но ветер на нас, и зверь нас не чует. Большая желтая на ослепительном снегу медведица копошится на верху сопки, потом садится и съезжает на задку вниз, совсем как школьница на портфеле с ледяной горки. Рядом с ней кубарем скачивается медвежонок. Она дает ему легкий шлепок, и они снова наперегонки весело бегут в гору.

— Играет... — шепчет Утоюк.

Мы долго смотрим на их игру, потом Утоюк оборачивается и смотрит на меня. Я пожимаю плечами, ставлю затвор на предохранитель и кидаю карабин на нарту. Старик улыбается, прячет карабин в чехол из нерпичьей шкуры, разворачивает нарту, и мы едем домой.

— Это ведь не наш медведь, правда?

Старик кивает.

— наших псов трогал другой, да?

Старик кивает.

Мы себя уговорили, и нам легче от несостоявшейся охоты.

...Дома старик долго возится, готовя собакам ужин. Я вижу, что куски сегодня побольше.

— Что-то ты им многовато сегодня нарезаешь, а?

Старик улыбается своим мыслям.

На улице полыхает костер. Стоят морозные дни, и собакам нужна теплая еда, я готовлю ныпаны — собачий суп. В большой чан кидаю пласты снега, потом много мерзлой крови и нерпичий жир с маленькими кусочками мяса. Потихоньку от Утоюка кидаю в ныпаны несколько горстей муки и размешиваю все доской от ящика. Чай мы пьем у костра, на улице.

— Ты останешься на праздник?

Я уйду в избушку. Возвращаюсь, прячу кулак за спину:

— Угадай!

Он удивленно молчит.

Разжимаю ладонь. Старик смеется. На ладони два кубика из моржового клыка. Их сделал мне Утоюк по типу игральных костей. Только вместо шестерок на каждом кубике — голова моржа. Гравировал тоже Утоюк. Этот подарок всегда со мной уже три года.

— Дай кружку!

Старик выливает остатки чая и протягивает кружку.

— Вот если выпадет два моржа, останусь.

— Три раза кидай, — серьезно говорит Утоюк.

Кости гремят в кружке.

Раз! — двойка и тройка.

Кости гремят в кружке.

Два! — единица и пятерка.

Кости гремят в кружке.

Три! — два моржа.

Высыпаю кубики, прячу их в карман. Старик наливает в кружку новый чай. Интересно, догадался ли он, что я все равно бы остался, даже если бы моржи и не выпали?

Очень
жарко

Рассказ

— Сеид, покажи пустыню, — канючу я. — Сеид, покажи пустыню...

Сеид молчит. Сеид задумчиво чешет волосатую грудь. Глаза у него голубые, как озеро Балхаш. Как озеро

Балхаш, если лететь над ним на высоте шесть тысяч метров. Наверное, в него влюблены все окрестные девушки. В Сеида, конечно, а не в озеро. Но девушки тут гордые. Они делают вид, что не смотрят на него, вагорелого, черного красавца с азиатской меланхолией в голубых нездешних глазах. И черный красавец задумчиво чешет волосатую грудь.

— Сеид, покажи пустыню...

Девушки проходят под тень чинары. А может, и не чинары, я не знаю, как тут называются деревья. Потом спрошу, когда будет пустыня, аулы и саксаулы и верблюжья колючка; колючку я знаю, хотя она у нас на Чукотке и не растет. Колючкой я буду кормить верблюдов.

Двадцать косичек у девушки Замиры. А может быть, тридцать. Наверное, она заплетает их на работе. Потому что немисливо представить, как можно отдавать заплетению косичек свободное время. Когда же тогда ходить на свидания?

Она тоже идет туда, к деревьям. Там скоро сядет маленький самолет. Он редко садится там: ведь отсюда куда угодно можно доехать на машине или на поезде, да и к большому аэродрому можно добраться за час. А самолетик садится тут не часто.

Замира идет, и кажется, что ее косички, как сосульки на новогодней елке, звенят в желтой тишине. Черные стеклянные сосульки. Замира никогда в своей жизни не видела новогодней елки, как я не видел ни чинары, ни песков пустыни.

— Сеид, покажи пустыню...

Брови у Замиры на переносице искусственно сведены тушью в одну. Одна бровь на оба глаза. Полумесяцем бровь.

Замира ведет за руку малыша — молчаливого надутого чертенка. Пятилетний Бахадур зол. Несколько минут назад мать отчитала его за проказы. А может, и дала пару шлепков. Бахадур — ее радость и горе. Он лезет на дорогу, и все колхозные шоферы его друзья. Бахадур ломает все и, если его оставить без присмотра, сможет, наверное, отвинтить на досуге колесо у грузовика.

Отца у него нет. Он на Севере. Все знают, когда он приедет. И даже я. Только я это знаю лучше. Вот сей-

час. Минут через сорок. Он остался в Центре на один день. А до Центра мы летели вместе. Забрали мы его в свой грузовой АН-12 в Новосибирске. Он отстал от пассажирского рейса и попросился к нам. («Новосибир! Город! Абрикосы! Наши абрикосы! Я сразу узнал! Смотрел город — отстал! Любопытный я! Зачем Хамид любопытный? Не знаю! Зачем Хамиду, южному человеку, Север? Домой еду! Пять лет не видел Замиры. Зачем?»)

Все это я пишу после встречи Замиры и любопытного Хаида. Он стоял у самолета бледный и не улыбался. Замира подошла медленно. Сеид вытер пот со лба.

Хамид и Замира долго смотрели друг другу в глаза. Разлука не проходит бесследно, это знают все, кто был в разлуке. И Хамид мысленно каялся и сокрушался, как тогда в самолете: зачем южному человеку Север.

Хамид и Замира стояли молча. Они смотрели друг другу в глаза. Бахадур стоял у нашей машины, и Сеид гладил его по голове.

Больше Хамид не будет уезжать на Север.

Сеид вздохнул, включил мотор и повез меня показывать пустыню.

У него старый «виллис», старый-старый, наверное, со времен англо-бурской войны. Такие «виллисы» я видел в хронике, показывали африканскую пустыню. И вот опять пустыня, но нет прохлады темного кинозала, есть старый «виллис», но нет выстрелов.

— Сегодня не повезло, сегодня нет каравана, — вздохнул через час Сеид.

Я его понял.

— И не надо. Подумаешь, верблюды! Я и в зоопарке их увижу. Давай домой, — малодушно капитулировал я перед песком и зноем.

Вот она, пустыня. И если сейчас меня спросит Сеид, какая она, я ничего не отвечу. Я вытащу из ящика последнюю бутылку минеральной, половину выпью, а остальное вылью на голову и выброшу ее в пески, где валяются остальные девятнадцать, потом выброшу пустой ящик и спрошу у Сеида:

— Как вы живете в такой жаре? Разве можно жить в такой жаре?!

Ничего не скажет Сеид. Он привык к глупым вопросам.

Мы едем к Хамиду. Хамид ждет меня, я обещал еще в самолете. Сеид едет со мной. Он спокойно едет со мной, потому что никогда Хамид не узнает, что Сеид и Замира большие друзья. А если Хамид узнает, убьет Замиру. Зря, конечно. Нельзя же пять лет ждать и бояться, что эти пять могут растянуться на десять. Хамид забыл, что век восточной женской красоты очень короток. Это знают все женщины, и Замира тоже. Плати теперь, Хамид. Плати ночной бессонницей, глухотой, когда вокруг шепчутся, дикой ревностью неизвестно к кому и не забывай носить лицо достойно.

— Ассалом алейкум! — вошли мы во двор.

— Во алейкум ассалом! — ответил белый старик.

В саду на возвышении — небольшая деревянная площадка. Это чайхана. К ней ведут три ступени. Посреди чайханы столик на маленьких ножках. Вокруг столика с трех сторон — матрасы, покрытые пестрыми коврами. На коврах подушки для сидения, их лучше всего подкладывать за спину. Стол уже накрыт. Нас приглашают к трапезе.

Мы моем руки под краном, каждому дают отдельное полотенце.

У ступеней чайханы я сбрасываю сандалии, вытираю ноги о коврик, это скорее жест символический. Неглубоко кланяюсь, не спеша прохожу к столику, сажусь по-восточному и устраиваю подушку за спину.

Чайхана в тени. С дерева на дерево перекинута проволока, виноград обвил проволоку, стены из винограда, потолок из винограда, хорошо в тени. Интересно, сколько в мире сортов винограда?

— Примерно две тысячи четыреста восемьдесят пять, — отвечает Хамид.

Он уже полностью здесь, в Азии. Он все вспомнил. За пять лет жизни в Якутии он ничего не узнал про Север. А здесь он полностью. И завтра уже снова будет агрономом. И ему приятно оттого, что здесь он свой и все обо всем знает. И он спешит поделиться своей радостью:

— Вот это «каберне». А там «ркацителли». В конце сада «изабелла» и «алентика». У соседей «кишмиш» розовый и белый. А без косточек — это «тырново». Есть

в совхозе еще «эчкиумар», «юмалак», «дамские пальчики», «таквери», «чиллаки», «инимранг», «пино», «каттекурган»...

— ...ранний «вир», — подсказывает старик, — «прима», «родина», «буваки», «матраса»...

Мы смеемся.

— Семьдесят два сорта в совхозе, — говорит Абдурахим-агы, так зовут старика. — Семьдесят два, слава аллаху!

— В основном я их знаю по этикеткам на стеклянной таре, — говорю я старику.

Засмутился Абдурахим-агы, ведь на столе только ряд маленьких бутылочек «Столичной». Бросил негромко узбекское слово. И Замира исчезает. И через минуту ставит на стол графин с вином. А рядом устолика чайник. Тоже с виноградным вином.

— Хороший сад, — говорю я приятное хозяевам. — Хорошие деревья. Тени много, легко.

— Платанус ориеталис, — цветет Хамид, — чинар восточный. В Крыму разводится, у нас и в Средиземноморье. И еще у Гималаев.

Ах, Хамид, молодец, Хамид! Дома ты, хорошо тебе. Не найдут тут лучшего агронома. Знают хитрые азиаты: зол ты теперь до настоящей работы. Зачем южному человеку Север?

К дальнему дереву сада привязана овца. У нее большой курдюк. Она стоит, опустив голову, не шевелится, смотрит в одну точку или закрыла глаза. И не часы, а уже минуты ее сочтены. Она предназначена для плова. Она будто чувствует это. От ее обреченной позы мне как-то не по себе, я еще ко многому тут не могу привыкнуть. Но вот незнакомый парень уводит ее. И в маленькой летней кухне под большим котлом Замира сильнее раздувает огонь. А плов будет готовить парень, потому что в деревне он лучше всех готовит плов. На курдючном сале, с желтой морковью, с луком и неочищенным чесноком, и каждая рисинка будет отделена друг от друга, руками будем есть, но гостям дадут ложки на всякий случай, вдруг гости непривычные. А гость-то я один и, признаюсь, не умею есть плов руками, не умею делать пальцы щепочкой, катать рисовый шар и кидать его в рот. Да и ложкой захватишь больше, честно говоря.

А пока не дошло до плова, едим атчик-чучук — нестерпимо острую закуску из тонко нарезанных помидоров со специями, жирный суп жаркоп, ломаем пресные лепешки, испеченные Замирой. На столе персики, пушистые и нежные, хочется посмотреть на них, а не есть, они как маленькие солнца, а еще виноград черный, виноград светлый, солнечные лучики играют под его кожей, а еще фиолетовые сливы, и яблоки семи сортов, и инжир, плоский, как шайба, и много чего еще на столе. Чувствую, не осилю восточного гостеприимства.

Мы приступаем к зеленому чаю, делаем большую паузу перед пловом, потому что плов как ритуал, это священнодействие, и мы много пьем зеленого чая, и я не спрашиваю, почему всегда зеленый чай наливается только до середины пиалы. Сколько можно выпить зеленого чая? Я переворачиваю пиалу и уже не помню — по русскому это обычаю или по чукотскому. Жарко.

Во время трапезы Бахадур ел немного, все время стоял за чайханой. Бахадур следил, чтобы тарантул не вполз случайно на чайхану и не потревожил гостя. Одного он убил.

Жарко. От солнца или от еды — не знаю. Сними рубашку, опусти в арык — нейлон высохнет быстрее, чем ты осушишь пиалу. А чаю нет конца и краю, и я опять пью, а на столе появляются конфеты из сельпо, непонятные югославские конфеты «гаучо». («Пижон, — клянущу я себя, — разве можно в жару в нейлоновой рубашке?»)

Нас за столом четверо, одни мужчины. Женщина должна только подавать. И я нарушаю обычай, прошу старика Абдурахима, чтобы Замира-джан откушала с нами чаю. Замира смущенно присаживается, наливает чаю, делает глоток, встает и уходит. Уходит как-то тихо, незаметно, и я догадываюсь, что мне бы следовало молчать. Нас опять четверо — Хамид, Абдурахим-агы, Сеид и я. Незнакомый парень колдует на кухне с пловом и есть будет после нас или с нами, если его пригласит старик.

Время за столом тянется медленно. А за неторопливой беседой еще медленней. Кажется, будто время расплавлено жарой, а до «хайрли кел!» (спокойной ночи) еще очень далеко.

Белый старик Абдурахим-агы без усов и без бороды,

волосы подстрижены ежиком, коричневое лицо в морщинах, морщины как у чукотских стариков, только среди чукотских никогда не встретишь таких седых.

На старике щегольская полотняная рубаха и светлые брюки, рукава рубахи молодцевато закатаны. Совсем современный старик. Когда молчит, ну прямо директор магазина или заместитель председателя. Но я знаю, что Абдурахим-агы пенсионер, по-русски не читает, почитает Коран и весь светится мудростью.

Вечером он поведаёт мне о том, что не возражает, чтобы другие летали в космос, но ему-то известно — никто не знает края земли, никто еще не был в горах Каф, окружавших землю, и никто не возвращался с Киёмата (Страшного Суда). И сам он старался жить по шариату... («Это такой реферат, — шепчет с улыбкой Сеид, — на темы Корана.»)

Большая жизнь у Абдурахима, но он ничего не знает о Якутии, откуда вернулся Хамид.

Мало прожил Хамид, быстрее жил, летал и ездил, но тоже ничего не знает о Севере. Потому что, если хочешь знать что-либо о другой земле, надо эту землю любить.

— А ты любишь свою землю? — переводит мне Сеид старика.

Я долго рассказываю о Чукотке, говорю, что это снег и прочее. Север, одним словом.

Качает старик головой. Он недоволен.

Тогда я прошу Сеида поточнее меня переводить и начинаю разговор на другую, но очень важную для меня тему.

Я вижу мудрость старика, и, может быть, он объяснит мне то, чего я никак не пойму. Почему, — спрашиваю я. — Почему мне так хорошо здесь, в незнакомом краю, и почему мне тревожно, особенно вечером, когда дышит теплая земля и висят низкие звезды? Не могу я уснуть, слушаю что-то, прикасаюсь ладонями к потрескавшейся глине дувала, прислушиваюсь к себе и к ночи и к теплу заката, тянет меня земля, хочется ее послушать, и вот уже слышу какие-то голоса, смутные и непонятные ощущения бередят душу, как будто я вспоминаю что-то и не могу вспомнить и не вспомню никогда, но мне от этой тревоги хорошо. Почему хорошо? Ведь я ничего не сделал на этой земле,

ничем она меня не связывает, никого у меня здесь нет.

— Почему?

— Ты вошел в чайхану, как мы. Сел, как мы. И виноград ел с лепешкой, как мы. Я смотрел, — признался он.

— Но я не знаю ваших обычаев.

— Кровь — она не обманет... Да коснутся ушей аллаха твоей просьбы, и будет он милостив... — тихо говорит старик.

Я никогда не задумывался о своей родословной. Но вспоминаю, что мой прадед был мусульманином, а дед его деда, наверное, ходил в Монголию и Китай по Великому Караванному пути. Как знаты! И, может быть, тут его могила?

— Да, — соглашается старик.

Мне вдруг становится морозно. Я крепко кладу руки на стол и молчу. Молчу о своем. Думаю о том, что умру на Севере. А если так, то сын моего сына тоже будет волноваться, когда приедет на Север, даже если ничего не будет знать обо мне («кровь — она не обманет»)... Значит, на ледовитой земле, на том стылом берегу все должно быть мое, у меня должен быть свой Великий Караванный путь... Есть ли он у меня?

Вспоминаю всю свою жизнь на Севере, своих друзей и врагов, свои радости, опасности, свои прощания, встречи, свои слова, дело свое... Даже когда мне не везло, не обижался я на эту землю... Скучал без нее в краях, где теплое солнце и другие дожди...

И теперь я спокоен: знаю — непонятная тревога будет мучить сына моего сына, если ему вдруг вздумается приехать на Север. Будет он волноваться — да помогут ему потом мои боги! Конечно, он будет жить по-другому. Каждый живет по-своему. Но, наверное, жить надо так, чтобы и чужие люди говорили: вот ходил тут незнакомый парень в шапке меховой. А теперь не ходит. Странно.

Я молчу, а Хамид рассказывает о Севере, как пил кумыс из якутского чорона — большой деревянной чаши и как ел строганину из чира, хорошая рыба, жирная.

— Что ты привез с Севера? — спрашивает Абдурахим-агы.

— Что привез? Деньги привез. Тоску привез. Тоски много, как денег, — вздыхает Хамид. — А счастья нет.

— Ну почему же теперь нет? Теперь ты дома...— говорю я и прячу глаза и не смотрю на Сеида.

Сеид потягивает чай. Он может много выпить чаю, больше меня. Голубая бархатная меланхолия в красивых его глазах.

— Ты был далеко,— говорит старик,— у тебя будет чему учить детей...

Хамид пожимает плечами.

— Север учит людей доброте,— говорю я.

— Коран учит доброте,— спорит старик.

— В Коране достаточно зла. Нетоварищеское отношение к женщине,— улыбается Сеид.

Старик смотрит на него сердито. Так сердито, будто выдал мне Сеид родовую тайну. Он ничего не говорит Сеиду, он понимает, что не та нынче молодежь пошла, никакого уважения к тому, что почиталось раньше. Успокаиваю Абдурахима:

— Все равно,— говорю.— Все равно не купаться нам в Кавсаре, райском пруду.

— Хэ,— вздыхает Хамид.— Хэ!

— Нет,— качает головой старик.— Вам не дано умыть лицо водой из Замзами. Не совершить вам главного пути — в Мекку. Никому из вас не дано умыть лицо водой из Замзами, святого колодца Мекки.

А я вспоминаю свой путь сюда, свой длинный путь в Азию. Под нами все время плыли облака. Только над Сибирью облака под нами были похожи на снега, на торосы Ледовитого океана, а здесь облака как кучки хлопка и тени от них на земле как озера с черной водой.

...На столе появляется плов.

Замира приносит полный чайник, наливает из него в графин.

— Пей вино и ходи не сгибаясь,— непонятно кому говорит старик.

Утром Сеид отвозит меня на маленький аэродром. В машине Хамид и Замира.

Одинокий верблюд стоит в тени деревьев. У него высоко поднята голова, тяжелые налившиеся веки. От этого кажется, что смотрит он с прищуром.

Я беру на память веточку саксаула.

— Везти саксаул?— удивляется Сеид.— Разве это сувенир? Везти так уж везти, что-нибудь такое,— он развел руками,— по вашим северным масштабам.

— Да, конечно,— соглашаюсь я и прошу погрузить верблюда. Верблюд с насмешливыми глазами не хочет влезать в самолет, хотя в самолете пахнет яблоками, солнцем и пылью пустыни. Верблюд знает, что в тундре не растут саксаулы.

Сейчас я улечу. Сеид подбежал к самолету прощаться еще раз.

Хамид и Замира стоят у машины и машут мне. Зачем я прилетел в Азию?

Чтобы узнать, зачем приезжать, надо уезжать. Если хочешь узнать, нужен ли тебе саксаул и верблюды, пустыня и Замира и платанус ориенталис — восточный чинар.

Вспоминаю, что не простился с Бахадуром, не хотел его так рано будить. Вот, наверное, так же рано уехал от него в свое время Хамид. Зачем? Ведь Бахадуру было всего несколько месяцев. Ничего, Замира родит Хамиду еще много сыновей, и от них уж Хамид никуда и никогда уезжать не станет. Она родит их столько, сколько надо Хамиду,— девять. Больше можно, а меньше Хамид не хочет.

Азия.

Нестерпимо палит солнце.

Чаю

захотелось...

Рассказ

Геологический отряд Иванова (вместе с ним четыре человека) заканчивал полевой сезон. В этом году отряд базировался на Усть-Камчатск — районный центр на северо-востоке Камчатки, а маршрутировали ребята далеко на севере, на побережье.

И вот пора собирать вещички — домой! Домой!

Жил наш отряд в небольшом одноэтажном домике. Тут обычно останавливались проездом на север или юг биологи, ихтиологи, ботаники, геологи, орнитологи — всякий, ученый экспедиционный люд, которому гостини-

ца не положена, а положено преодолевать трудности, и домик этот был куплен Камчатской экспедицией для обитания своих и чужих коллег-горемык.

Мы разложили во дворе для просушки спальные мешки, палатку, амуницию, резиновые лодки, тенты. Все накануне промокло основательно, да и все лето наше было на воде: работаем по шельфу, то в море, то в заливе, то по отмелям. Каждый день, хочешь не хочешь, а обязательно искупаешься, и всегда не там, где ожидал. Но вот что странно — каждый день ледяные купели, а никто в поле ни разу не чихнул! Климат, что ли, тут такой благодатный? Или наш неумывающий аппетит? Говорят врачи, что очень многое от аппетита зависит. Так тут, надо отдать Иванову должное, команду он себе подобрал один к одному — богатыри на три добавки.

Сейчас вовсю светит солнце, к вечеру все высохнет, прогноз на утро хороший. К вечеру мы соберемся, свернемся и утром улетим. Я у костра колдую над вымоченной в чае гагарой и жарю рыбу, которой у нас в избытии. А в кладовке общей бесхозной еды — консервов, оставленных нами и предыдущими отрядами, хватит, пожалуй, на целую зимовку. Там и сухой картофель, и галеты, и канистра растительного масла, и сахар, и тушенка, и мука, и вяленая рыба. Оставляли то, что необязательно везти с собой. Все равно ведь еда кому-нибудь пригодится — бродячий ученый народ не убывает, сегодня я тебе помог — завтра ты мне.

...Утром погрузились на машину, простились с завхозом Василием (он остался в доме в качестве смотрителя избушки, ожидал геологов своей партии, они должны были подойти недели через две) и отправились в порт.

В ожидании самолета взвесили в порту все свое имущество — вышло предостаточно: шестьсот килограммов. Аэропорт в селе маленький — заведующая аэровокзалом оказалась и кассиром, и диспетчером, и заведующей камерой хранения.

Два часа уныло шатались по залу ожидания и территории аэровокзала — о рейсовом самолете никаких известий. Наконец Иванов пошел к диспетчерше и попросил ее сходить на радию за справкой. Она вскоре

вернулась, сообщила, что борт из Петропавловска еще не вылетал.

«Лететь ему часа полтора, — соображал я, — да тут полчаса, да и не вылетал еще... гм».

— Есть мысль, — обратился я к Иванову. — Буфет не работает, и термос пустой, — продемонстрировал я пустой литровый термос. — Надо смотаться к Василию за чаем.

— Время есть... — неопределенно ответил он.

— Тогда я мигом!

Автобус довез прямо до магазина. Отоварился я свежими булками, кое-чем по мелочи. Наша избушка была рядом. Заскочил туда, взял пачку чаю. Василий не удивился возвращению.

— Что-нибудь с рейсом? — спросил он.

— Задерживается... чайку вот надо в термос...

— Сейчас я костер живо, — сказал Василий.

Он выскочил во двор, набросал в кирпичную загородку щепок и разного хлама, плеснул керосину, костер полыхнул. А вскоре и чайник загудел.

Нагруженный продуктами и потяжелевшим термосом, я проголосовал автобусу. Он опять шел в аэропорт и был подозрительно пустым. «Наверное, второго рейса не будет, — подумал я. — Хорошо, что у нас билеты на первый».

Путь до аэропорта не более получаса. Мы уже въезжали на его территорию.

— Смотри, — толкнул я шофера в спину, — идет на посадку!

ЯК-40 грациозно шел над площадкой.

— Куда там на посадку... — пробурчал шофер. — На взлет он идет! Встречаешь, што ль, кого?

Сердце у меня упало.

— Кого встречаю! — заорал я. — Улетаю я на нем!

— Оно и видно, — сочувственно улыбнулся шофер. — Завтра улетишь, не переживай!

В зале ожидания никого не было. Ни ребят, ни нашего громоздкого груза, ни пассажиров.

— Вам письмо, — протянула мне записку диспетчерша. — Мы пятнадцать лишних минут вас ждали. Больше не могли. — Она вздохнула. — Ну, а завтра приезжайте, на первый борт устройте, поскольку вы без вещей даже. И паспорт вам передали, и билет.

Все это аккуратно завернутым она протянула мне вместе с запиской.

На этот раз встречал меня Вася, раскрыв глаза, разинув рот.

— Я же видел... самолет... — выдохнул он.

— Я тоже видел.

— А ребята?

— Эх...

Я выгрузил на стол термос с чаем, Вася принялся за ужин.

Следующий день я провел в аэропорту. Самолетов не было — низкая облачность. На второй, третий день — то же самое. Потом пошли затяжные дожди, полосу размыло, и по радио объявили, что в течение месяца на авиацию можно не рассчитывать, но зато днями будет паром и пассажиры могут добраться до областного центра на прекрасном лайнере в каютах со всеми удобствами.

Никого знакомых в поселке, кроме Васи, у меня не было, и за день до отхода парохода я сказал Васе:

— Слушай, дай взаймы десятку-другую, из Петропавловска верну телеграфом. А то у меня трояк всего остался.

— Чего ж ты раньше не сказал, — развел руками Вася. — Была одна десятка, да вот я на нее решил прощальный ужин организовать, — и он выставил на стол две бутылки марочного из товаров новой навигации.

— А знакомые у тебя тут есть, среди местных?

— Откуда? Я ж в поле все время был... а сейчас сам видишь. Да продуктов до зимы хватит, я и не беспокоюсь. Начальник придет, зарплату пришлют. Присылают нам все на его имя. Подождал бы с недельку, а? Тогда достали бы...

— Ты что? Я и так тут торчу неделю. Мои ребята, может, уже в Магадане. А мне бы до Петропавловска добраться. Правда, там у меня кореша. Там я как дома.

— Там иди к нам в экспедицию, устроят в общаге.

— Мне денег надо раздобыть!

Он порылся в карманах куртки, нашел два смятых рубля и мелочь:

— Держи, может пригодится.

Рублевки я взял, мелочь ему оставил:

— Спасибо. А мелочь на хлеб сохрани. Без хлеба-то как?

— И то, — согласился Вася.

Хороший мы вечер провели. И печальный. Не хотелось ему со мной расставаться — все-таки живая душа в доме. (А так с завтрашнего утра — без друзей, без знакомых, без денег, без кино. Полное одиночество в густонаселенном поселке.)

А у меня на душе кошки скребут, тоска вселенская, и хоть бы одна перспектива маячила на горизонте.

— В жизни самое главное — спокойствие и питание, — напутствовал меня утром Вася в дорогу.

Он достал где-то старый потертый портфель, я положил туда брезентовый мешок кускового сахара килограмма на три с половиной, две пачки чая, банку тушенки, хлеба, пачку галет и термос с чаем.

— Так не забудь, сразу к нам в общагу!

— Да ладно... не пропаду.

За двадцать пять копеек меня перевез рейсовый катер на ту сторону залива, и кассир речного вокзала, глядя с любопытством на мою бороду, загорелую черную физиономию и немисливо грязную штормовку, участливо спросила:

— Вам в какой класс билет — первый, второй, третий? Соскучились небось в поле по комфорту?

— Ни в коем случае. Так привык к тундре, что не могу отвыкнуть от комфорта полевой жизни. Мне, пожалуйста, палубный билет — люблю свежий воздух.

Палубный был самым дешевым, и в итоге у меня в кармане еще оставался рубль с мелочью. Жить можно.

Теплоход стоял на рейде. Я сразу узнал его — это был «Петропавловск», на нем мы прибыли в самом начале сезона. Вокруг резвились нерпы, — значит, красная рыба все еще шла в реки Камчатки. Кто-то попробовал сосчитать нерп — занятие безнадежное, их оказалось больше сотни. Сколько же рыбы там, в глубине, если этой прорве хватает на пропитание. Маленькую бы сеточку сейчас да в устье речушки — на весь паром с пассажирами и командой и на обед и на ужин хватило бы!

Осень, солнце светит вовсю, и на самой верхней площадке, у антенн и трубы, где я устроился, даже заго-

рать можно. Море спокойно. На горизонте резвятся ко-
сатки — выпрыгивают из воды.

В первый день я съел консервы, хлеб и выпил два
термоса чаю — морской воздух способствует аппетиту.
Остался у меня чай и три килограмма сахара. Продер-
жусь — ведь завтра к концу дня рейс должен закон-
читься.

Солнце давно утонуло в море, похолодало, пора по-
думать о ночлеге: лежать на ветру, положив под голову
портфель с сахаром, и смотреть на звезды — занятие
для юных романтиков, праздных покорителей севера,
любителей экзотики, а я не любитель, я «профи», я
люблю, чтобы тепло и не дуло. Значит, надо спускаться
вниз, к теплым каютам и благам цивилизации.

Расположение кают и палубных помещений я хоро-
шо знал по первому рейсу и, минуя бар, направился в
библиотеку. Здесь играла тихая музыка, пассажиры
лениво перелистывали старые подшивки газет, в закры-
тых шкафах под стеклом томились книги, за столиком
рядом с неработающим телевизором столпились бо-
лельщики — шла игра в шахматы на высадку.

«Вот тут бы не мешало задержаться», — подумал я и
занял очередь. Больше всего меня, конечно, привлека-
ла возможность посидеть в одном из мягких кожаных
кресел, занятых шахматистами.

Держался я около часа, пока очередной претендент
на шахматную корону не вышиб меня из уютного крес-
ла в наказание за авантурный розыгрыш королевского
гамбита.

— Так давно уже не играют, — упрекнул он меня за
некорректную жертву и вскоре наказал.

Я вздохнул и, освободив место, снова занял оче-
редь.

Вскоре пришла библиотекарша и объявила, что пора
расходиться. Она была вежлива, дождалась, пока шах-
матисты согласились на ничью, затем выключила свет,
вышла первой и стала ждать, пока остальные посети-
тели покинут помещение.

Я прижался к стене между диваном и книжным шка-
фом со стороны стеклянной двери библиотеки: этот
угол не просматривался, да и свет был выключен, но
все же старался стоять тихо и не дышать.

Когда вышел последний пассажир, библиотекарь

прикрыла стеклянные двери, щелкнула замком, и я ос-
тался в полном одиночестве.

Библиотека закрывалась в двадцать два ноль-ноль, —
значит, сейчас уже где-то половина одиннадцатого ве-
чера. Можно устроиться на ночлег, сюда больше ни-
кто не придет до утра.

Я снял ботинки, поставил их под шахматный столик
вместе с портфелем, вытянулся на кожаном диване и
закрыв глаза. Нет, что ни говори, а жизнь прекрасна.
Тем более что на сон грядущий можно позволить одну
крышечку чая из термоса.

Утром я первым делом задернул занавеси — они бы-
ли с внутренней стороны и закрывали стеклянные две-
ри. Теперь можно было относительно спокойно разгу-
ливать по библиотеке и обдумывать ситуацию. Библио-
тека открывалась в двенадцать дня, а если выходной,
как выбраться?

Интересно, спасается ли библиотека во время ко-
раблекрушения?

Случись что — уйду на дно вместе с книгами. Не
обидно, если с дефицитными. Кстати, надо посмотреть...

Я начал изучать корешки книг. Дефицитной литера-
туры не было. И по геологии тоже ни одной. Ясно, что
спасать книги и меня с ними никто сюда по тревоге не
кинется. Обидно...

Первый робкий луч солнца скользнул в иллюмина-
тор. И тут меня осенило: иллюминатор. Вот оно, спасе-
ние!

На первом иллюминаторе винты не поддавались, на
втором удалось отвинтить только один. С третьим по-
везло — очевидно, тут открывался только один иллюми-
натор. Он выходил на первую палубу — на нос, по ходу
судна. Но, чтобы вылезти, пришлось подставить кресло.

На палубе никого не было. Сначала я аккуратно вы-
ставил в иллюминатор портфель. Затем снял штормовку
и пиджак. Все это скатал и отправил вслед за портфе-
лем. Потом подумал и туда же отправил свитер.

«Пролезу или нет?»

Так, голова пролезла. Теперь плечо, хотя бы одну
руку. Не получается. Меняем комбинацию — сначала
руку, затем голову, идет! С трудом протиснувшись, я вы-

валился из иллюминатора на портфель и одежду. Как я был благодарен тогда начальнику отряда Иванову за то, что он гонял нас в поле, не давал сидеть без дела, за то, что превратил нас в стройных, изящных скелетов. И что удивительно — не голодали мы в поле, а совсем наоборот, бывали дни на зависть иному гурману. И все-таки удалось за лето растрясти все зимние кабинетные накопления, спасибо начальнику.

С верхней палубы до площадки возле трубы — один трап, вернее, верхняя металлическая лестница наверх. Там я устроился до первых лучей солнца. Термос был еще тяжеловат — половина сохранилась, стакана два. Сахар и чай — и можно дышать свежим воздухом. Хлеба, жаль, нету. Надо было галет с собой прихватить.

Морская свежесть и утренняя прохлада не дали долго задерживаться на верхней палубе, и, когда запасы чая в термосе иссякли, я ринулся вниз.

Ресторан уже открылся. Народ на завтрак не спешил. Я лениво просмотрел меню и протянул официантке термос:

— Мне бы кипятку и немного свежего хлеба. Друг в каюте страдает, не может подняться.

— Кипяток не выдаем, только чай.

«Пять стаканов по три копейки — пятнадцать», — подумал я и протянул ей термос.

Она ушла на кухню и вскоре вернулась. Я положил двадцать копеек, сгреб со стола хлеб и, по возможности достойно, не спеша покинул уютный зал ресторана.

Я устроился у трубы, но ветер сменился, и из вытяжных иллюминаторов кухни повеяло запахами приготовляемого обеда. Съев весь хлеб и выпив чаю с неизменно большим количеством сахара, призадумался о перспективах и снова пошел в тепло судовых коридоров, мелочь брэнчала в кармане штормовки — это обнадеживало.

Библиотека закрыта, вчерашние шахматисты досматривали утренние сны, а внутрисудовое радио откашлялось и хрипело.

Я ничего не смог разобрать, сел на скамейку в «месте для курения», и тут громко и отчетливо раздалось:

— Товарищи пассажиры! Наш рейс идет в Петропавловск-Камчатский с заходом на Командорские остро-

ва. Товарищи пассажиры! Наш рейс в Петропавловск последний в эту навигацию, и мы должны зайти на Командоры. Товарищи пассажиры...

Вот почему сменился ветер, когда я пил чай у трубы. Вместо юга мы пошли на юго-восток. К ночи как раз и доберемся...

Ничего не поделаешь, надо убивать время. Пойти посмотреть, как состоятельные пассажиры развлекаются?

Бар был открыт. Но ни одной бутылки не было на стойке. Все выпито, знать, в рейсе на север. На обратный путь не хватило, и бар превратили в заурядный буфет с теплым кофе и жареной камбалой. На камбалу, конечно, хватит, да мелочь надо беречь. На всякий случай. Буфетчик скучал. А ведь совсем недавно, два с лишним месяца назад, вертелся он за стойкой, не продохнуть ему было! Колдовал он над коктейлями мастерски, жалоб не было, разве что на цены, да и то не вслух, а так — бурчание, про себя в основном.

Буфетчик — добрый малый, сходил для меня за кипятком, принес термос, я высыпал туда чаю — на вечер. А сейчас только культурные развлечения могут отвлечь от гастрономической ностальгии, но ни в коем случае прогулки на свежем воздухе! Пора в библиотеку.

Там все было в порядке. Иллюминатор задрен, кресло отодвинуто. Играла тихая музыка, тихо разворачивались шахматные баталии, кипели молчаливые страсти.

Мне сразу же достался напарник, который выиграл у меня в прошлый раз. Про себя я окрестил его «вышибалой». Но на этот раз мне удалось свести партию вничью, а по законам «блиц» и «на высадку» при ничьей проигрывает тот, кто играл белыми. У меня были черные. Вышибала неохотно уступил место следующему, дальше шли любители послабее, я задержался за доской надолго, пока не потерял бдительность и не зевнул в эндшпиле коня. Обидно.

...Сумерки плотнели. Высыпали первые звезды. Море успокоилось. Рассчитывать на ночлег в библиотеке после кресла со следами геологических подошв (и открытого иллюминатора) было нечего. Наверх, на палубу, к трубе, к ужину с чаем и сахаром!

На рейде Никольского бросили якорь в полночь. Загглись прожектора. Пассажиры не спали. Они высыпа-

ли на палубу наблюдать за погрузкой. Подходили катера и баркасы с островитянами. И опять тут был разношерстный люд — экспедиционники (их за версту видно); нагруженные вещами семьи (эти уезжают с острова насовсем); несколько командированных (их легко различить по маленьким чемоданчикам, легким баулам, плоским ящикам «атташе-кейс»); группа корейцев (маленькие бочки с рыбой, а может, икрой и полосатые матрасы, аккуратно скатанные); группа школьников (эти в интернат Петропавловска, десятилетки на острове нет); моряки (это портовый надзор, они вернутся на остров, с нами не поедут) и еще разные люди.

Людей и груз поднимали на пароход в сетках — смех, гвалт, восторг. Дело затянулось до утра. Погрузка закончилась, но, очевидно, ждали какое-то начальство.

Утром пришел маленький катерок, на борт поднялась группа людей и направилась в сопровождении вахтенного в капитанскую каюту. Катерок их ждал. Через час четверо из этой компании опустились в сетке на палубу катерка.

Затих трезвон сигналов, все команды были выполнены быстро, и судно тихо снялось с якоря, взяв курс на юг.

«Ну, что ж, завтра к утру будем дома...» Жаль, чай в термосе кончился. И ночь без сна — на ногах. Надо бы где-нибудь покемарить.

На завтрак все пассажиры дружно ринулись в буфет и ресторан, стремясь обогнать друг друга. Даже очередь возникла. На нижней палубе у кают третьего класса в коридоре стояли два бесхозных кресла, быстро оккупировал их, устроил хорошее мягкое лежбище, накрылся штормовкой и задремал. Есть не хотелось, хотелось спать.

Меня никто не трогал, место занято — таков закон палубной жизни.

Полдня ворочался в мягких креслах — постель оказалась неудобной, постоянно просыпался от шума, от беготни, от скрюченности. Все-таки немного отлежался, пора и честь знать, пора на прогулку. Если кресла займут, — значит, не судьба.

Повторив вчерашний эксперимент с барменом в буфете, я с полным термосом поднялся на верхнюю палубу.

На моем месте возле трубы раскинул матрас пожитой кореец. Он сидел облокотившись на бочонок. На бочонке был хлеб, вяленая рыба и термос, из которого он наливал что-то в крышечку термоса. По цвету это был не чай, скорее настойка из трав. Ел он не спеша, печально поглядывая то на горизонт, то на бурлящую струю из-под кормы.

Наверное, в моем взгляде он поймал недоумение старожилы этих мест — места у трубы право первого палубника, но закон палубной жизни суров — кто занял место, тот и живет. Кореец не знал этого, он подвинулся, показал рукой на матрас, пригласил сесть. Я сел. Достал термос, налил чай — протянул. Он кивнул в знак благодарности, взял чай и кусок сахара, мне протянул свою крышечку, показал рукой на бочку. — нехитрая снедь, а ничего сейчас нет дороже, да и вряд ли будет.

В его термосе действительно была настойка из трав. Рыба оказалась вкусной. Он порылся в мешке и выложил две пригоршни каких-то трав — к рыбе. Был и кусок черствого хлеба. Мы все это съели.

Он молчал, я тоже, но говорить нам не надо было, и не в том дело, что не о чем, говорить всегда есть о чем, а просто и так все понятно: оба в дороге, оба кто-то там оставили, за горизонтом, оба к чему-то стремятся, туда, за горизонт, оба в печали, а делиться последним и помогать — это первое правило человека.

Я оставил портфель, термос в знак того, что вернусь, и увидел пристальные глаза корейца, в них не было равнодушия, и я понял, он хочет, чтобы я вернулся.

— ...Вот, — вернулся я. — Сегодня не приедем.

— Почему? — встрепетулся он и посмотрел на меня с тревогой и надеждой. — Почему?

Он хорошо говорил по-русски.

— Будем ночь стоять на рейде. Петропавловск не принимает. Не готов причал. Много пароходов. К утру только наш причал освободят. Мы вне плана. Мы заходили на Командоры. Причал пустовать не будет. Много пароходов. Пустой причал — деньги на ветер. Плохо.

Я старался возможно внятно объяснить ситуацию.

— Ночевать будем, только утром в город.

«Черт возьми,— подумал я.— Сколько же ночей прошло, сколько тянется этот рейс? Ночь в библиотеке, ночь на ногах, день в креслах, ночь сейчас. Четверо суток на чае с сахаром. Да, кстати...»

— Я за чаем,— объяснил корейцу и взял термос.

Еле успел, все уже закрывалось. Когда вернулся, старик кореец выложил на бочку остатки вяленой рыбы, кусочек хлеба. Я поставил термос, достал сахар. И тут только обратил внимание, что матрас был застелен байковым одеялом, застелен на двоих.

Мы поужинали, накрылись одним одеялом и пытались заснуть. Я долго смотрел на ясные тихие звезды, пароход немного покачивало — он стоял на рейде, и вдалеке были видны веселые огоньки большого веселого города.

Утром проснулись от холода. Дул сильный ветер, пароход входил в бухту.

Мы допили чай, но было холодно. Старик достал маленькую бутылочку, разлил в крышечки от термосов, сначала немного, а потом разлил все поровну. Стало теплее. Он разделил остатки настойки на травах, я оставил ему свой магаданский адрес («Заходите при случае, обязательно»), и мы начали собираться.

К трапу никто не спешил, да и не все ли равно когда сходить на берег, если на берегу все еще спят.

Но корейца встречали, он засуетился. Его тяжелую бочку тащил я, он нес матрас, мешок и мой портфель с термосом и остатками сахара.

Бочку я оставил на причале, он вернул мне портфель, показал на своих встречающих, благодарил, и я благодарно пожал ему руку и пошел в гору.

В кармане бренчала мелочь.

«Надо же, еще осталось».

Я позвонил в квартиру нашего приятеля. Открыл Иванов. Он ничуть не удивился.

— Мы следили за рейсом. Ребят я отправил, а сам жду тебя. Раздевайся, сейчас чай приготовлю.

— Не надо. Чего посущественней бы.

Он пошел на кухню, загремел кастрюлями и сковородками.

— Ну, рассказывай.

Я рассказал все как было.

— Вот и дурак,— резюмировал Иванов.— Не знаешь, что ли, здешних правил. Отдал бы пассажирскому помощнику свои документы, он выдал бы тебе в залог роскошную каюту и займы бы дал, а в Петропавловске вернул бы ты ему все. Мы так в прошлом году делали, и семь человек нас было, а ты один. Эх! И на чай бы хватило, и на все другое с видом на открытый океан.

Вот и пишу все это в назидание скромным одиноким путешественникам. Только о корейце жалею, до сих пор не встретились. Да и с чаем у меня нелады — до сих пор на сахар смотреть спокойно не могу. Если и дальше так будет продолжаться, перейду на крепкий кофе без сахара...

Перегон лошадей к устью реки Убиенки

Повесть

Жизнь там — собачья жизнь.
Но работа достойна настоящего
человека.

Роберт Пири

Глава первая

Вчера на основную базу полевой партии наконец вернулись все — два отряда поисковиков и два отряда промывальщиков, всего девять человек. Два каюра и завхоз давно ожидали на базе, постарались от души — приготовили баню, брагу, отменный ужин.

Сегодня разомлевшие от обильного обеда и неожиданно появившегося солнышка полевики лежали возле палатки-столовой, предавались неге, вожделенному ничегонеделанию, курили и мечтали вслух об окончании сезона.

Начальник партии появился из-за палатки, ведя за уздечку коня. Конь был белой масти с огромными вздутыми боками: казалось, внутри спрятана бочка.

— Интеллигенты, шаг вперед! — скомандовал начальник.

Все лежали.

— Так вот, — продолжал начальник. В руке он держал выструганную палку, она ему заменяла указку. Палкой он показал на коня. — Этого зверя зовут конь — сиречь, лошадь. По-латыни еквуус, по-нашему Богатырь. Буцефал, одним словом. Это грива, — он показал указкой. — Это хвост. Ест практически все. Таких одров разной мощности у нас шесть. Завтра их надо построить, навьючить и не спеша гнать к устью реки Убиенки. Есть добровольцы?

Все молчали.

— К старшему геологу партии, радисту и начальнику промыва мой вопрос не относится. Один из каюров — Коля — тоже остается, он переводится рабочим на шурфовочную линию, каюрил Коля хорошо и в остатки сезона надо дать ему заработать. Согласны?

Все молча согласились.

— Я понял, — встал Аникей Марков. — Мне, как младшему технику-геологу, сам бог велел. Тем более съемку отряд закончил.

— Правильно, — сказал начальник партии. — В прилачу тебе каюр Афанасьич. Со стариком скучно не будет. Устраивает?

— С Афанасьичем не соскучишься... — согласился Марков.

— А тебя, Афанасьич, устраивает новый начальник?

— С Никеем-то я хоть до Магадана, — ответил старик.

— Ну вот, и проблема совместимости решена, — почему-то, вздохнул начальник. — Давайте, ребята, готовьте личные вещи, пишите письма, собирайте материал.

Аникей с начальником ушли в палатку. Там уже были начальник партии, старший геолог и начальник сводного отряда промывальщиков. Начальник партии объяснял:

— Нам осталась вот эта часть планшета. Обрабатываем на лодках. Лабазы там оборудованы. Лошади практически не нужны. Осень, как видите, в этом году ранняя. Получено плохое метео на конец месяца. К устью Убиенки, Ник, надо торопиться — туда все партии подгонят лошадей и там их будут дожидаться баржи. Долго стоять они не могут — пойдет шуга и река станет. Вот если не дойдешь, тогда вместе с лошадьми будешь зимовать. Понял?

Аникей кивнул.

— На этот случай есть второй вариант — гнать коней по снегу в верховья Южной Озвереевки. Ну и названия, черт возьми! Кто их давал?!

— Наш брат и давал, — усмехнулся Аникей.

— Там перевалбаза совхоза. Договорись оставить лошадей у них, до весны. Но это нежелательно — совхоз слупит с экспедиции такие денюжки, что нас всех лишат премиальных. Понял? Да и сам оттуда выберешься только после Нового года.

Марков кивнул.

— Вот карты на маршрут. Вот чистые бланки доверенностей на расчеты с разными организациями. Денег не жалея, — их и выделяют на то, чтобы тратить, иначе что останется, с нас спишут и на будущий год не дадут.

— Ясно.

— На коней мы взвалим весь лишний груз, весь до иголки. Понимаешь?

— Нет.

— За один раз вертолет нас не вывезет со всеми бебехами. Вот мы тебе лишнее и отдаем, чтобы нас вывезли за один рейс. Так, что еще? Да, даем карабин, ружье не в счет. Пистолет возьмешь у него, — он кивнул в сторону старшего геолога. — Документы есть, картбланши. А вот этот пакет лично начальнику экспедиции, когда вернешься в город. Носи при себе. Даже спи с ним, понял?

— Понял. Никогда еще не спал с пакетом.

— Вот... вроде все... давайте собираться.

Марков был рад, что задание выпало на него. Лето он поработал хорошо, был доволен летом, а перегон лошадей давал ему возможность вернуться раньше всех в город.

Оба поисковых отряда партии обнаружили странный участок аномалии. Надо бы, конечно, документы отправить в экспедицию, не дожидаясь окончания полевого сезона. Но как отправить, если с апреля по сентябрь ни один борт не приземлялся у них на базе специально.

Марков знал, что с получением пакета к ним сразу же отправят вертолет. Но к чему предварять события? Пакет надо еще доставить.

И насчет премии начальник волновался зря. Премию отвалят — и какую! Все учтут — и хорошую съемку, и энтузиазм.

Глава вторая

Рано выйти не удалось, сборы затянулись. За обедом завхоз партии поставил всем по кружке браги, сваренной в полиэтиленовом мешке из-под аммонита, бочек на базе не было. На дне мешка оставалось немного после вчерашнего — хватило всем еще по одной.

— Вспоминайте, не забыли ли чего, — сказал начальник.

И они пошли в палатку. Там он достал маленький чемоданчик с документами и вытащил из него бутылку спирта.

— НЗ, — сказал он. — На прощание.

Аникей сходил за стаканами и водой. Закусывали

слипшейся карамелью — недавно ящик с конфетами был залит водой.

— Почту лучше всего сдать в селе, вы же будете проходить через Ольховку. Туда раз в неделю бывает вертолет — все быстрее, чем пешком.

Аникей кивнул.

Все вышли из палатки.

— Вот смотри, — показал начальник на гряды высоких сопок. — Зона вертикального распространения растительности. Так? Гляди выше. Пусто. Правильно, гольцы. А сами гольцы?

Все вершины сопок были в снегу. Светило холодное ясное осеннее солнце. Сопки блестели, как полированные.

— Погода хорошая, — продолжал начальник. — Но этот снег на горах уже не растает. И при дожде вершины будут на льду. Хорошо, что нам остались работы в долинах... Да... тебе повезло — ты идешь на юг...

— Перевалы еще будут открыты, — сказал Аникей.

— Да. Надо торопиться. Ты будешь уходить от снега, но наткаться на дождь. Главное, торопись... Идем ко мне в палатку, еще по одной.

— Идем.

— Да, — сказал начальник, посасывая конфетку, — проверь колокольчики.

— А мы их все поле с лошадью не снимали.

— Вот именно. Потому и проверь. Не перетерлись ли ремешки. Теперь это твое хозяйство.

Провожать их на берег реки вышла вся партия. Тяжело навьюченный караван по мелководью медленно перешел на другой берег — Богатырь, Тайга, Матрос, Орлик, Серый и Чайка. Аникей остановился, оглянулся, с берега махали. Он снял карабин и выстрелил. С базы вверх взлетела ракета и погасла в ясном солнечном небе.

— Ну, вот и все. Трогай, Афанасьич!

Мерно зазвенели колокольчики.

Аникей Марков знал, что ребята будут стоять на том берегу до тех пор, пока последняя в связке лошадь не скроется в зарослях. Потом начальник партии уйдет в палатку, запишет в журнале число и время выхо-

да каравана и на очередном сеансе радиосвязи передаст о выходе группы в город. Больше о караване партия знать ничего не будет до самого возвращения Аникея в город.

«Начальнику тоже трудно», — подумал Аникей.

Колокольчики звенели.

Решено было идти до самого вечера, без чаевок, тем более что половина дня потеряна на базе.

Вперед шел Аникей, вел на длинном поводу Богатыря, колонну замыкала Чайка, а следом за ней плелся Афанасьич. В его задачу входило следить за всеми лошадьми, вот почему он шел сзади. Аникей прокладывал маршрут.

Пока в лес не углублялись, шли по плесам, по воде — река тут мелкая. Затем свернули в распадок, пошли вверх по ручью. Места, по которым шел караван и где вообще работала партия, были самыми райскими на Чукотке. Здесь, в Приполярье, росла красная смородина, жимолость, княженика, голубика, брусника, шикша. Здесь росли даже материковские деревья, не говоря о кустарниках, а цветы и травы были столь разнообразны, что геологи жалели об отсутствии в партии ботанического определителя.

«Курорт бы тут устроить, — думал Аникей. — А еще лучше заповедник».

Он горько усмехнулся. Какой же там заповедник, если завтра грянет такой взрыв — от сопки на ручье ничего не останется.

Сколько бы ни работал в тайге и тундре Аникей Марков, он не переставал удивляться всегдашней красоте этой земли во все переменчивые времена года.

У чукотских цветов он не замечал длительной поры осеннего увядания. Они гибли как-то сразу, вдруг. Только листья на деревьях и кустарниках долго желтели или превращались в оранжево-красные.

«Через несколько дней этой красоты не будет, — думал он. — Вот если б сохранить букет поздних цветов... то-то удивились бы в городе... ерунда какая-то лезет в голову от одиночества... гм... а почему ерунда?»

Он думал о том, что тюльпаны и астры любят сахар, а хризантемы и розы обожают аспирин. Впрочем, если хризантеме дать в воду много сахара, она тоже выдержит две недели. А камелии — той соли подавай.

Гвоздика холодной воды не любит. Она любит тепловатую воду с небольшой добавкой борной кислоты. А орхидей? Этим на ночь надо целиком в холодную воду. Нежные, а холода не боятся. Почему же ничего человек не придумал для тундровых и таяжных цветов? Наверное, потому, что не было у него необходимости их сохранять, никогда тут цветов не рвали. Жили среди них, любовались, а сорвать в голову не приходило.

Аникей вспомнил, как он был в Хабаровске. По сравнению с Чукоткой, где Аникей всегда жил, дальневосточный Хабаровск был глубоким югом. На другой день приезда, как истинный северянин, он пошел на базар и собрал посылку из ранних овощей — редиски, огурцов, черемши. Все это забил в ящик и отправил жене на Чукотку.

Прошло время, и он получил письмо. «Дорогой Ник, спасибо за ландыши. Вот уже третий день совсем свежие они стоят у меня в стакане с водой. На улице снег, и никто не верит, что цветы пришли в посылке...»

«Какие ландыши?» — оторопел Аникей. Посылку он отправил давно, и письмо шло долго, и он не помнил ни о каких цветах.

Тогда он начал последовательно восстанавливать в памяти, как он отправлял овощи. И тут его осенило. Упаковывал ящик он в номере. Аккуратно завернул все овощи в газету. Затем сверху положил много черемши. И только приготовился забивать крышку, как взгляд его остановился на букете ландышей на журнальном столике. Он вытащил букет и, страхнув воду, бросил в ящик сверху, просто так, как привет. И забил крышку.

«Все дело в черемше, — решил Аникей. — Это же дикий чеснок. Фетонциды черемши законсервировали ландыши. Не дали им погибнуть. Надо бы рассказать ботаникам... Это же открытие, хоть и случайное... Впрочем, мое ли?! Жена тоже причастна к авторству. Если б не она, вряд ли я послал бы ящик на Чукотку... Вот он, его величество случай».

Здесь, на Чукотке, по берегам рек рос дикий лук. «Нажимай на витамины», — говаривал начальник партии. И ребята нажимали. Сейчас осень, и время лука прошло. Остались только листья красной смородины, которыми хорошо заправлять чай.

Тихо звенели колокольчики. Лошади тяжело шли вверх по ручью. Подошел Афанасьич.

— Где чаюем? — спросил он.

— Нигде, — засмеялся Аникей.

— Чего так?

— Будем идти до заката. Не бойся, это скоро. Вот поднимемся наверх; видишь, перевал. Затем спустимся — тут смотри в оба, это потрудней.

— Знамо дело.

— Там хорошая долина, судя по карте. Песчаный остров на реке, а справа — терраса.

— На острове зайчишки, — сказал Афанасьич.

— Правильно, — засмеялся Аникей. Он знал страсть каюра. — Но я о том, что на террасе хорошо пасти коней. Вот там лошадушки ночь и попасутся.

— И то, — понял Афанасьич и пошел вниз, к Чайке.

Караван поднимался к перевалу.

Глава третья

К концу третьего дня пути они выбрали хорошее место для стоянки, быстро развьючили лошадей, Афанасьич их стреножил и отправил пастись. Лошади были недалеко на низменном берегу, поросшем густой травой. Мерно позвякивали колокольчики, изредка раздавался всхрап — лошади вздыхали как люди.

— Устают кони, — сказал Афанасьич. Он жалел лошадей.

— Еще бы, столько груза...

— Это на орловского рысака можно взваливать сколь хошь, а наши-то — скелеты.

— Овес пока будем беречь, — сказал Аникей.

— Я не про то... жалко животину... все поле упираюсь.

— В поле было легче.

— Конечно, легче, я и говорю, что легче.

— Давай палатку ставить, пока светло.

Место они выбрали для палатки у самой воды, на сухом галечнике.

— Я зайчишек попромышляю? — спросил Афанасьич.

— Давай! Ужин я сварганю, — разрешил Аникей.

Афанасьич взял ружье и ушел вниз по реке на косу.

Аникей развел костер, поставил чайник и только потом принялся за банки. Вечером они всегда готовили суп. Днем обходились консервами и чаем.

Вернулся Афанасьич примерно через час. Выстрелов Аникей не слышал, а потому не посмотрел в его сторону. Старик присел у костра, вздохнул и сплюнул. Третий день он приходил ни с чем.

— ...Афанасьич выбегает, прямо в зайчика стреляет, — заводил его Аникей. — Ну, где рагу? Где твой зайц?

— А, — махнул рукой дед, — все равно он рыбой пахнет!

— Ну? — расхохотался Аникей.

— Завтра поутру они у меня попляшут! Она сколь следов!

— А рыба? Рыба где? — не унимался Аникей. — Она небось зайчиатиной пахнет?

— Куропачей надо посмотреть... — вяло обронил каюр.

— Ладно уж, давай ешь суп, — протянул Аникей ему чистую миску и ложку. И стал нарезать хлеб.

— Эх-ха-ха. Суп кандей для нас людей, рыба чешуя, и более ничево нет.

— Не ворчи у костра, Афанасьич.

— Да где ж еще и поругаться? На людях нельзя, в маршруте задыхаешься...

— Не плюй в костер, не ругайся у костра, не мочишь в реку... Все это дурные приметы...

— С такой дорогой все приметы плохие.

— Не гневи судьбу, Афанасьич. Хорошая дорога, хорошая. Дальше хуже будет...

— Кони устают.

— Знаю... завтра дашь овса.

Ночь была холодная и тихая. Ни ветерка. Только блики костра на белой палатке, шум реки и позвякивание колокольчиков.

Где-то ухнула ночная птица.

— Смотри-ка, — встрепенулся Афанасьич, — не все еще улетели. Знать, быть еще теплу... птицу не обманешь...

— Как знать, — вздохнул Аникей. — Совсем птиц не видно. Даже куропатки где-то затаились. Они, наверно, на склоне тех сопек, — и он показал в темноту.

Яркие звезды висели низко.

— Быть погоде,— сказал дед.

— Выйдем попозже, пусть лошади отдохнут. Да и ты поохотишься,— сказал Аникей. — Давай спать.

Он первым залез в палатку. Сапоги и портянки сушили у костра. Завтра выходить поздно, можно их не вносить в палатку. У костра утренняя роса с обуви и портянок сойдет быстро. Он разделся, нырнул в спальный мешок, одежду свернул и вместе с пистолетом положил под голову. Пистолет напомнил ему смешной случай.

— Слышь, Афанасьич? Раньше за патроны к пистолету надо было в конце поля нашему начальству отчеты писать — куда и зачем израсходованы.

— А че, так не ясно?

— Ну, так было. И вот Алексеич...

— Наш, что ли?!

— Ну да, лауреат, а тогда он еще простым геологом был, начальником партии... так вот он написал: «Все патроны в поле израсходованы по назначению. Так, однажды ночью в маршруте на меня налетел страшный зверь приземистого вида (заяц)...»

— Опять ты с зайцем?!

— Нет, ей-богу! Вызвали его, сказали, что положено. Но больше никто уже за патроны не отчитывался... Давай ложись, чего куришь? Разлежся на вьюках как медведь в шаломайнике!

Афанасьич, крихтя, полез в палатку. Долго устраивался поудобней.

Тихо шелестела река. Где-то высоко-высоко пролетел самолет.

— И чего летают? — вздохнул дед.

— Не ворчи, спокойной ночи.

От усталости Аникею не спалось. Дед тихо посапывал, а Марков думал о том, что хорошо бы не забыть и по возвращении написать, чтоб деду премию дали, старается он. Да и продукты, какие спишут, ему отнести. Один он, без старухи. Рыб-то небось ребята на базе наловят, надо, чтоб и деда не забыли... Нам нынче не до рыбалки...

В небе опять прогудел самолет.

Марков засыпал. И не загадывал сна. Ни к чему, думал он. После такого маршрута все равно ничего не

приснится. Вот дойду — и поеду на материк. А потом снова сюда вернусь. Быть бы здоровым. И жить в маленьком домике в тайге у реки. И чтобы ночью по всей тайге светились только окна твоей избушки. А сверху бы пролетал самолет...

Утром Афанасьич встал чуть свет, разжег костер, поставил чай. Пересчитал лошадей — их колокольчики были слышны, за ночь они лишь слегка разбрелись, но все были видны в редколесье.

— Никей! Подъем! Чай хлебать!

— Не кричи, зайцев спугнешь,— вылез из палатки Аникей и побежал к реке умываться.

Афанасьич выпил последнюю кружку и стал собираться на охоту.

— Да не торопись ты,— увещевал его Аникей.— Выпей еще кружку. Смотри, благодать-то какая. Только у костра-то и сидеть с чайком-дымком, ни комара, ни гнуса. Вспомни-ка лето.

— Как забыть... помню,— проворчал дед.

Летом мошка так донимала людей и животных, что в партии погиб щенок и жеребенок. Наиболее открытые, уязвимые места лошадей мазали дегтем. А за жеребенком не присмотрели. Щенок — тот погиб сразу, на третий день, сначала даже не поняли от чего. Наверное, для молодых животных гнус губителен.

— Ну, ладно, ни пуха ни пера.

Аникей попил чаю и принялся готовить кашу. В мыслях он был там, в партии, с ребятами. Обрабатывают сейчас самый дальний угол планшета, думал он. Закрывают четвертушку.

Позванивали колокольчики.

— Эх вы...— бормотал он вслух,— скакуны лихие — кони-звери, рысаки-задохлики.

Больше всего опасался Аникей за Богатыря. Он шел медленно, отставал, плохо ел; спотыкался на ровном месте. Совсем не оправдывал свою кличку. Наверное, и в партии он еще был болен. С чего бы тогда так разнесло его живот?

Каждый раз затягивать подругу на нем было целым событием. Аникей упирался ногой в его живот, тянул изо всех сил ремень, конь шатался. Афа-

насыщ тянул второй ремень, вытирал пот и тяжело вздыхал:

— Живодерня по тебе плачет...

Аникей встал, посмотрел в редколесье. Богатырь стоял у дерева как изваяние и не шевелился, смотрел в одну точку.

Тогда Аникей отсыпал в торбу овса, понес лошади. Богатырь ел медленно, вяло шевеля губами. Есть ему не хотелось. Воды в лужах было вдоволь, и поить его Аникей не стал, а вернулся к костру.

Где-то очень далеко прогремел выстрел.

«Ага,— обрадовался Аникей,— дедуля дорвался до зайчатины! Этот не промажет!»

Раздался второй выстрел.

Аникей начал потихоньку собираться, чтобы к приходу каюра все личные вещи были упакованы.

Закончив с рюкзаками и спальными мешками, он принялся за палатку.

«Потом можно будет и порыбачить»,— решил Аникей и отложил в сторону спиннинг.

Что-то тревожное вдруг почудилось Аникею в беспорядочном тарахтенье колокольчиков. Он выскочил на берег и увидел, как стреноженные лошади, неуклюже прыгая, в панике покидали место, где недавно паслись. На освещенной ярким солнцем лужайке остались только Матрос. Но вот и он поднял связанные передние ноги, сделал один прыжок, потом второй. И тут Аникей увидел, как из лесу стремительно выскочил большой черный зверь, на полном ходу пересек лужайку, налетел на Матроса и, не останавливаясь, скрылся в зарослях.

Аникей бросился к карабину, передернул затвор и, пустив вслед медведю две пули, понял, что поздно. Он побежал к лошади.

С другой стороны лужайки к Аникею бежал Афанасьич.

— Вот... — только и сказал Аникей.

Афанасьич бросил двух зайцев, положил рядом с ними ружье, опустился на корточки перед лошадыю.

— Позвоночник... перебил... — сказал он.

Аникей молчал, еще как следует не постигнув смысл случившегося. Он смотрел на умирающее животное.

— Такой сильный конь был,— сказал дед.— Самый лучший.

Аникей все еще не мог прийти в себя. Потом опомнился:

— Он испугался твоих выстрелов. Мчался как сумасшедший. Я видел. Ты по медведю стрелял?

— Зачем? У меня и жаканов нет. Я по зайцам.

— Значит, он был где-то рядом и испугался.

— Верно так... что делать-то?

Аникей отвернулся. Потом тихо сказал:

— Добей. Чего ему мучаться,— и расстегнул кобуру.

— Да что из твоей пугалки-то? — вдруг закричал каюр и вырвал у него карабин.

Аникей пошел к реке.

Раздалось два выстрела.

Аникей сидел у костра и курил. Подошел дед.

— Колокольчик снял? — спросил Аникей.

— Забыл.

— Сними.

Дед ушел к лошади.

— Вот ведь как бывает, а? Вот ведь как бывает, — твердил Аникей.

— Все,— сказал дед.

Они молча сидели у костра.

— Медведи... альбо птицы растащат... — промолвил дед.

— Альбо птицы,— повторил Аникей. Он вздохнул.

Они снова закурили.

— Надо перепаковывать груз. Собирай лошадей, Афанасьич.

Лошади и без того сбились кучей и стояли недалеко от костра.

— Дай лошадям овса, все меньше тащить. И вьюки Матроса давай перераспределим. Побольше на Тайгу и Серого. Богатырь совсем не тянет, Орлик старенький. Чайке можно добавить тоже, а?

— Можно,— согласился каюр.

Через час они отправились дальше, на юг.

Происшествие удручило Аникея, Афанасьич пытался подойти к нему, разговорить, но Аникей молчал и беспрестанно курил, чего никогда не позволял себе в маршруте, на ходу.

Караван шел медленно из-за Богатыря.

— Совсем он у нас ослаб,— сказал дед.

— Он болен. Вот от чего?

— Он и в поле был невеселый. А сейчас совсем... эх! Купили у цыгана лошадь,— начал дед.

— Да ладно тебе,— махнул рукой Аникей и пошел вперед.

В поле Богатырь отличался тихим характером, но тяга к воровству и непривередливость к пище у него, очевидно, были врожденными. Он ел вяленую рыбу, консервированный борщ, мог съесть живую полевку, однажды добрался до только что обсмоленной на костре утки — и от нее осталось крылышко, неожиданно съел промасленную ветошь, выпил ведро компоту, который охлаждался в ручье, а ящики с крупами и мешки с макаронами от него накрывались двойным брезентом. Это было стихийное бедствие, а не Богатырь.

— Оттого он такой здоровый, что ему любое меню по плечу! — говорил начальник партии и призывал геологов следовать примеру коня, есть что придется и не сетовать на периоды разгрузочных дней, которые неизбежно наступят. Начальник партии был реалистом, диалектиком, просто хорошим полевиком, и его прогнозы сбывались.

От неумеренности в пище трудовой энтузиазм Богатыря не возрастал, зато живот распухал на глазах.

— Чрево! — смеялся в поле Аникей, нежно поглаживая коня.

И вот сейчас предмет общих шуток худел на глазах, торчали ребра и выпирал позвоночник, только живот не уменьшался по-прежнему.

Подходил к нему Аникей, шептал чего-то, трепал по холке, но такая невыразимая печаль была в глазах коня, что Аникею хотелось взвалить его тюки на себя.

— Надо проследить, чем он ходит.

— Жидким,— ответил дед.

— Может, отравился?

— Чем?

Действительно, чем? Хотя при его всеядности... Вот у пастухов, вспомнил Аникей, однажды отравилась большая отколовшаяся от стада группа оленей. Олени наткнулись на какую-то траву на берегу океана. Выяснилось — обыкновенная пушица, от которой никогда олени не травятся... Так и осталось загадкой.

Дважды в течение дня Богатырь падал. Снимали вьюки с него, давали отлежаться. Овес он не ел.

После дневной чаевки решено было разгрузить Богатыря — пусть до вечера идет пустым. С рассортировкой поклажи возились долго. Наконец тронулись. Лошади, как прежде, шли тяжело, и Богатырь плелся сзади.

«Эх ты, сивка-бурка вещая каурка,— думал Аникей,— где ж тебя сглазили?»

Перед заходом солнца, не дотянув часа до намеченной стоянки, лег Богатырь в третий раз, уже без поклажи.

— Все,— сказал Марков,— дальше не пойдем. Тут станем.

Место было неудобное: сырое и до реки далеко.

— Пусть он тут лежит,— сказал Афанасьич. — Поставим палатку на взгорке, там суше. А воду в болоте возьмем.

Коней развьючили рядом с Богатырем, дед их тут же спутал, отправил пастись, взвалив на себя спальные мешки, рюкзаки, оружие, дед с Марковым пошли устраиваться на маленькую сопочку.

— К утру оклемается? — спросил Аникей.

— Должон.

— Завтра самый трудный участок. Сплошь по болоту.

Афанасьич принялся за костер. Аникей достал из планшетки карту, долго изучал ее при свете костра.

— Да... кругом болота и кочкарник. Почти весь день. Зато потом день хорошего пути... примерно день... ночевка... — бормотал Аникей. — Слышь! Афанасьич! Нам бы еще два дня хорошего ходу, а там и село недалеко!

— Устал, чай?

— А ты?

— Знамо дело... кони и те устали...

— Лихачи наши... ахал-текинцы... дромадеры проклятые! — ругался Аникей.

— Ты чего серчаешь? — удивился Афанасьич.

— Я просто так... — спохватился Марков. — А ты зайца не трожь! Подожди меня, его на весу надо раздельвать. Понял? На весу!

Он встал и пошел помогать деду.

Потом, пока готовился ужин, Марков сбегал к Богатырю, насыпал ему у морды овса. Но конь лежал и не пытался вставать.

— Болеет? — спросил дед.

— Лежит.

— Смотри-ка, бочка, — постучал в темноте дед.

— Мало, что ли, их в тундре разбросано?

Марков подошел, осветил фонариком.

— Мы сейчас за рамкой... Это не наша территория...

В бочке лабаз, чтоб медведь не раскурочил. Наш брат работал. Смотри — в крышке дырки, затягивали проволокой. Погляди, не осталось ли чего, — засмеялся Аникей.

— Как же, оставят, — ответил дед, но на всякий случай полез рукой, пошарил, Марков ему осветил.

— Давно работали, совсем бочка ржавая.

Было морозно, но отходить от костра и лезть в палатку не хотелось.

— Вот придем в село, — размечтался Афанасьич, — дружок там у меня есть, Петро, механик на электростанции. Баба у него, Магда — во! — и он развел руками. — Кулачищи что твой рюкзак! Берет двух мужиков, сталкивает лбами и отпускает.

— ...и одного отпускает, — засмеялся Аникей.

— И это за ней водилось, — засмеялся дед. — Продавщицей работает. Вот уж погуляем!

— Так навигация только закончилась. Когда к ним завезут? Нет, пожалуй, ничего.

— У Магды всегда есть. Какой ж это продавец, если у ней выпить не найдется?

— Сначала дойти надо.

— И то верно.

Глава четвертая Утром выпал туман. Марков проснулся очень рано — с мыслью о Богатыре. Он не торопился. Осторожно, чтобы не разбудить каюра, вылез из палатки, не спеша обулся, натянул куртку и пошел вниз, туда, где в тумане звенели колокольчики и паслись невидимые лошади.

Как только увидел Богатыря, он понял все. Подошел, долго смотрел на него. Повернулся и пошел к палатке.

Афанасьич уже одевался.

— Ну что?

— Мертв.

Аникей пошел собирать сушняк для костра. Позавтракали остатками зайца и чаем.

Странно, но смерть Богатыря не потрясла Аникея. И не потому, что из памяти не выходил трагический случай с Матросом. С Богатырем все было проще. Аникей был готов к неотвратимости происшедшего. Почему, он не знал. Или верил в парность случаев, или поверил в полосу невезения, которая неожиданно наступила сейчас в поле, в тундре, в тайге — в местах, которые он почитал своим домом. Это его больше всего угнетало, но была удивительно ясной голова, и он был спокоен, и его спокойствие передалось Афанасьичу.

Ни словом не обмолвились о Богатыре за завтраком. Аникей думал. С оставшимися лошадьми и с таким грузом они дальше стоянки не уйдут, — это было ясно обоим.

— Колокольчик сними, — напомнил Аникей.

Каюр встал и молча пошел к лошади.

Раннее солнце потихоньку разгоняло туман. Он плыл над болотами, хлопья его цеплялись за деревья, туман таял, и день будет хорошим.

Аникей смотрел на болото, на стоящих внизу лошадей, на появляющуюся неожиданно черту горизонта, взломанную зубцами далеких гор.

— Афанасьич! Афанасьич! — вдруг закричал он.

— Чего ты? Здесь я.

— Бочка, — сказал Аникей.

— Что?

— Бочка, — повторил он.

Старик молчал. Ждал.

— Все наши образцы, все камни, сколько войдет, мы сложим в бочку. А место координируем. Вертолет всегда может тут подсесть. Только бочку надо поднять вот на эту сопку. Нашу горку зимой снег засыплет.

— Ого куда тащить!

Аникей развернул карту, начал считать горизонтали:

— Великовата... шестьсот метров... ничего... ничего не поделаешь. Затащим. Такое наше дело.

— Уж точно. Каждый зайчик ест свою капустку, — съязвил дед.

— Да ты пойми, Афанасьич, — Аникей заволновался:

неужто каюр важности их дела не понимает? — Пойми, мы ведь им руки развязали, что с конями ушли. Они теперь работу закончить могут, а то бы все коням пастьбу-траву искали.

— Да будет тебе, аль не вижу, что за обчее дело над-рываемся. Куда бочку-то?

— Сначала мы ее закатим на вершину, а потом будем в рюкзаках образцы поднимать.

— Может, еще что там оставим?

— Давай думать... Две больших палатки уложим на дно... сначала.

— Резиновую лодку?

— Нет, лодка нам пригодится. А вот если все образцы не войдут, можно оставить их рядом с бочкой в мешках. Бочка вообще как ориентир, никто там ничего не тронет.

— Хорошо-то! Вот коням облегчение, — обрадовался каюр.

— Топоры, кроме одного... Оба седла — вон они какие тяжеленные... ремни... нет, ремни пригодятся... думай, что еще?

— Да можно насобирать по мелочи, давай развязывать вьюки... Веревки пригодятся — капроновые, крепкие... их возьмем, все мотки... мало ли что.

Они начали складывать в отдельную кучу все, что решили оставить на сопке.

— Никей! А ежели тут с оленями чукчи будут проходить? Они же заберутся на сопку.

— Афанасьич, ты же помнишь, за весь сезон мы встретили две чукотские стоянки. Ты что-нибудь брал из их вещей? Шарил в брезенте, под шкурами?

— Упаси бог!

— Ну вот и за них не беспокойся. Никто ничего не тронет.

— Дак я это просто так... мало ли чего.

— Вот и ничего. Совсем костер погас. Поставь-ка чайку лучше.

Больше половины дня ушло у них на эту работу. Аникей подумал, что можно, конечно, загрузить двух лошадей и, ведя их зигзагами, поднять груз по крутизне наверх, но не хотелось мучить животных перед трудным пе-

реходом по болотам, да и казалось, что вдвоем, в несколько ходок, дело пойдет быстрее.

Вымотались они до предела и у палатки сидели тяжело дыша, как загнанные кони.

— Вот и солнце покатилося за горизонт, — сказал Аникей.

— День пропал.

— Пропал, да не совсем... Километров десять — пятнадцать до ночи пройти еще успеем... Давай, Афанасьич, второго зайца. Один черт, ужинать не придется.

...И потом, когда они покончили то ли с обедом, то ли с ужином, Марков сказал:

— Идти сегодня нет никакого смысла.

Глава пятая

Огромная заболоченная равнина до самых сопок была покрыта чахлыми тонкими лиственницами. Болото держалось на вечной мерзлоте, было неглубоким. Они и лошади проваливались по колена. Пришлось вымокнуть с головы до ног, будто шли под проливным дождем.

Несколько раз валился Орлик. С него снимали вьюки, поднимали, снова грузили, и конь медленно шел, понурив голову.

Падала Тайга. Ее разгружали, уже не заботясь, что вьюки в воде, поднимали, и все повторялось как с Орликом.

Падал и Серый. Только молодая кобыла Чайка держалась, шла осторожно, но и ее поклажа была мокрой, а значит, тяжелой.

Привала здесь негде было сделать, и Аникей Марков был рад, что вчера принял правильное решение не выходить. Неизвестно, чем бы обернулись эти десять километров, которые он хотел пройти до ужина.

Заморосил мелкий дождь.

«Одно к одному», — подумал Марков.

— Давай хоть постоим, — сказал Афанасьич. — Здесь даже сесть негде.

Марков надрубил дерево потолще, сломал его, потом второе, они присели и закурили. Марков вытащил планшет, достал карту.

— Идти еще долго, — вздохнул он. — Достань в рюкзаке сухарей, Афанасьич. Перекусим.

Каюр принес сухарей и кружку.

— Не пей воды, Афанасьич, будет хуже. Потерпи.

— Я немного.

— Лучше не пей... Начнешь — не остановишься.

— Чайку бы...

— Можно, конечно, и здесь соорудить, да долго во- зиться. Давай лучше тронемся. Не пей.

Дед все-таки отпил немного, — сполоснул горло, вы- плюнул воду.

Аникей размышлял над картой.

— Вот тут можно спрямить путь, — сказал он.

— Дорога станет короче, но зато длинней, — заметил дед, хотя и не смотрел на карту.

Марков рассмеялся:

— Откуда знаешь? Это точно... станет длинней. Надо выбирать из этого чертова болота, а то уже ночь скоро.

Они снова тронулись в путь.

И опять падали лошади, только Чайка держалась мо- лодцом, и весь день нудно и уныло, как этот морозящий дождь, перезванивались колокольчики.

...До сопок оставалось километра два, когда послы- шался шум реки.

— Вот... скоро берег... — тяжело дышал Аникей. — Скоро берег... скоро берег.

На небе уже взошла луна. Дождь давно прошел. Бы- ло холодно, но от людей и животных валил пар.

— Идем правильно... — шептал Аникей. — Главное — выйти к реке.

Твердый берег они почувствовали сразу, пошли быст- рей.

И вот уже длинный луч луны перерезал реку.

Вышли на широкую галечную косу, Марков в изне- можении опустился на землю. К нему подошел Афанась- ич, споткнулся и свалился рядом. Они тяжело дышали. Ночь была чистой, ясной, очень светлой при луне и тя- желых звездах.

Марков посмотрел на Афанасьича, и вдруг неудержи- мый приступ хохота овладел им.

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Афанасьич улыбнулся и вдруг тоже начал в голос хохотать.

— Ну... Афанасьич... как ты... ха-ха-ха-ха! сказал... Путь стал короче... но... зато длинней... ха-ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха-ха! — не мог остановиться старик.

— Целый... день... шли... Целый день... целый день... ох-ха-ха!

Дед вытирал слезы руками.

— Ну даешь, Афанасьич!.. ха-ха-ха!.. зато... длин- ней... охх!

Громовое эхо хохота неслось по долине.

«Боже, чего это мы? — опомнился вдруг Марков, ког- да истерика прошла. — Что лошади-то о нас подумают?»

Стал слышен шум реки. Слышен ветерок в тонких вершинах чозений. И непривычно оттого, что молчали колокольчики на шеях лошадей. Лошади спали, стоя под вьюками.

Они встали и молча пошли разгружать лошадей.

Потом натаскали бревен и соорудили громадный кост- тер, будто хотели осветить им всю долину.

Глава шестая

Накануне все вещи были подмоче- ны, и половину ночи пришлось су- шить одежду, палатку, спальные мешки. Проснулись поздно.

— Отдай лошадям весь овес, — сказал Марков, — че- го уж там... И каждой хлеба с солью... остался хлеб?

— Есть еще две буханки.

— Вот и хорошо. Сделай им по приличному бутербро- ду. У нас ведь сухари и галеты должны быть?

— Есть.

— Скоро будем в селе. Там хлеба вдоволь.

На завтрак Марков открыл не две, как обычно, а три банки мясных консервов, банку сгущенного молока из НЗ, сварил больше, чем обычно, рису.

— Давай пировать, Афанасьич!

— Гулять так гулять, — засмеялся дед.

— Погуляем в Ольховке, — успокоил его Аникей. — Теперь уже недалеко.

Они быстро поели и стали собираться.

— Подмораживает, — сказал каюр, — смотри — ле- док... скоро зима.

— Не страшно... дорога у нас до Ольховки хорошая. Смотри, Афанасьич, мы сейчас поднимемся на это плато и вдоль гряды прямехонько по твердой дороге... Только бы они ноги не сбили о камни.

— Дак подкованы.

— Будем идти до самой ночи, ночевать будем в селе.

Это я тебе обещаю. Даже чаевку сделаем днем. Сейчас все должно быть хорошо. Вот только березняк миновать, заросли бы только не встретились.

— В березняке кустов не бывает, — сказал Афанасьич. — Березка любит чистые поляны.

— Ну, тогда совсем хорошо. А то ведь продираться, помнишь, как через чозению — будто в джунглях.

— В стланике еще хуже.

— Стланик будем обходить, он на склонах, а мы понад терраской... Тут на карте даже тропа есть...

— Знать, жилье недалеко.

— В одном дне пешего хода.

Поздно вечером с вершины холма они увидели огоньки деревни, спустились в долину и, петляя вдоль реки под мерный звон колокольцев, вошли не спеша в Ольховку.

Их удивило, что не выскочили собаки навстречу, не облаяли гостей — тихо было в селе, только стучал движок электростанции.

Свет горел на трех столбах — в разных концах Ольховки. Даже ночью было видно, что деревня невелика, что люди здесь скорее отдыхают, а не работают, рабочее их место дальше, во всяком случае, не здесь.

— У тебя, ты говорил, тут знакомые? — спросил Марков. — Давай искать.

— Найдем, — уверенно сказал каюр.

— Давай здесь спросим? — показал Марков на домик с аккуратным крыльцом, с перильцами, с маленьким огороженным двориком. Все окна в домике горели ярко, весело.

Едва они подошли к крыльцу, как дверь распахнулась, на порог вышел человек, а яркий свет из проема двери упал на улицу, на лошадь Афанасьича.

— Ого! Гости! — узрел их хозяин и сбежал с крыльца. — Не из бригады?

И, взглядевшись в лица, разочарованно протянул:

— Не-е-т... геологи?

— Геологи, — ответил Марков. — Давайте знакомиться.

— Кузьмичев я. Николай. Управляющий отделением. Сам неделю как из тундры. Вот, — он развел правой рукой, левая была на перевязи. — Дрова колот. Фалангу

отрубил. На указательном. — И он продемонстрировал руку с перевязанным пальцем, которая висела на свежем бинте, перекинутом через шею. — Тяп — и нету. А?

— Да-а, — ответил Марков.

— Надо пеплом посыпать, — сказал Афанасьич. — Я знаю. — И протянул руку. Кузьмичев ее пожал, потом понял, что дед руку протягивал не для этого. Он поднял ладонь к свету — три обрубка на правой руке.

— Долго будет заживать? — спросил управляющий.

— У кого как, — уклончиво сказал дед. — От питания зависит. Надо, чтоб кровь здоровая была, мясо помогает.

— Вот черт! — спохватился Кузьмичев. — Стоим-то чего? Давайте устраиваться — а на ужин ко мне. У вас, поди, и знакомых никого тут. А я сейчас и директор, и сельсовет, и секретарь. Все разъехались — кто в тундре, кто в отпуске. Идемте, вот рядом изба — с большим двором, там лошадей можно оставить.

Двор и впрямь был огромным. Под стать ему и дом. Просторные сени, длинный коридор с кладовками — бочковухами, одна, но очень большая комната.

Кузьмичев включил свет.

В комнате две койки с голыми пружинными сетками, печь, несколько табуреток, длинный, сколоченный из досок стол, по-вдоль которого тянулись такие же длинные скамьи.

— Да тут танцевать можно! — жилье понравилось Аникею.

— Постели уж завтра добудем.

— Не надо, у нас мешки, привычней.

— Была бы крыша над головой, чтоб не капало.

— Ну вот и хорошо, — суетился Кузьмичев. — Дрова найдете, вода рядом, свет до двенадцати. Вон лампа на подоконнике, — он схватил лампу, потряс, — керосин есть, хватит. Ну, а чего надо — завтра. Чай пить ко мне.

— Спасибо, — сказал Аникей. — Но сегодня мы устали, сейчас разберемся — и спать. Спасибо...

— Ну что ж, до завтра, — не настаивал Кузьмичев. И ушел, бережно неся палец.

Ольховка — село небогатое событиями. И новостей здесь никаких. Да и откуда им взяться, если лежит село

посреди тайги, а вокруг ни столиц, ни райцентров не видеть, хоть залезь на самую высокую сопку.

Происшествие с Кузьмичевым — главное событие, которое обсуждалось в течение недели, но вот пришли два геолога с четырьмя лошадьми — и слава управляющего померкла, последняя новость важней.

Другие события и другие новости будут поздней осенью, в предзимье, когда выпадет снег, подгонят стада пастухи, начнется забой оленей, праздник тундрового урожая, а значит, приезд новых людей из района и округа, развернется ярмарка — в Ольховку съедутся из Березовки, из Ламутского, из Мухоморного. «Аннушки» и торговые вертолеты будут курсировать каждый день. Вот уж когда жизнь закипит! А пока поселение малоллюдно, сонно. Никто никуда не спешит. Только дети — как и всюду — носятся с собаками по селу или помогают старшим у реки.

На реке самое время — рыба скатывается с верховьев, тут ее и лови. Лов рыбы жители регулируют сами, рыбинспекции за все время никто отродясь не видывал, за все отвечал управляющий.

Днем при свете солнца Кузьмичев Коля оказался молодым вихрастым пареньком с комсомольским значком.

«Вот те на! — подумал Марков. — Секретарь-то — комсомольский».

Аникей в душе вовсе не сетовал, что местное начальство такое не солидное. Напротив, молодость управляющего как-то подняла авторитет Кузьмичева в глазах Аникея.

Николай пришел с реки и в здоровой руке у него было два здоровых ленка и связка хариусов.

— Вам на ушицу, — сказал он. — Столовой-то у нас нет, а без свежатинки как же?

— Уху-то на пустое грешно? — намекнул Афанасьич.

— Сходите в магазин сами. Вы приезжие, вам дадут. А нам сухой закон, — он почему-то рассмеялся.

— Даже для начальства? — удивился Аникей.

— Она мне не подчиняется, — вздохнул Николай. —

У нее чукотторг начальство.

— Жил тут давно Петро, механик... — начал Афанасьич. — Баба у него Магда, продавщицей была.

— Так она и сейчас тут... — обрадовался Николай. — Там же, в магазине.

— Ну!

— Конечно. А Петра нет, уж с год как уехал и глаз не кажет. Видать, сбежал. — Он вздохнул. — От Магды.

— Я мигом! — спохватился Афанасьич.

— Постой, постой! — опередил его Марков.

— Ах, да.

Марков достал плейшетку, вытащил деньги:

— Рюкзак вон захвати. Возьмешь, сколько даст, и хлеба не забудь. Компоты посмотри... Сгущенки бы не мешало. А так своих банок хватит.

— А чего брать-то?

— Чего даст...

Афанасьич прытко поспешал, не спросив, где торговая точка. Видать, знал туда дорогу.

— У вас кобыла молодая ногу сбила, рана на задней ноге...

— Черная?

— Да.

— Чайка... хорошая лошадь, выносливая, — сказал Аникей.

— А у нас вот якутские лошадки. Всего-то три. Два коня и мерин. Один, правда, жеребец, тот лихо-ой, и ни одной кобылы.

— А где наши-то? — вдруг дөшло до Аникея.

— Вы ж их не стреножили, — ответил Николай. — Жеребец и увел ваших кобыл, вон они на лугу красуются. Чайка со сбитой ногой и та за ним ушла.

Тайга, Чайка и высокий черный жеребец, совсем не похожий на якутскую лошадь, резвились на поляне.

— Д-да, знать не шибко устали, — протянул Аникей.

— Природа — она свое берет.

— А кони?

— Вон... за домом.

За домом на самом берегу реки мирно щипали траву Орлик и Серый.

— Да не бойтесь, отсюда они никуда не убегут, — успокоил Николай Маркова. — Долго еще вам идти?

— Смотря как идти.

— А у нас ни одной кобылы, — гнул свое Николай. — И обменяться ни с кем нельзя. А в тайге без лошади как?

Николай собрал наколотые дөдом дрова и понес их в дом.

— Сквородка есть?
— Есть, — ответил Аникей. — Только масла нет.
— Я сейчас. — Николай бросил связку рыбы на стол и побежал домой за маслом.

«Что ж он про кобыл намекал?» — соображал Марков.

Рыба была готова, а дед все еще не приходил.

— Встретились знакомые, — махнул рукой Марков.

— Я ведь веттехник сам, — продолжал Николай старую мысль, — ногу бы Чайке мы враз вылечили. А?

— Что?

— Продайте Чайку. Я вижу, она у вас пропустовала... А нам так жеребенок нужен. Куда ей сейчас идти, только загубите лошадь?

— Это не я решаю. Решает начальство экспедиции. А начальство далеко.

— Я видел, груза у вас мало, на двух лошадях хватит...

«Двух! — вдруг обожгло Маркова случайно вылетевшее слово. — Двух, двух... двух...»

С шумом ввалился Афанасьич, сбросил у порога тяжелый рюкзак.

— Отоварился!

— Долго что-то гулял.

— Давно не виделись.

Дед выложил на стол хлеб, консервы, достал две бутылки вина. Потом вытащил из-за пазухи бутылку водки и поставил персонально перед Марковым:

— Это лично тебе. Магда говорит, передай, мол, от меня своему начальнику. Приду вечером знакомиться. Еще с прошлого завоза хранится. Уважает!

— Ну уж! — смутился Марков.

— Еще шире стала! Надо же! — восхищался дед.

— Ты что, толстых любишь? — спросил Марков.

— Хм... гм... — закашлялся дед. — Половина мужиков любит толстых, а другая половина тоже их любит, только не признается.

— Ну, значит, я не отношусь ни к той половине, ни к другой, — засмеялся Аникей.

— А к какой?

— К третьей половине! Я люблю средних.

— Средних не бывает, — категорично отрубил дед.

— Значит, тонких, — поправился Аникей.

— Ох, хитер! Ох, хитер! — засмеялся дед.

— Почему же хитер? — удивился Аникей.

— Так тощие со временем все равно толстыми становятся, какую ни возьми.

— В перспективу начальник смотрит, — поддержал деда Николай.

— Ладно вам! — сказал Аникей. — Разливайте.

Афанасьич достал кружки. Открыл бутылку.

— Эх! — сказал он и почему-то посмотрел железную кружку на свет. — Все поле вел трезвую жизнь, почитай, боле ста дней...

— Сейчас не грешно, — сказал Николай.

Они чокнулись. На большой сквороде аппетитно лежали золотистые, зажаренные целиком хариусы.

Аникей принялся открывать банку компота.

— Мы купим у вас Чайку, — опять начал Николай.

— Зачем? — уставился на него дед.

— Она ногу сбила, — объявил Аникей. — Дальше ей не идти. А они вылечат...

— Я еще утром, пока вы спали, рану промыл и замазал.

«Смотри-ка, — подумал Аникей, — молодец».

— Как же мы недоглядели? — огорчился дед.

— Разве за этим углядишь? Много мы чего недоглядели.

— Да не переживай, Никей!

— Рация работает? — спросил Марков у Николая.

Тот посмотрел на часы:

— Вот сейчас как раз связь. А второй срок в семь вечера.

— Вы пока продолжайте, — встал Аникей из-за стола, — а я на почту. Отобью начальству телеграмму. Да и письма, кстати, сдам.

— Заморились наши коньки-горбунки, — сетовал хмельной каюр. — Вот уж истинно горбунки, — горбатились как лошади!

...Здание почты на Севере найти всегда легко — надо только посмотреть, у какого дома стоит мачта-антенна. Аникей мигом сориентировался.

Почта занимала крохонькое помещенье. Одна комната разделена барьером — место для посетителей и слу-

жебное отделение. Во второй комнате радиостанция. Она же и жилая комната — постель и стол — вся обстановка. К радиостанции примыкает кухня с печкой.

Аникей перегнулся через барьер, заглянул в комнату:

— Здравствуйте, — сказал он.

Навстречу поднялась тоненькая высокая девушка в синем спортивном костюме. Длинные черные волосы аккуратно перехвачены лентой.

— Здравствуйте, с приездом! — весело сказала она.

— Спасибо. Бланк телеграммы можно?

Она протянула пачку бланков.

Он сел за стол писать телеграмму. Она же разбирала пачку писем, которые он сдал ей, и выписывала квитанции.

Что-то в ее лице смутило его, и он никак не мог сосредоточиться.

«Удивительно красивая, — думал он. — Или я просто одичал, четыре месяца ни одного женского лица».

Перо было сломанным, он взял другую ручку.

«Прошу вашего разрешения связи возникшей необходимостью передать двух лошадей отделению совхоза Ольховке и телеграфировать балансовую стоимость Чайки Тайги=Марков».

— Вот, — протянул он бланк.

— Больше ничего не будет? — спросила она.

— Нет. Только это и письма.

«Странно, — подумала она, — никаких личных телеграмм».

Она выписала квитанции.

— Когда уезжаете?

— Уже надоел? — улыбнулся он.

— Нет... что вы... оставайтесь. У нас давно не было гостей. Отдыхайте.

— Вот как раз этим мы сегодня и занимаемся. Скажите, — осмелел он, — как вас зовут?

— Меланья.

«Вот так имечко, не хуже моего», — подумал он. И сказал:

— Мила, значит.

— Не совсем.

— Мила, приходите сегодня к нам, вечером. После сеанса. Вы в семь кончаете?

— Да.

— Вот и приходите. Николай будет, Магда придет. Обещала. Придете? Мы остановились...

— Знаю. Спасибо, приду, — просто сказала она.

— Отлично. Тогда я пойду готовить шикарный ужин.

— Геологи умеют готовить, — сказала она.

— Жизнь заставит, — начал приbedняться он, — всему научишься.

— А у меня гитара есть. Захватить?

— Вот будет здорово! — искренне воскликнул Аникей.

Она уловила его искренность и улыбнулась.

— До вечера.

После обеда Аникей и Афанасьич успели сходить в баню — это постарался для них Николай. Жизнь совсем стала прекрасна, и дед по этому случаю снова полез в рынок. Запасся он основательно.

Пришла Магда и принесла пышек, банку кетовой икры, соленой рыбы и дефицит — две банки клубничного компота из своих запасов.

После семи, в том же спортивном костюме, плотно обтягивающем ее хрупкую фигуру, забежала Меланья. Она тоже принесла банку икры, соленой рыбы и маринованных кетовых брусшек-тешу. Гитару поставила в угол.

На плите варилось мясо. Запах вареной оленины уже заполнил комнату.

— Вот это пир! Вот это пир! — восхищенно повторял Аникей.

— Чего уж там, — скромничали женщины.

— К столу, к столу! — торопил Афанасьич.

...Неведомыми путями занесло на Чукотку эстонку Магду. Давно она здесь. Двух мужей похоронила. Детей нет. В свой родные края не возвращается, здесь ей климат по душе — раздобрела, расправилась и на будущий год худеть не собирается. Широкая, в треть стола, она удивляла Аникея изяществом жестов, строгостью костюма, скромностью украшений, в меру употребленной косметикой.

«Чувствуется стиль, — подумал Аникей. — Откуда это здесь, в глуши?»

Меланья добровольно взяла на себя роль хозяйки, порхала от печи к столу, и от нее уж совсем не мог ото-

рвать глаз Аникой. Заметила она это, разругалась.

— Магдочка ты моя, сто лет тебя не видел, — прижимался к ней дед. Совсем он за целый день расклеился. — Что ж ты Петра не уберегла?

— Сам сбежал... так ему и надо.

— Жалеет небось, жалеет... — сокрушался дед.

— Ты бы меня пожалел, Афанасьич, а? Переходи ко мне, у меня теплей, — смеялась она.

— Дак с тобой и на снегу не замерзнешь. Вон ты какая теплая!

— Афанасьич! Афанасьич! — притворно строго заметил Аникой. — Без рук! Без рук! А то ведь оштрафуют...

— Не надо, начальник! Тихо!

Марков намекал ему на давнюю историю перед полем. Тогда в Анадыре в ожидании вертолета все жили на авиаплощадке, в палатке, чтобы при случае никого не искать. Но вечером дед пропал. Как потом выяснилось, он пробрался ночью в здание экспедиции и приставал к сторожихе, обещая любовь. В конце концов она вызвала милицию, каюра забрали, утром начальник партии старика вызволил, но тому пришлось уплатить рубль штрафа.

Не поняла старуха тонкой души полевика, его возвышенных устремлений, и было ему обидно и за поведение сторожихи, и за малую цену штрафа.

— Начальник! Молчок!

— Не буду, не буду... — согласился Аникой.

— А у нас в Пярну, бывало, как соберутся, так и поют. На стадионе тысяча народу, — и все как один. Хор. Стоят все и поют. Хорошие песни... Я их уже и забыла...

— Помню, — сказал Марков. — Видел по телевидению. Много эстонцев — и все поют. Седой старик дирижирует.

— Зачем это они все поют? — не унимался дед.

— Ну, настроение хорошее, — вставил Николай.

— Вот, Афанасьич, посмотри на Магду Германовну. Видишь, какие у нее руки? А у их мужиков кулаки еще больше. Так, если б они в свободное время не пели, они бы хулиганили. Что б тогда было. То-то... пусть уж лучше поют, да? — сказал Аникой.

Магда улыбнулась. Согласно кивнула.

— А Петро под твою дудку не пел! — бушевал дед. — Хорош был кореш!

— Ох, — вздохнула Магда и наклонилась к Аникою. — Он третий у меня. Совсем забывать стал, со мной не жил. В тундру уезжал, в Черском хороводился со всеми чукчанками. А со мной... Тут в Ольховке его бабы хвалили.

— Можно, Магда? — спросил Николай.

— Давай, чего там.

— Она сцены ему устраивала. А под конец взяла его одежду, вынесла на берег, облила соляркой и сожгла. Он на другой день и подался в чем был. Взял у меня куртку.

— Хороший костер был! — засмеялась Магда.

«Гм... не приведи господи», — подумал Аникой.

На минуту все замолчали. Слышен был дождь на улице.

— Опять потеплело, дождь, — сказал Николай.

— Теперь они зарядят, — Меланья встала, взяла гитару. Вернулась к столу: — Этот дождь надолго.

— А как вы узнаете? — спросил Аникой. — По каким приметам?

— А у нас все приметы к дождю, — засмеялась Меланья.

Погас свет, электростанция перестала работать — полночь. Зажгли керосиновую лампу, Аникой сходил в кладовку, достал из рюкзака несколько свечей, расставил их по углам, стало светло.

— Сколько времени прошло, — обнял дед Магду. — Вот и свиделись — с Ольховкой, с рекой, с тобой вот.

— Ну и как река? Как Ольховка?

— Как? Человек и тот худшает за время. Так и река. Или возьми опять лошадь.

— Значит, я худшаю, — смеялась Магда.

— Э-э, нет, — пошел дед на попятную. — У тебя с возрастом только характер портится.

— Да?

— Да. Вреднеет, я бы сказал. Эй! Давай веселую, Меланья!

Меланья перебирала струны, настраивала.

— Там далеко на Севере холодном, я был влюблен, не зная почему, — затаил дед.

— Чуть потише, Афанасьич, соседи сбегутся.

— Соседи уже спят!

Меланья ударила по струнам, тихо запела:

Не печалься, мой маленький мальчик,
Если болен, — врача позову.
Мама, мама, мне врач не поможет,
Я влюбился в девчонку одну!

— Эх, — вспомнил про палец Коля Кузьмичев, — если б не рука, я бы сыграл! Я бы показал класс! — И, тряхнув хмельной головушкой, закричал истошным высоким голосом припев:

Мама, мама, мне врач не поможет,
Я влюбился в девчонку одну-у!

Марков любовался Меланьей, тепло ему было. А она пела:

У нее, мама, черные брови,
Голубые большие глаза.
Юбку носит она по фасону
И вертявая как егоза.

«Репертуарчик, скажем прямо, довоенный, — удивлялся про себя Аникей. — Откуда он здесь сохранился... Стоп... Глаза! Глаза...» Аникей понял, что его смущало в ее лице. Он подсел поближе, чтобы еще раз посмотреть ей в глаза, когда она поднимет голову.

Она подняла голову и улыбнулась. Ее большие с чукотским разрезом глаза были серые.

Меланья была чуванкой. Когда-то эти края были последним пристанищем русских казаков. Закончив свои походы «встречь солнцу», они оставались тут навсегда, смешивались с местным населением — чукчами и ламутами, положив начало новому роду. И потомки сохранили старые имена, иногда старые обряды, старые сказания помнили, только не знали, откуда это. И рождались красивые дети. Иногда, неожиданно во всей черноглазой семье, появлялся ребенок с серыми глазами, как сигнал из прошлого, и всегда это почему-то были девочки.

Там, за покрытыми снегом перевалами, у синеющей на горизонте гряды, перекрещивались тундровые и таежные торговые пути. Там было ярмарочное древнее место. Это место до сих пор почитается стариками. Называется оно Голубые Озера. И если рождалась в семье необыч-

но красивая девочка, ее называли потом Девушка с Голубых Озер.

«Так вот откуда Меланья», — понял Аникей.

— А песня про Голубые Озера есть? — спросил он, когда она кончила играть.

Меланья вздрогнула.

— Есть, — сказала серьезно. — Только это чукотская песня. Ее сейчас петь нельзя. Ее поют на праздниках, когда собираются старики. — И отставила гитару.

— Извини...

Афанасьич громко затыкнул:

Дождь стучит в окно,
В комнате темно,
В парк итить мне нада-а
на свиданья-а!
Там сидит она,
Грустия полна,
Тихо содрогаясь от рыданья-аа!

Магда хохотала от души. Ее забавлял лирический настрой старика. Дед прекратил пение, он начинал понимать, что и здесь, как у сторожихи, он не найдет сочувствия.

— Бабоньки вы наши, едят вас мухи! — махнул он рукой. — Давай какую-нибудь русскую. Про березку! Про березку!

— Можно, — сказала Меланья. — Клен ты мой опавший.

— Какой клен? Сама ты клен! Про березку прошу, уважь!

— Успеем еще, Афанасьич, — успокоил его Аникей. — Ты лучше на закуску нажимай. Бери ложку, держи икру — знатная закуска.

— Дело говоришь, дело! — быстро согласился дед.

— Значит, мы договорились? — спросил Николай. — Про Чайку?

— Я дал радиogramму. Завтра придет ответ.

— Завтра не придет, завтра воскресенье.

— Как?!

— Сегодня суббота, банный день. А завтра, пожалуй, уже сегодня — воскресенье... связи нет.

— Зато в понедельник три срока, — сказала Меланья, — всегда в понедельник много работы.

— Как же? — недоумевал Аникей. — Как же я дни-

то выпустил? Суббота, правильно. Телеграмму прочтут только в понедельник.

— Не беспокойтесь, — сказала Меланья. — У нас с Анадырем связь прямая. Если в понедельник ответят — в понедельник вы и получите.

— Нам идти надо, надо спешить.

— Куда идти? — спросил Николай. — Вон что на дворе...

На улице грохотал ливень.

— Оставайтесь тут, отдохните, еще находитесь, — сказала Магда. — Здесь когда еще доведется побывать. Как знать, а вдруг мы по вас скучать будем, — лукаво улыбнулась она.

Но Марков был расстроен.

— Ну? — Меланья обняла Аникея. — Правда? — Ему казалось, что он через свитер ощущает тепло ее руки. — Я предлагаю за мужественных геологов!

— Нет уж! — поднялся Аникей. Печали и тревоги у него как не бывало. Он даже удивился своему внезапно легкому настроению. — Нет! — еще раз повторил он. — Я предлагаю за наших лошадей!

— Человек... человек сильнее лошади! — бормотал Афанасьич.

— Да. Поэтому за лошадей!

— И за нашу Чайку! — засмеялся Николай.

— Ладно!

Все выпили.

— ...лошадь... она... что человек! — философствовал дед, уронив голову на руки. — Только лучше! Лучше!

— Лучше, лучше, успокойся, — погладила его по руке Магда.

— На будущий год, если встретите Чайку, вы ее не узнаете, — размечтался Николай. — Они у вас на износ работают, а мы их жалеем, им так трудиться не придется.

— Жаль расставаться.

— Это лошади не поймут, — утешил Николай.

— Я знал лошадей, которые все понимали... лучше иного человека, — сказал Аникей. — Мы тогда на Востоке работали. Рядом была застава. Всех лошадей пограничных списали, погрузили на баржу и увезли в какой-то совхоз. А одна — ее звали Муха — болела. Ее не трогали, думали, околет. А она выжила. В тундре, на трав-

ке, на вольном выпасе. Пришла осенью домой — а в конюшне уже гараж на три вездехода. И вообще, никто ей не хотел заниматься — раз списана, значит, ничья. Иди, гуляй. И солдаты ее прогоняли. И она сторонилась всех, кто в зеленой форме. Мы, геологи, в зеленой спецухе ходили. Подойдем к лошади, позовем ее, а она от нас шарахается — думает, мы солдаты. Ушла Муха в поселок и сама нашла себе работу. Подойдет к школе-интернату, там высокое крыльцо — и стоит, ждет перемену. Ходит, ходит вокруг школы, а как звонок услышит — бежит к крыльцу, станет и ждет. Пацаны выскакивают, кто-нибудь один садится на нее. Муха аккуратно, осторожно так провозит его вокруг школы, катает. Даст круг — и снова к крыльцу. Дважды одного и того же не возила. Даст круг и останавливается, слезай, мол. Следующий! Следующий садится — и того один круг возле школы. И так все время. Ребятишки ей все завтраки отдавали. Это был ее заработок. Вот скажи, кто ее мог так надоумить?

— Не знаю, — растерянно проговорила Меланья. — А что с ней дальше было?

— Все родители в поселке заботились о Мухе. Понимали, что для их детенышей-севереных она лучше любой игрушки, лучше сказки любой. Один кочегар при котельной ей закуток отвел. Там она в пургу согревалась. Из столовой ведрами отходы ей носили. А она и зимой на работу ходила. Станет возле горки, возле сугроба — и ждет ребятишек.

— А потом?

— А потом новый начальник заставы приехал. Молодой лейтенант, татарин. Оденется в гражданское — и к Мухе. Полные карманы сахару да моркови ей таскал. Гладит ее по шее и говорит, говорит что-то по-своему. Извинялся, наверное. Но на заставу она так и не вернулась. Люди заметили, что часто лейтенант к Мухе ходит. Так кочегар прямо ему и сказал, не мешай, мол, человеку, не смущай, прошлого, мол, не вернешь, поломанного не починишь. Так и жила она у кочегара, как собака. Лед помогала ему возить, воду, уголь. А потом, потом не знаю, что с ней стало. Нашу партию на Север перевели.

— Она, наверное, старая была, — сказал Николай.

— Конечно.

— Чайка молодая. К нам она сразу привыкнет. Вот увидишь.

— Хорошо бы.

Все сидели притихшие. Слышно было, как за окном шумит ливень.

Меланья тихо перебирала струны гитары. Захмелевший было дед проснулся. Смотрел ясными веселыми глазами.

— Магда! — шептал он ей на ухо. — Поставь-ка чай. — Веселей гляди, Меланья! Сыграй для души! Отдыхаем завтра! Воскресенье! Как, начальник?

— Отдыхаем... теперь торопиться бесполезно.

— Во! Хорош у меня начальник, а? То-то! Чего торопиться? Никто нас не ждет. Никто! Кроме начальства. Так я говорю?

Аникой кивнул.

— Совсем никого у вас в Анадыре нет? — удивленно спросила Меланья.

— У нас с дедом никого, — улыбнулся Аникой. — Сироты мы.

— Потому давай плясать! — закричал дед. — «Цыганочку» давай, Мила! «Цыганочку»!

Меланья «ударил» «цыганочку». Смотрел на нее Аникой, вдохновенно она играла.

Афанасьич вылез из-за стола, вышел на середину комнаты, топнул ногой:

— И-эх! Давай, кудрявая! Давай, черноглазая! Чавела! — Ухал, притоптывал ногой, половицы скрипели, громадные начищенные сапоги (он сменил резиновые на выходные, кирзовые) матово поблескивали в темноте.

— Эх, раз! Еще раз! Знаю, лучше сорок раз!

Плясал дед самозабвенно. На его ватных брюках беспомощно болтались пустые самодельные ножны. Ножны вздрагивали от прыжков, от топота, от коленец. Обрубки нальцев Афанасьича ходили над головой, наверное, если б пальцы были целы, слышалось бы прищелкивание.

— И-ех! Давай, кудрявая! Та-та-та-и-та-т-т-т!

— Намучились вы, наверное, там, в поле-то? — спросила Магда у Аникой и кивнула в сторону пляшущего деда.

— Бывало...

— А то... переходите ко мне, хоть оба, хоть кто один...

чего здесь, неустроено, а у меня хорошо... — шептала Магда.

— Спасибо, — так же шепотом ответил Аникой. — С нами хлопот не оберетесь. Мы к приличным домам непривычные.

Магда засмеялась:

— Сами одинокие, а одинокую женщину не понимаете.

И притворно надула губы.

«Вот так все и начинается», — подумал Аникой.

...Чай допивали под утро.

Аникой провожал Меланью, Афанасьич — Магду. Оба вскоре вернулись и, сбросив на пол мокрые плащи, молча, не раздеваясь, повалились поверх спальных мешков.

Глава седьмая

Маркову снились кошмары, и он проснулся первым. Был уже день. За окном по-прежнему шумел дождь. Он разделся и залез в спальный мешок. Голова побаливала.

— О-ой! — вздохнул он. — Чайку бы.

— Чего «ой!»? Чего «ой!»? — повысил голос Афанасьич. — Надо было у нее оставаться. А еще начальник. Она совсем была не против, а ты кашу размазывал.

— Да хватит тебе, — отмахнулся Аникой. — Тоже хорошо гусь. Магда ему и так, и эдак, а он...

— Обидно, — тихо сказал дед. — Да меня тогда хоть самого бери под руки и тащи, перебрал с непривычки.

Кто-то протопал по коридору, и в комнату постучали.

— Га-а, — что-то нечленораздельное промычал дед.

В комнату вошла Меланья.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуй, голуба душа, — вздохнул дед.

— Болеете? — улыбалась Меланья.

— И не говори...

— Давайте я вам чайку приготовлю, чаем отпивать-ся хорошо, помогает.

Она открыла печь, вытащила совком золу, ссыпала ее в таз, вынесла таз на улицу, принесла дров, разожгла печь, поставила чайник. Все это у нее шло быстро и без суеты, без разговоров.

Чай загудел. Она вышла в коридор и вернулась с бутылкой, уже початой, было там чуть больше половины.

— Сначала полечитесь. Дома наша, давно стояла, не помню уж когда и открывали, попробуйте.

Она разлила мужчинам по кружкам, поднесла каждому, сама не стала.

— Хор-рр-рош! — рявкнул дед.

— Вот... а теперь чай — и спите. Сон — он от всего.

Она присела на койку рядом с Аникеем, взлохматила его волосы.

— Смешные вы, — сказала она. — И не забудьте, обед сегодня у Магды Германовны. Она приглашает. Персонально. Так что спите, ни о чем не беспокойтесь.

— Сегодня ни-ни, ни грамма. Побаловались, хватит, — проворчал Марков. — Завтра идти, а куда мы в таком разобранном виде?

— Правильно, — поддержала его Меланья.

— Чуть-чуть — и все, — внес поправку дед.

— Ну как с таким работать? — кивнул на деда Аникей.

— Трудно, — засмеялась Меланья. И вдруг погладила его по щеке и выскочила на улицу.

— Хорошая девушка, — сказал дед. — Пожалела.

Аникей задумался.

— А что, если нам сегодня допустить отклонения от норм поведения, принятых в добропорядочном обществе?

— Чего, чего? — приподнялся дед.

— Это я так... дождь, говорю, стихает.

На улице действительно не было слышно дождя.

Меланья выскользнула из-под одеяла, накинула халатик и прошла на кухню.

— Не уходи, — сказал он.

— Я сейчас, только поставлю чай, — она включила плитку и вернулась.

«Дали свет... уже утро», — подумал Аникей.

Она раздвинула шторы. Сквозь хмурый рассвет видны были мокрые деревья. Рядом на столе холодно поблескивали тумблеры радиостанции.

«Понедельник», — подумал он.

Меланья угадала его мысль.

— Сеанс у меня через полтора часа, — она сбросила халат и нырнула к нему под одеяло.

— Зима скоро, — сказал он. — Конец сентября... ой,

какие у тебя ноги ледяные! Ты чего босиком бегаешь?

— Ничего, — засмеялась она и прижалась к нему.

Вчера ночью, когда она уже заснула, Аникей никак не мог прийти в себя, волновался и думал — за что? За что такой подарок? Такая награда? За что это неожиданное счастье? Что он сделал такого, что его судьба благодарит? Может быть, воздастся за поход, за погибших лошадей, за нервы, тоску, боль последних дней? Но ведь работа не кончена... И что ждет их там, впереди? Этого никто не знает. А хотел бы знать? — вдруг спросил он себя. И тут же ответил — нет. Не надо. Как будет, так и будет. Пусть.

...Зазвенел будильник, и тут же в другой комнате — второй.

— Подожди, не уходи...

— Чудак, — она поцеловала его. — У нас же с тобой целый день впереди... И ночь.

— Мне сегодня... — начал он.

— Тебе ответ только днем придет, если придет. Не пойдешь же ты вечером, на ночь глядя?

— Конечно.

Меланья встала с постели, накинула халат, надела на ноги чижы — они у нее были вместо тапочек — и села у радики. Бумага и карандаши, как всегда, были приготовлены с вечера.

Аникей одевался. Вспомнив, бросился на кухню, чай давно выкипел. На плитке стоял пустой раскаленный чайник. Аникей с помощью полотенца снял его, нашел кастрюлю, наполнив ее водой, поставил на плитку.

Аникей встал в дверях и развел руками:

— Пропал твой чайник.

Меланья сняла наушники. Засмеялась и махнула рукой.

«Если б можно было здесь остаться, — подумал он. — Никуда не уходить. Или базу партии тут бы поставить. Да? Ишь чего захотел!»

— Мало нам сегодня, — Меланья отодвинула в сторону два исписанных бланка. — Никаких особых новостей.

Меланья прибрала постель, переоделась, пошла умываться, а он был в другой комнате — для посетителей.

— Ты чего там сидишь? — вышла она. — А-а, боишься, люди придут. За меня бояться не надо. Иди сюда, ко

мне. Сейчас будем завтракать. Это мой дом, понимаешь?

— Я думал, сама знаешь, деревня.

Они сидели на кухне, завтракали. Он принес пепельницу из комнаты, закурил. Внимательно посмотрел на нее.

— Что? — тихо спросила она.

Он не ответил, погасил сигарету, встал, прошел в ее комнату. Медленно снял свитер, бросил на постель.

— А вот сейчас закрой дверь, — засмеялась она.

«Договор совхозом не возражаем балансовая стоимость Тайги Чайки одна тысяча восемьсот тридцать рублей каждая = Иванов».

Аникей спрятал радиogramму в карман и пошел искать Кузьмичева.

— От начальства «добро», — сказал он ему.

— Прекрасно. Сколько она? — поинтересовался Кузьмичев.

— Тысяча восемьсот тридцать.

— Немного, для нас это ерунда.

— Только я бы хотел оговорить, — начал Марков.

— Что именно?

— Чайку одну мы не продадим.

— А с чем?

— Ни с чем, а с кем. С Тайгой. Возьмите и Чайку, и Тайгу. Двух. Одну отдавать нет смысла. Нам все равно — втроем идти или вчетвером. А вот с двумя лошадьми — есть разница.

— Но нам бы хотелось только Чайку.

— А чем Тайга хуже?

— Я смотрел, она не хуже, — подтвердил Кузьмичев. — Чайка просто чуть моложе.

— Все хотят помоложе, — усмехнулся Марков. Но Кузьмичев не понял. Шли молча.

— Берите обеих, Николай, — сказал Марков. — Два всегда лучше, чем один.

— Больше, чем один, — засмеялся Николай.

— И лучше, — упорствовал Аникей.

— А вам на вторую дадут «добро»?

— Уже дали. Вот. — И он протянул радиogramму.

Кузьмичев прочитал, покачал головой.

— Д-да. Ну что ж, была не была, идемте в контору

оформлять документы. Две кобылы на дороге не валяются.

— Отдаем вместе с седлами, отразите в бумагах. У нас прекрасные вьючные седла. Только тяжелые, черт...

— Ладно. Да, попутно, что не нужно из груза — давайте сюда же. Отразим в бумагах — и все.

— Да вроде ничего лишнего... Вот только брезенту-ха есть, пять метров на пять... прекрасный тент. Но если уж намокнет — не поднимешь.

— Чтоб он намок, его в реке держать надо, — заметил Кузьмичев.

— Вот именно. Нам через реки и идти. А так весь груз мы и в палатке, в случае чего, спрячем, — сказал Аникей.

— Давайте брезент. Оленеводы вам спасибо скажут. Им на зимних перекочевках он ой как нужен. А у нас в торговле его ни по какому благу не достанешь. Сами-то где доставали?

— У военных.

— Ну, еще бы! У них все есть.

Из конторы Марков сразу же поспешил домой. Афанасьича он застал на улице, тот вытряхивал вьючник и чертыхался.

— Что случилось?

Дед опустил голову, прятал глаза.

— Вот, — он потряс пустым мешком, — весь рис съели. Зашли в коридор и съели.

— Лошади?

— Ну да. Это, кажись, их жеребец бандюга.

— А наши, конечно, не могли? Наши пайники, да? Вспомни хоть Богатыря. Тот бы и мешок уволок!

Дед смотрел на Аникея ясными, веселыми, виноватыми глазами, и понял Аникей, что тот не ночевал дома и некому было присмотреть за вьючниками, лежавшими в коридоре у самого порога. Аникей вздохнул и не стал задавать вопросов.

— Ладно, образуется. Иди, сдай им на конюшню Чайку и Тайгу. Вместе с седлами. Будут жить на приволье. Нечего им с нами бедовать.

— Ты и меня сдай, а, Никей? Чего-то мне дальше идти расхотелось, — улыбался дед.

— Угу... не стыдно? — притворно корил его Ани-

кей.— Седина в бороду, бес в ребро? Понравилось?

— Да ить я как начальник. А начальник у меня ох хоррош!

И вдруг спросил серьезно:

— Когда выступаем?

— Рано утром. Давай собираться. Рис прикупи в магазине. Деньги остались?

— Есть еще.

— И это... не забудь колокольцы. Впрочем, не надо. Оставь их. Это ж лошадиное имущество. Оставь. Как же им без колокольцев-то?

Груза действительно оказалось мало, как раз хватило на двух лошадей. Все было готово. Магда не провожала — Афанасьич побежал к ней прощаться. Вернулся быстро, что-то пряча в карман пиджака и на ходу застегивая куртку.

— Я пройду с вами немного, — сказала Меланья.

Повод Серого Афанасьич привязал сзади к седлу Орлика. Зазвенели колокольчики, лошади неторопливо пошли. Аникей и Меланья, отстав немного, шли следом.

— Идем вроде бы по плану, только два дня потеряно, — сказал Аникей.

— Сейчас пойдете быстрее, наверстаете.

— Постараемся.

— А вдруг снег? — спросила она.

— Ну и что, снег? Разве по снегу идти нельзя?

— Что есть они будут?

— А-а, не волнуйся. Будут копытить. Они это умеют, приспособлены. Хуже, если затяжные дожди — реки разбьнут.

— Ты все-таки надень меходежду, ладно?

— Хорошо, хорошо.

Накануне, когда он собирался, Меланья пришла в дом и принесла чижи, торбаса, меховые брюки.

— Вот возьми, это тебе. Осталась меховщина от начальника почты, на тебя как раз. В дороге пригодится.

— Да не надо! — пытался отказываться он. — Своего груза хватает.

— Бери, тебе говорят, — сказала Меланья. — Торбаса и брюки из нерпы, понимаешь? Непромокаемые. Не то что твои — ватные. Да и сапоги резиновые тяжелен-

ные. А эта одежда легкая. Не замерзнешь и не промокнешь, хоть по пояс в реку залазь.

— Ну, спасибо, Мила! Вот это да! Это по делу.

Она была рада, что ее подарок пришелся кстати. Ей было приятно заботиться о нем.

...Они шли тихо, ледок похрустывал под ногами. За очередным поворотом реки скрылась Ольховка.

— Все, — сказала Меланья. — Я дальше не пойду.

Они присели на поваленное дерево, он закурил.

— Иди, — сказала она. — Не скучай. Я буду думать о тебе. Обязательно из Анадыря дай телеграмму, чтоб я не волновалась.

«Хоть одна живая душа будет обо мне волноваться», — подумал он.

— Вот что, — Аникей мучительно подбирал слова, — а ты, ты... не можешь приехать в Анадырь, когда я вернусь?

— Ты этого хочешь? — удивилась Меланья.

— А разве мы простились насовсем?

Она бросилась к нему на шею, тормозить стала, целовать.

— Ты только скажи, — торопливо шептала она. — Ты только дай телеграмму, я прилечу, я сразу прилечу, я пешком приду, ты только скажи, нет-нет... не сейчас, когда будешь там, без меня, если не сможешь без меня...

— Я бы и сейчас не уходил.

— Нет, нет, иди... так надо.

— Все кончается, — обреченно сказал он, — все проходит.

— Все, — согласилась Меланья и опустила руки. — Только хорошее проходит быстрее. — Она повернулась и бросилась бежать.

Он стоял, ждал, когда она оглянется. Меланья остановилась. Оглянулась. Побежала к нему.

— Да иди же, иди, — нетерпеливо шептала она. — До свиданья!

Он поцеловал ее и быстро пошел догонять Афанасьича.

Глава восьмая

К устью реки Убиенки они вышли на исходе третьего дня. Весь песчаный берег был в лошадиных следах. Там и тут чернели кострища, валялись колья, стояки для палаток,

обрывки веревок, пустые консервные банки. Словно живой, трепетал на ветру, зацепившись за куст, большой разорванный кусок полиэтилена. На каждом шагу попадались стреляные бумажные гильзы. Кто-то забыл пустую пластмассовую канистру из-под растительного масла.

Пошел легкий пушистый снежок.

«Хорошо, что снег, — думал Марков, — прикроет это безобразие».

— Опоздали, — сказал Афанасьич.

— Да. Судя по всему, баржи ушли еще вчера. Давай ставить палатку, а то снег.

Они быстро принялись за работу.

— Пора на зимние квартиры, — отрешенно и зло бубнил Марков. — Пора.

«Чего это он свирепеет?» — думал дед, изредка бросаая на начальника виноватый взгляд, хотя особо упрекнуть себя ему было не в чем, а вот видеть в таком состоянии обычно спокойного Маркова — непривычно.

— Это все нам Ольховка боком выходит, — сказал Марков. — Потерянные дни!

— Не сами потеряли, погода забрала. Ты думаешь, в дождь мы бы далеко ушли? А о конях подумал? Враз набили бы им спины в кровь выюками, всех погубили бы. Хорошо еще Тайгу с Чайкой оставили, может, еще хуже было бы, а так — перезимуем.

— Перезимуем, — зло рассмеялся Марков, с силой колотя обухом топора по колу для растяжки. — Перезимуем, черт возьми! Лишь бы одры не сдохли!

— Ну, чего ты, Никей! Чего? Пошел я костер делать. И НЗ я сохранил. Магда на дорожку дала.

— Это ты молодец! Молодец, Афанасьич! Сейчас самое время выпить! С холоду и с невезухи. Вон сколько поводов. Молодец! И молчал три дня. Вот сила воли!

— Не трусь! Пробьемся! — крикнул Афанасьич. Костер уже полыхал.

Мокро, холодно, мерзко на душе. «Не будем отчаиваться, — думает Аникей. — Дальше будет хуже».

От костра потянуло запахом аппетитного варева. Аникей порывлся в рюкзаке, достал кружки и пошел споласкивать их на реку. Подоспел Афанасьич с бутылкой.

— Давай, для сугреву!

Бутылка была ледяная. Где он только ее хранил?

— Собачий холод! — передернуло Аникей. Он закутил снежком, а в кружку налил чаю и поставил ее остывать.

— Зимой теплее, — согласился дед. — Будем из одной, — сказал он. — А запивать из твоей, горячим чаем. Водку с чаем любой доктор посоветует. От простуды, а то с усталости.

— От всего, — согласился Аникей и выпил.

Понурые лошади стояли в кустах, не паслись. Их постепенно заносило снегом.

— Спать придется меньше, — сказал Аникей. — Идти и идти — в этом наше спасение. Не хватало, чтобы кони еще и простудились.

...Утром, наскоро позавтракав, они быстро собрались и пошли вверх по Убиенке. Оставался теперь второй запасной вариант плана — выход на реку Южную Озверевку, где на карте отмечена перевалбаза совхоза. Но для этого необходимо форсировать Убиенку, а где, если единственный брод, отмеченный на карте, только летом, в мелководье, а сейчас осень, снег и дожди и вода за ночь в реке поднялась до самой высокой отметки?

— Совсем разлилась река — как весной, — вздыхал дед.

— Будем искать брод. Можно попробовать и вплавь, но только место надо найти поуже, лошади вынесут.

— Я не умею плавать, — сказал дед.

— Тебя никто и не заставляет. Лошадь-то умеет. А ты будешь сидеть в лодке. Устраивает?

— На лодке нельзя. Надо коня за повод держать и грести. А не выгребешь — и все тогда... Лучше на лошади.

...Подходящее место нашли где-то к обеду. Течение, как и всюду, было сильное, но зато это было самое узкое, на стремнине бурлило, — значит, было не так уж и глубоко. Хотелось бы найти заводь потише, но за все время так ничего и не встретилось.

На обоих берегах росли высокие тополя, в долине не было ветра и даже казалось теплей.

— Попробуем здесь, — сказал Аникей. — Обедаем на том берегу.

Они стали разгружать лошадей, оставив на них только седла. Достали резиновую лодку-пятисотку, накачали ее.

— Афанасьич, поищи карабины. У нас было два альпинистских карабина. И давай оба мотка капроновой веревки. Веревка нам теперь нужна.

Сам он достал из рюкзака меходежду, надел меховые носки-чижи, нерпичьи торбаса, сверху натянул нерпичьи брюки.

— Хорошо-то как, действительно! — и он с удовольствием попрыгал, походил в новом облачении.

— Совсем ты чукча, — засмеялся дед. — Ну, чукотский начальник, что делать будем?

— План такой, — сказал Аникей. — Один конец этого толстого капронового линя намертво привязываем к тополю. Я переплываю на Орлике и закрепляю на том берегу второй конец. Ясно?

— Ясно.

— Но прежде весь груз мы закрепляем на лодке. И пока она на берегу, второй, тонкий линь, привязанный к носовому коушу лодки, я вместе с канатом перевожу на тот берег, одновременно. Ясно?

— Ясно.

— Еще не все. Через два боковых коуша лодки пропускаем кусок веревки — отрежь метра три, вот так, ага, концы связываем. При натяжении получается треугольник, видишь?

— Да.

— Теперь вершину треугольника намертво привязываем к карабину, а сам карабин защелкиваем на основном тросе. И когда я буду тянуть лодку с того берега за тонкий носовой линь, одновременно лодка будет удерживаться карабином и карабин будет скользить. Оба натяжения не дадут лодке перевернуться. Течение в этом случае даже будет помогать, так как основное напряжение ляжет на карабин, будет какой-то упор, я смогу быстро тащить. Скользить по капрону карабин будет легко.

— Вот здорово! — восхитился дед. — Ты сейчас придумал или раньше пробовал?

— Не пробовал, но видел.

— Так... А я? — уныло спросил дед. — Я ведь плавать не умею.

— Вот задача-то, — почесал в затылке Марков. — Эх! Не будь течения, мы бы живо решили задачу про козу, волка и капусту... Как же ты до этого жил, если плавать не умеешь?

— Я с детства воды боюсь, — признался дед.

— С тобой так, — решил Марков. — Будем как лодку. Давай тот моток, подлиннее. Обвяжем тебя вот так, под мышками. Крепкий узел?

— Вроде крепкий.

— Давай-ка затайнем. — Марков подошел к дереву, перекинул веревку, подтянул до предела, закрепил. — Ну, подожди ноги, повисни!

Дед повис.

— Ой! Под мышками режет!

— Ничего, зато видишь? Узел — не развяжешь, только разрезать.

Марков отвязал от дерева линь.

— Теперь давай небольшой конец. Так. Обвяжем тебя вокруг пояса. Нет, не за ремень — ремень может лопнуть. Вот так, потуже. А на свободный конец привяжем второй карабин. Ты его защелкнешь на основном тросе, прежде чем идти с Серым в воду. Понял? Получается, ты страхуешься так же, как лодка.

— Только лодка умеет плавать, а я нет.

— Ничего, выплывешь. Не так все и страшно. Ширина тут невелика, метров пятьдесят. Можно бы веревки перебросить... но пятьдесят метров мы не докинем...

— Не докинем, — подтвердил дед.

— Вот и придется мне все три веревки везти. Лишь бы не запутались, вот сейчас это самое главное. И снос большой. По сотне метров есть в мотках?

— Больше.

— Хватит даже при сносе, надо попробовать. Ну, а если веревки у меня кончатся, а я все еще буду в воде, ты веревки потихоньку вытащишь назад, они же привязаны на твоей стороне... Тогда что-нибудь еще придумаем. Не может быть, чтоб не придумали! Голь на выдумку хитра!

— Жизнь заставит, — вздохнул Афанасьич.

— Зато это единственная переправа. Впереди по маршруту больше рек нет. Давай покурим.

Они закурили.

— Да, чуть не забыл, — спохватился Марков. — Перед тем как сесть на Серого, сними сапоги. Сними сапоги, привяжи их на лодке. Надень шерстяные носки. Не босиком, а в шерстяных носках. Понял? Купание нам всем обеспечено сегодня по горло, но лучше купаться в

носках. Как только я переберусь, сначала распалю костер, пионерский. Сушить будет чего, это уж точно...

— Я б лучше сейчас пешком в Ольховку вернулся, — признался дед. — На черта мне эта купель?

— Я бы тоже вернулся, — улыбнулся Аникей. — Не паникуй, последний бросок — и все.

— Хорошенький пляж, — ныл дед. — Прямо Сочи.

— Да, — засмеялся Аникей. — Пальм и фикусов не хватает.

Он бросил сигарету.

— Сейчас попробуем, как они чувствуют воду. Ох, черт! Седла-то снять забыли. Сейчас я сниму, ты сиди. Их никак нельзя мочить. Мокрый войлок — коню беда, враз спину сотрет.

Аникей распустил подпруги, отнес седла к лодке. С трудом взобрался на Орлика.

— О-хо-хо! Совсем никудышный я кавалерист. — И, натянув поводья, легонько дал Орлику шенкеля и направил его к реке.

Орлик послушно, осторожно ступил в воду, вошел в реку по колена; Аникей повернул его и прошелся немного по воде вдоль берега.

— Этот пойдет. Давай теперь Серого.

Аникей залез на Серого, натянул поводья, но конь мотал головой и не хотел идти в воду.

— Дай прут, Афанасьич!

Аникей стукнул коня пятками по животу, хлестнул прutom и тот покорно пошел в воду.

— Поупрямится и пойдет как миленький! — сказал он деду. — Только не либеральничай, прут не забудь. Давай еще договоримся о сигналах — с того берега не докричишься. Руки скрещены над головой, — значит, «внимание!» Обе руки резко вверх и вниз — «пошел!» Обе руки в стороны — «возвращаюсь». Без сигнала не трогайся.

— Понятно, понятно.

— И пожалуйста, все время следи за мной, не отвлекайся. Ну, что ж, начнем с богом.

Аникей приладил к поясу сумку, положил туда три мотка капроновых линий, концы которых были закреплены на тополе, на лодке и на Афанасьиче. Сел на Орлика, попробовал, как будет стравливать веревки, — все получалось.

— Пошел!

Орлик, как и раньше, осторожно вошел в воду.

— Давай, давай, Орлик, — шептал Аникей. Вода уже была коню по брюхо. Орлик поплыл, высоко держа голову. Аникей одной рукой вцепился в поводья, другой лихо-радожно стравливал веревки. Волна сильно ударила лошадь, и ее начало сносить.

— Давай, давай, Орлик! Родной! Выноси, родимый!

Веревки шли хорошо. Аникей залило по пояс, он чувствовал, как вода струйками течет и в штаны и в торбаса.

— Быстрее, Орлик! Быстрее! — Аникей со страхом смотрел, как Орлик тянул голову из воды. Он боялся, что вода попадет коню в уши, говорят, они после этого сразу тонут, он боялся, что волна хлестнет его в пасть и конь не выплывет.

— Давай, Орлик! Весь сахар тебе отдам, родимый, держись! Держись, Орлик! — шептал Аникей.

Аникей не чувствовал холодной воды, все его мысли были там, на берегу.

— Хорошо, Орлик! Хорошо! Не бойся!

Течение было сильным, но конь с ним справлялся, клубки разматывались. Еще немного... совсем немного.

— Есть! Есть! — заорал Аникей.

Конь почувствовал под ногами дно, течение ослабло, и Орлик быстро стал выходить на берег.

Аникей соскочил с Орлика, бросил сумку, прижался щекой к морде лошади.

— Молодец, Орлик! Молодчага!

Конь стоял, опустив голову, с него стекала вода, он подрагивал.

Аникей придавил камнями два тонких линия, а толстый канат взял с собой и пошел укреплять его на тополе. Затем так же, на всякий случай, сначала привязал тонкие веревки к деревьям, взял ту, что тянулась от лодки, и вышел на берег. Скрестил руки над головой — «внимание». Опустил резко обе вниз — «пошел!»

Афанасьич защелкнул карабин на тросе, столкнул лодку в воду, и Аникей быстро начал выбирать носовой лить.

Течение тащило лодку вниз, веревка образовала угол, но Аникей быстро перебирал веревку, а карабин скользил хорошо. «Веревку надо натянуть повыше, провисает», — думал Аникей. И вот лодка царпанула гальку.

Аникей подбежал и подтащил ее повыше на берег и стал разгружать. Разгрузив полностью, вытащил ее на берег, отцепив карабин. Нашел рюкзак с продуктами, достал сахар, захватил в каждую руку по полной горсти и понес Орлику.

— Ешь, Орлик! Ешь!

С сахаром конь управился быстро, и Аникей пошел разжигать костер. Когда занялся большой огонь, Аникей подумал, что надо бы сообщить деду, чтобы перевязал трос повыше, но кричать было бесполезно.

Тогда он вырвал из полевой книжки лист, написал деду записку, срезал карабин с веревки и примотал записку к карабину бинтом, спустился к воде и скрестил руки над головой.

Дед внимательно следил за Аникеем. Аникей нашел поувесистей гальку, швырнул в деда, но камень, немного не долетев, упал в воду. Тогда Аникей отступил немного назад, разогнался и высоко послал карабин. Карабин упал на берег. Дед подобрал его, разбинтовал, прочитал записку.

Аникей видел, Афанасьич полез на дерево, чтобы перевязать трос двумя метрами выше, как он писал. Когда дед спустился, Аникей со своей стороны полез на дерево, поднял трос на два метра и, как можно сильнее натянув его, завязал, несколько раз обмотав ствол тополя.

Дед уже сидел на Сером в ожидании команды. Мысленно он прощался с жизнью, а разумностью его поступков руководила безысходная обреченность.

— Пошел! — скомандовал Марков.

Афанасьич пристегнул веревку от пояса к тросу, карабин держал надежно, веревка не тянула — был еще припуск. Он хлестнул Серого, натянул поводья, крикнул на коня и снова его хлестнул. Серый видел, что Орлик уже на том берегу, он видел, как лошадь плыла, и понял, что от него ждут того же и это не страшно. Он спокойно вошел в воду и поплыл. Аникей тянул веревку, которой была обвязана грудь деда, сбрасывая метр за метром.

Лошадь сносило, трос сильно натянулся, но карабин крепко держал седока, да и Аникей потихоньку их подтягивал.

Серый высоко держал голову, как и Орлик, но с течением справлялся труднее. На середине реки он выбился из сил, вдруг развернулся спиной к течению, волна уда-

рила его и понесла вниз, а трос вырвал Афанасьича с лошади, и тот ухнул в реку.

— А-а-а-а!!

Что было сил Аникей тащил старика, не чувствуя, как веревка впивается ему в руки. Несколько раз Афанасьич зарывался в воду с головой, и тут Аникей мгновенно повернулся спиной, перекинул литье через плечо и что было сил потянул его от реки к лесу.

Когда он оглянулся, дед уже лежал на мелководье.

Аникей подбежал, отцепил карабин, взвалил на себя старика и вытащил его на берег.

Дед был жив. Он стоял на коленях, и его рвало. Аникей вытащил нож и осторожно разрезал веревку. Он тяжело дышал и только сейчас почувствовал, как болят ладони. Кожа с них была сорвана.

— Наглотался, сердешный. Ты уж прости меня, Афанасьич! Прости!

Дед мотал головой, стонал, его выворачивало. И вдруг он затих, отполз в сторону, лег на землю.

— Живой, дед, живой, — шептал Аникей.

— А? — поднял голову старик.

— Живой! — заорал ему в ухо Аникей.

Он помог старику подняться, довел его до костра, усадил. Потом подбросил в огонь дров.

— Сушись, отогревайся. Я пойду Серого искать, может, он где-нибудь ниже по течению выплыл.

Аникей надел на Орлика седло, затянул подпруги, вставил ногу в стремя, тяжело взобрался на коня.

— Но-о, Орлик! Пошли!

...Вернулся Марков под вечер. Дед уже оклемался, обсушился, переоделся. Палатка была поставлена.

Аникей подъехал к самому костру. Сидел на Орлике, не слезая. Афанасьич вопросительно смотрел на него.

Аникей молчал. Потом выдавил:

— Нет нигде. Ни живого, ни мертвого. Может, прибит где-то под корягой. Может, унесло... не знаю... вот. Он слез с коня, сел поближе к огню.

— Мокрый я весь, дай чью, совсем мы обезлошадели. Что делать-то?

Глава девятая

Утром вышли рано и шли весь день, не разговаривая. Не о чем было разговоры вести — каждый со своими мыслями. Единст-

венное, что еще согревало Аникея в пути, — воспоминания об Ольховке, о Мелании. Таким далеким сейчас все это казалось, что впору сомневаться — а было ли вообще?

В одном он был уверен, назло обстоятельствам, что сопровождают его в пути, — он скоро, обязательно скоро увидит Меланию. И чем быстрее и дальше уходил он от нее сейчас, тем скорее приближалась их встреча. Неосознанно он жонял это еще тогда, при прощании, когда Мелания вернулась. И первый его шаг от нее был шагом к ней. Он не знал, как произойдет их встреча, но верил, ощущал это, как сейчас ощущает ночь, лежа в сыром спальном мешке, как ощущает холод и шелест снега, застилающего палатку.

«Надо торопиться, — подгонял он себя, — надо торопиться».

Он боялся, что после случая в реке Афанасьич может заболеть, простудиться, например, или, что еще хуже, слегка повредиться умом. Но, как всегда в поле, необъяснимо сработали все защитные силы организма, дед даже не кашлял и вел себя как обычно, вот только больше, чем обычно, оба молчали.

Афанасьич не расставался с ружьем, но с самой Ольховки им ни разу не встретились дичь. И сейчас все вокруг будто вымерло — ни зайцев, ни куропаток, ни запоздавших с отлетом утиных стай.

«Хоть бы что-нибудь живое пролетело — сова или ворон, — думал Аникей. — Хоть бы лося встретить... хоть бы медведя».

Ничего. Даже следов не видать на свежей пороше. Будто зверья и птицы здесь отродясь не водилось.

«Место какое-то... страшное».

Снег шел мокрый, густой, где-то к полудню он таял, а с вечера шел снова. Орлик искал траву под снегом, копытил, но как-то лениво, неохотно, он худел на глазах. Его подкармливали понемногу, чем могли — сахаром, хлебом, остатками крупы.

Седло Серого, перевернув, укрепили крест-накрест на седле Орлика, между двумя вьюками, и на него положили груз Серого. Поклажа горой возвышалась на спине коня, впереди шел Аникей, отыскивая места для прохода, чтобы Орлик не цеплял за деревья, а Афанасьич шел

сзади с ружьем, поглядывая по сторонам, все еще на что-то надеясь.

Сейчас кругом была тундра, ни дерева. Только чахлые кустики бегулы — карликовой березки — попадались на пути. Да ягода в изобилии — брусника и шикша.

Здесь же на равнине застал их ночлег. Палатку установить было негде — еле нашли небольшой холм, разбили лагерь на его склоне; вместо стояков для палатки приспособили карабин и ружье, а растяжки укрепили с помощью камней и седел. Кустиков ягод, мха и веточек бегулы для костра хватило.

— Завтра будем на месте, — сказал Аникей. — Вон там у сопки, — он показал, — перевалбаза. Там же посадочная площадка геофизиков. Иногда к ним летают, когда погода. И если они еще не свернули свою экспедицию.

— Совсем?

— На зиму остается один человек с рацией. Следит за балками и площадкой. Пастухов принимает, когда зимой подкочевывают. Склад с продуктами должен быть.

— Осталось две пачки галет и две банки консервов, — сказал дед.

— А чай?

— Есть.

— На завтрашний день этого хватит, был бы чай, вон сколько ягод!

— Давай, Никей, сейчас пособираем немного, пока снег не пошел.

— Правильно мыслишь! Давай котелок! Эх, и поедим завтра!

К нему возвращалось нормальное рабочее настроение. «Что мы, как сычи, надулись и молчим всю дорогу? — думал он. — Так ведь и сдвинуться можно. Хватит! Наперезживались! Работать надо. Работать! Хуже уже не будет... не должно быть».

— И кустиков нарубим, — сказал Аникей. — Заготовим побольше веток на утро, в палатке они за ночь немного подсохнут, а?

— Верно, верно, — встрепенулся дед.

Они быстро набрали ягод, заготовили топлива, наскоро попили чаю, и Аникей первым полез в палатку. Дед подошел к Орлику и воровато скормил ему три галеты.

Аникей не спал и был весь там, в Ольховке. Тогда в ночь, перед утром прощания, она встала с постели и подошла к окну, раздвинула шторы, чтобы узнать, идет ли дождь. Она так хотела, чтоб шел дождь, чтоб Аникей не уходил в это утро.

Дождя не было. Громадная луна висела в небе, и тяжелые облака плыли мимо нее. Лунный свет залил комнату. Он струился, обтекал тонкую темную фигурку, заставшую у окна, и Аникей был ослеплен луной, как солнцем.

Она шевельнулась, и длинная тень ее качнулась на стене. Она тихо вернулась в постель, и ему казалось, одежды из лунного сияния колыхались на ней.

— Так хорошо, да? — шепотом спросила она.

Ее длинные черные волосы отливали в лунном свете серебром, они казались белыми, они, как дождь, струились у него между пальцев, и была она такая красивая — красивее дождя.

У него защемило сердце, и он подумал о том, что скоро будет прощаться, что эта ночь кончится, кончится скоро.

От ливня лунного света, затопившего комнату, неясная тревога поселилась в его сердце, тревога о том, что ждет его впереди.

— Я зашторю окно, — сказал он.

Они не спали, и утро не наступало долго.

Она зашептала что-то, и он уловил мелодию. Потом откинулась на подушку, засмеялась, запела чуть громче, и он угадал чукотские слова.

— Что это? — спросил он.

— Ты же просил... помнишь? Песня девушки с Голубых Озер.

— Но ты говорила «нельзя», только на праздниках.

— Сейчас можно.

— О чем она?

— Девушка поет о юноше, — она засмеялась, — о красивом юноше, который из-за далеких гор однажды пришел к Голубым Озерам из чужой страны и остался тут навсегда и никак не может вернуться домой... так сильно полюбил он девушку, которая ради него не может покинуть Голубые Озера.

— И все? — спросил он.

— Нет, она поет дальше о том, что такая участь ждет

и других юношей, если им выпадет счастье увидеть Голубые Озера и девушек, что родились тут. Все.

— Ух ты! — засмеялся он. — Самонадеянная девушка.

Она улыбнулась:

— Не знаю. Так в песне поется. А песни зря не бывают. Значит, все правда.

Она прижала его голову к своей груди, и он услышал, как бьется ее сердце.

...Сейчас Аникей лежит в палатке, вход застегнут на все пуговицы, он не видит ночи, но знает, что на небе ни единой звездочки; тяжелые облака легли на вершины гор, и ему хочется курить.

— А мы вас давно заметили, — встретил Аникея парень в летной форме. — Откуда, думаем, идут такие Дон-Кихот и Санчо Панса?

— Что-нибудь для нашего Росинанта найдется?

— А как же? Вон столовка, спросите Андрея, это наш повар. Сами-то как?

— Да не мешало б.

— Тогда поспешите, пока горячее. Мы недавно победили.

Столовая оказалась маленьким балком с двумя комнатами. Одна — кухня, вторая — зал на два раскладных дачных столика с такими же раскладными стульчиками для восьми персон. Вот и вся пищевая точка.

Афанасьич проник на кухню.

Повар Андрей вылил ему в ведро остатки борща, навалил туда же каши, сухарей, выдал две буханки хлеба.

— Надо будет добавки, — приходи. А вода вот — в бочке, — Андрей протянул гостям две тарелки. Одна с котлетами, вторая — с макаронами. И чайник с какао. — Заправляйтесь!

Перевалбаза Южная Озвереевка была пуста. В балках расположилась летная группа, обслуживающая геофизиков. Приходили сообщения, что пастухи скоро подойдут, но совхозный радист, обычно живший на перевалбазе, все еще был на центральной усадьбе, а это значит, не ранее забоя оленей начнется здесь интересная жизнь.

Летчики содержали дома в порядке, склад не трога-

ли — волноваться было не о чем. Экспедиция геофизиков, а вместе с ней и летно-обслуживающий персонал должны закончить все работы уже на этой неделе. Так, во всяком случае, поведал Аникею парень в летной форме, оказавшийся начальником площадки. Парня, несмотря на молодость, почему-то величали тут Иваном Ивановичем.

— На ту неделю хорошее метео, — сообщил Иван Иванович, — в три дня справимся.

...Пока Орлик занимался ведром, гости успели пообедать. Афанасьич пошел за водой для лошади. Раскрыв бачок, увидел живую рыбу.

— Смотри-ка, харитон!

Андрей рассмеялся:

— Испугался небось? Это мы придумали, чтоб вода холодней была. В деревне лягушек в молоко бросают, а мы харьюза. Пусть плавает.

— И так холодина, — сказал дед.

— Пусть до ужина плавает...

— Аквариум развели, — бурчал Афанасьич. Налил воды в ведро и, прихватив коню еще полбуханки свежего хлеба, пока не видит Андрей, вышел на улицу.

— И это вся ваша живность? — спросил Иван Иванович. Он стоял и гладил Орлика.

— Видите, тощий да маленький, — начал издалека Аникей. — Старый конь. Хлопот, кроме кормежки, никаких.

— Георгий, — позвал Иван Иванович.

Подошел молодой парень в такой, как у Ивана Ивановича, летной форме.

— Жора, как тебе этот аргамак?

— Шагай, геолог... — усмехнулся Жора. — Совсем коня замордовали...

— Такова жизнь, — потупил глаза Аникей.

— Вот я и говорю, — продолжал Иван Иванович. — Они просят спецрейс. А ты пустой идешь. Возьмешь скакуна?

— В позапрошлом году, как сейчас помню, в салоне вертолета возили, — вмешался Аникей. Он начал отчаянно врать. — А в «Аннушке»-то и того проще. Тоже возили...

— Я знаю, — сказал летчик. — Есть инструкция, читал когда-то, но не помню.

— Ну вот, — обрадовался начальник площадки. — И полетите. Я вижу, животина спокойная.

— Как бы не окочурился. Совсем он у вас дохлый, — сказал летчик. — Готовьтесь, завтра с утра. При любой погоде. Тут летать — ого-го, один пишешь — семь в уме. Шагай, геолог.

— Молодой еще, — сказал Иван Иванович, когда Жора ушел. — Первый год летает. Вы на него не обижайтесь. Они, молодежь, нынче гонористая.

Аникей еле сдерживал улыбку — Иван Иванович был самую малость старше Георгия, выглядел ровесником.

«Ну, вот и все, — облегченно вздохнув, подумал Аникей. — Прилетим завтра. Афанасьич отведет Орлика на конебазу. Я пойду к начальству. А потом дам телеграмму Миле. Нет, сначала дам телеграмму, а потом пойду к начальству. Она прилетит, и поедем в отпуск. Нет, сначала надо комнату выбить для нас в общежитии. А может, у Афанасьича поселиться? У старика все-таки дом. Он бы на кухне спал, а нам — комната. Гм».

Мысли о предстоящих хлопотах развеселили его, он живо себе представил, как будет заниматься знакомым для него по первой свадьбе делом — хождением в местком, заявлениями начальству, покупкой чего-нибудь, без чего невозможен так называемый уют. Все это было так не похоже на жизнь, которую он вел раньше, что сейчас забавляло его и совсем отодвинуло на задний план завтрашние заботы.

Афанасьич входил в доверие к повару Андрею. Он взялся помогать ему чистить рыбу, мыть посуду, таскать воду — всячески быть «на подхвате», чтобы таким хоть образом отработать бесплатное питание и выяснить, где что «плохо лежит», чтобы при случае скормить Орлику.

Андрей был им доволен. Жаловался только, что по такому случаю не мешает чего-нибудь крепкого, но у них все кончилось, а брагу варить Иван Иванович не разрешает, да и дрожжей осталось совсем мало, только для выпечки. Надо экономить. Да опять же ждать три дня как минимум.

Дед поддакивал, сокрушался, сетовал на тяготы полевой экспедиционной жизни, вздыхал:

— Ни вина, ни кина, никаких тебе собраний...

Повар Андрей был из тех людей, возраст которых трудно определить. В тундре часто встречаются бородатые молодцы, которым одинаково можно дать и тридцать, и сорок. Но Афанасьич на правах старшего все же наставлял его. До Аникея, когда он пришел выпить чаю, долетели обрывки разговора. Беседа шла о самых важных проблемах, о семейных.

— Жену надо бить каждый день, кроме тех раз, когда посылаешь ее с бидоном за пивом,— исповедовался Афанасьич.— Баба, она что? Она любит, чтобы ее били. Она это уважает. Вот у меня была жена...

— Была? — спросил Андрей. Он с удивлением выслушивал семейный кодекс деда.— Умерла, что ли?

— Да нет, ушла...

— Колотил, значит?

— Ни-ни! Ни боже мой! За всю жизнь пальцем не ударил. Вот потому и ушла. А если б поколачивал, до сих пор бы жили.

— Откуда знаешь?

— Я, брат, чувствую. А так вот совсем один. Загремлю — и все. Два венка от профсоюза. Спи спокойно, дорогой товарищ.

— Ну уж, ты заладил! — искренне завозражал Андрей. — Да на тебе еще всю тундру перепахать можно! Это молодежь нынче хилая, хоть и акселерация. Мы им сто очков дадим, видел я молодых в тундре. Только и думают, как бы на базу сбежать.

— Не-не,— сказал Афанасьич.— У нас в экспедиции таких нет! Нет!

«Молодец дед, патриот,— усмехнулся Аникей, — своих в обиду не дает».

Он налил себе еще чаю. Дед подsunул ему тарелку масла и целую буханку хлеба. Принес новую пачку сахара. Чувствовалось, что на кухне он уже освоился основательно.

— Я Орлика в сарай отвел, — сказал он Аникею,— чтоб ночью не замерзал. Там даже печь есть, я ее подтопил.

— Это не сарай,— сказал Аникей,— да ладно, хозяев нет, ничего страшного.

— А что?

— Просто дом такой, брошенный, мастерская. Все

равно его ремонтировать. Орлик ничего не наделает?

— Уберем,— сказал каюр.

— Я кустов нарежу,— сказал Аникей.— А ты уж тут на кухне управляйся, хорошо у тебя получается. — И он подмигнул деду. Дед понимающе кивнул. Все, мол, будет в порядке, житуха для людей и коней. А как же иначе?

Сами на ночь расположились на полу в помещении столовой в спальных мешках.

— Тепло тут,— посоветовал Иван Иванович.— И чай близко. Как в гостинице!

...Было действительно тепло и уютно. Так блаженно не спали Аникей и каюр за все время пути.

Раньше всех утром пришел повар Андрей. Подивился на богатырский сон геологов. Решил не будить, старался потише греметь посудой — понимал, люди намаялись, пусть отдохнут, дорога их еще не кончилась. И начал затевать блины.

Механик уже возился у «Аннушки», запустил мотор.

Пришли завтракать пилоты, Аникей и Афанасьич тоже сидели за столом, они проснулись от шума мотора и вмиг собрались, не успев умыться.

— Ну, что у вас? — спросил Жора.

— Все в порядке.

— Грузитесь,— скомандовал Жора.

Аникей и Афанасьич затащили в самолет мешки и вьюки, соорудили из трех досок небольшой трап.

— Ну, и как вы его потащите? — с интересом следил Жора.

Афанасьич взял Орлика за уздечку, повел, и тот спокойно пошел в машину, чуть пригнув голову у входа.

— Смотри-ка? — удивился Жора.

— Видать, не впервой,— сказал второй пилот.

Аникей помог Афанасьичу втащить в самолет трап, летчики протиснулись между конем и вещами в кабину, Аникей задраил дверцу — бортмеханика в рейсе не было.

Жора откинул в проходе в кабину брезентовое сиденье, показал Аникею — садись, мол. Тот устроился между пилотами, и самолет начал выруливать.

Из кабины Аникею хорошо были видны освещенные ярким солнцем заснеженные сопки — на небе ни

тучки. «Самая что ни есть летная погода, — подумал он. — Хоть напоследок с погодой повезло».

Машина уже набрала высоту и ложилась на курс.

На вираже ее трягнуло, потом еще раз. Потом она будто провалилась в какую-то яму. Летчики переглянулись.

«Странно, — подумал Аникей. — Такая тихая погода, а болтанка».

Афанасьич постучал его по спине, он оглянулся. Орлика тошнило. Он всхрапывал. Под ним было мокро. Задние ноги его разъезжались, он бил копытом, часто падал на бок, но вставал, оседал на зад, но снова поднимался.

— Что там? — прокричал ему на ухо Жора.

— Конь... ему плохо...

— А, черт!

Самолет попытался подняться еще выше, пилоты его хотели выровнять. Машину трясло.

— Центровка нарушается, я не сяду! — орал Жора. — Что там?!

Аникей вылез из кабины в салон. Жора передал управление второму пилоту, а сам тоже спустился.

Конь падал, взбрыкивал, оседал, бился о борта самолета, казалось, что сейчас машина развалится. Афанасьич прижался спиной к первому иллюминатору, совсем вжался в борт, боясь, что лошадь его зацепит. Глаза у Орлика были красными, на губах пузырилась пена.

— Осторожно! — крикнул Жора Аникею, и тот прижался к борту.

Самолет еще раз качнуло, Орлик повалился вперед, толкнул пилота головой, Жора опрокинулся на мешки, ударился затылком о железо.

— Бешеный! — заорал Жора. Он встал, нашарил в кабине что-то рукой. — Самолет развалит!

Аникей тоже был перепуган. В шуме моторов, грохоте, крике людей он не расслышал, как прозвучали три выстрела, он только увидел пистолет Жоры и рухнувшего на передние ноги Орлика.

Жора оттолкнул Аникея, тот повалился на выюки. Пилот скрылся в кабине и через считанные минуты «Аннушка» приземлилась на площадке геофизиков, откуда недавно стартовала.

Стало тихо. Никто не поднимался со своих мест. В иллюминаторы было видно, как к самолету бегут люди — второй пилот успел передать по радио о ЧП.

Аникей смотрел на бездыханную лошадь и удивлялся, что почти совсем нет крови, хотя все три пули вошли в голову. Он все это отмечал механически, все еще не мог осознать случившегося, не мог прийти в себя.

Первым встал второй пилот, осторожно прошел в хвост самолета, открыл дверцу, спрыгнул на землю, к людям.

За ним вышли остальные.

— Как же так, а? Как же так? — зачастил Иван Иванович. Все молча направились в диспетчерскую.

— Чуть машину не угробили, — сказал Жора. — Составляйте акт.

— Привязать надо было как-то, — причитал Иван Иванович. — Раскрепить. А? Как же так?

— Даже не стреножили, — вспомнил Жора. — Уберите его, — обратился он к рабочим.

Все пошли помогать Афанасьичу. Достали брезент, выволокли тушу, потащили на брезенте к краю площадки, к бочкам.

— Лететь надо, — торопил Жора Ивана Ивановича, — заканчивай с этими бумагами. Они, в основном, им нужны. Мы-то что? Все по инструкции. Нельзя же рисковать.

...Аникей сидел на земле возле Орлика и плакал. Подошел Афанасьич.

— Ну, чего ты, Никей? Не надо. Слышишь? Не надо.

— Сволочи, он меня из реки спас, сволочи.

— Не надо, Никей. Иди к ним, зовут, лететь надо.

— Я не полечу с ними.

— Лететь надо, Никей.

— Не полечу, лети ты один. Позвонишь, за вещами пришлют машину. Лети один. Я после.

Афанасьич направился к самолету.

«Аннушка» взлетела, и Иван Иванович сказал Аникею:

— Ты уж прости, так вышло. Молодой Жора летчик, испугался. С его стороны нарушений нет... Как написать, чтоб тебе-то ничего не было?

— Как хочешь.

— Ладно,— Иван Иванович повернулся и пошел в диспетчерскую.

Аникей выкурил сигарету, потом встал и пошел искать лопату.

Яму он вырыл рядом с трупом. Позвал Андрея, и вдвоем они столкнули Орлика в яму, прикрыли брезентом. Андрей оставил Аникея одного. Тот начал засыпать могилу. Потом вспомнил, прыгнул вниз и отвязал колокольчик. Долго зачем-то крутил его, рассматривал, положил в карман.

Нашел три больших камня, перетащил их на могилу, посидел молча, закурил.

— Все,— сказал он. — Прощай, Орлик.

— Посмотрите, Иван Иванович, — Аникей развернул карту. — Мне нужен хотя бы абрис вот этой территории, за рамкой. Хоть приблизительно наметить азимут.

— У тебя двухсотка, а мы летаем по полумиллионке,— ответил Иван Иванович.

— Ничего, сойдет.

Начальник принес карты.

Аникей расстелил их, достал компас, курвиметр, миллиметровку из полевой книжки, карандаши.

— О, тут совсем немного,— сказал Аникей,— около сотни кэмэ.

— Пешком решил?

— Налегке я это быстро одолею, да еще по такой погоде. Главное, рек впереди нет, это хорошо.

— А то бы летел завтра, а? — предложил Иван Иванович.

— Нет, я пойду.

— Пообедать сперва надо, на дорожку, — сказал Андрей. — По дороге ресторанов не будет. Наедайтесь впрок.

— Спасибо. Это верно.

— И с собой захватите, чего надо.

Тут только Аникей вспомнил, что его рюкзак и ос-

татки продуктов сейчас вместе с Афанасьичем в самолете.

«Планшетка, нож и пистолет — вот и вся хозяйство», — развел он руками.

— Поможем,— засуетился Иван Иванович.

Из пилотской комнаты он принес свежую наволочку. Андрей положил туда пачку сахара, две буханки хлеба, три банки мясных консервов и две рыбных, три пачки чаю, завернул масла, добавил сухарей и банку сгущенного кофе.

— Хватит, спасибо,— сказал Аникей,— мне всего-то дня на два.

— Где два, там и три, свой груз не тянет,— сказал Андрей. — Курева тоже нет?

Он бросил туда же пять пачек «Примы», десяток коробок спичек. Нашел большую пустую банку из-под сухого молока.

— Это тебе вместо котелка. И кружку бери, и ложку.

— Спасибо, только это... у меня с наличными туговато.

— Брось! В Анадыре как-нибудь сочтемся.

— Идет. За мной не пропадет.

— Да ладно уж. Давай обедай, рассольник да блины с завтрака остались, второе еще не готово.

Аникей привязал к нижним концам наволочки веревку, и у него получился заплечный вещмешок.

Аникей шел два с половиной дня. Дорога и короткий у костров сон вконец измотали его.

«Осталось немного,— твердил он себе.— Все это скоро будет в прошлом».

Он боялся только снегопада или дождя. Без крыши над головой можно замерзнуть. Но маршрут шел по границе лесотундры, дрова были, а там, где начнется сплошная равнина, до города будет рукой подать. Это он знал.

«Осталось немного... Скоро все это будет в прошлом».

Он не жалел, что не принял предложения Ивана Ивановича и не дождался следующего самолета. «Как это говорил дед? — вспоминал Андрей. — Человек

сильнее лошади, да идти осталось совсем немного».

Он не хотел только, чтобы в прошлом осталась Ольховка. Он не хотел, чтобы она окончательно осталась в прошлом, как будто ее и не было. Но когда он думал о Мелании, сомнения одолевали его.

«А вдруг я вообще такой невезучий? Зачем ей тогда связываться со мной? Вдруг я ей ничего, кроме несчастий, не принесу?»

Эта мысль пугала его, на какое-то время овладевала им, но он отгонял ее, как наваждение.

«Глупости, не может человек все время быть невезучим. Ведь был же я счастлив в Ольховке! А сейчас? И сейчас я счастлив, если так спешу в город. И за это приходит расплата. Орлик... все на весах судьбы — один к одному. Больше мне платить не за что, ничего хорошего не было, разве что за будущие радости отмычаться авансом?» Он усмехнулся, согласен.

Каждому геологу хочется простых житейских радостей, и чем труднее работа, тем чаще вспоминаешь город, откуда тебя забросило сюда, потому что с городом ассоциируется все хорошее, пока тебе трудно или плохо.

Иногда ему виделось шумное застолье и веселые лица друзей, иногда он видел тишину и пронзительное соло саксофона, вдыхал аромат крепкого кофе и затягивался вкусной сигаретой... а однажды привиделась женщина, лица которой он потом так и не смог вспомнить.

Все это было раньше, во время длинных дней работы в тундре. А сейчас, когда он думал о немудреных радостях города, то все чаще ловил себя на том, что не мыслит все это без нее, без того, что осталось там, за далекими заснеженными хребтами, в Ольховке.

«Все проходит, — вспоминал он ее, — только хорошее проходит быстрее».

«Нет! — не соглашался он. — Хорошее еще вернется, все еще повторится».

...Аникей Марков давно уже был за обрезом карты и сейчас, определяясь по схеме, подсчитал, что к вечеру будет в Анадыре.

Он подкрепился, набрал большую связку веток для последнего в маршруте костра — впереди ожидалась многокилометровая болотистая равнина — и вышел на вершину холма. Далеко впереди, почти у самого горизонта, уходил в небо дым.

«Вот он, город, один бросок».

Он пошел быстрее, а через три часа разложил последний костер, съел все, что оставалось, и зашагал дальше. Однако мешок его не стал пустым. В нем находились образцы, набранные по дороге, но «свой груз не тянет», и к вечеру Аникей действительно стоял на обрыве, у лимана, и смотрел на веселые вечерние огни.

Рейд также был залит светом — последние пароходы навигации.

Он стоял, смотрел на город, и ему не хотелось бежать вниз к катерам...

Он устал, устал от ожидания, от того, что будет, от счастья и слез, что он уже пережил, когда думал об этом. Он знал, как все будет, но устал, и идти ему не хотелось.

Он не торопился делать последнего шага — а вдруг что-то будет не так, как ему представлялось. И ему хотелось просто вот так стоять и глядеть на город. Вот он, город, рукой подать. Вот оно все, о чем мечталось все трудные дни тундры.

Он смотрел на веселые огни, был счастлив ожиданием и не торопился.

Глава десятая

Аникей Марков стоял у доски приказов в коридоре, курил, ожидая, пока начальник освободится, читал параграфы, о себе не нашел ничего.

«Это уже хорошо», — подумал он.

К нему подошел главный бухгалтер экспедиции, тоже заядлый курильщик.

— Ну-с, — спросил он, — не прикидывали, во что обойдутся вам ваши кони?

— Наши? — спросил Аникей.

— Ваши, — ответил бухгалтер.

«Тут уже все знают, — подумал Аникей. — Ну да! Дед-то вернулся давно! Конечно».

— Так получилось, — вздохнул Аникей.

— Акты есть?

— Какие акты? Может, в поле печать с собой брать? — начал раздражаться Аникей.

— Нужны бумаги, подтверждающие гибель животных по не зависящим от вас обстоятельствам, — сказал бухгалтер.

— А без бумаг, выходит, сам я пустил их в расход, да? А вы знаете, что их на базе кормить было нечем. Трава пропала. Их бы, по-хорошему, оттуда еще бортом вывезти надо было, да вертолет ожидали только один, а вам бумаги подавай!

— Нет, но ведь знаете, на суде могут найти статью о преступной халатности или разбазаривании казенного имущества, по-всякому можно.

— На каком суде? А вы бы их довели, сохранили? Да знаете вы, что для нас были эти кони?! Эх вы...

— А вы думаете, если мы сделаем на вас начет в такой... ого-го! — сумме, вы не будете жаловаться?

— Гм,— замолчал Аникей.— Или я отупел в поле, или совсем ничего не понимаю. У меня до сих пор в ушах звенят колокольца.

— Какие колокольца?

— Колокольчики. Вы давно в экспедиции? — спросил Аникей.

— Нет. Я работал на приисках.

— Вот и видно. Не полевик...

— Не скажите. Специфику поля я знаю. А закон, он всюду закон. Фотографии павших коней есть?

— Фотоаппарата в поле не было,— ответил Аникей.— Не до пейзажей.

— Ну, могли бы взять уши...

— Что?!

— Отрезать у лошадей уши — вещественное доказательство. Когда-то очень давно так поступали, а то ведь мало ли куда лошадей можно деть.

— Вы с ума сошли! — заорал Аникей.— Вы можете у лошади, даже мертвой, отрезать уши?! Вы что!

— Не кричите на меня. Я все же вас старше. Я вам советую по существу.

— Ладно, разберемся. — Аникей махнул рукой, бросил сигарету. В коридоре стояла секретарша и звала Аникея в кабинет к начальнику.

«Новенькая, — автоматически зарегистрировал он.— Фауна что надо! Гм... есть какое-то очарование в высоких женщинах, так и хочется их любить...»

Он вошел в кабинет.

— Теперь все, Аникей Фролович, отдыхайте, — сказал начальник. — А то на вас лица нет. Три дня после

поля положен отдых, пользуйтесь. А вертолет к вам мы пошлем завтра же. Хорошие вы принесли вести. Защитите полевой отчет, будете именинниками.

— Хорошо-то — хорошо, — начал Аникей.— Да с бухгалтером мы плохо поговорили.

— Бухгалтер должен быть занудой. Не удивляйтесь. Напишите рапорт о лошадях. Большую подробную объяснительную. Спишем. В соседней экспедиции комиссия работает — там геолог в реке погиб, дожди сильные шли, а вы говорите — лошади. Пишите рапорт и отдыхайте. Город ваш, три дня на разграбление, — начальник засмеялся.

— Меня только завтра проавансируют, — сказал Аникей.

— А-а,— понял начальник,— у нас была сегодня зарплата.

Он вытащил из кармана деньги, отсчитал три красненьких:

— Хватит до завтра?

— Нет, — сказал Аникей.

Начальник экспедиции отделил еще две.

— Хватит, — сказал Аникей.— Спасибо. Дайте, пожалуйста, нашим радиogramму о моем прибытии.

— Это мы сделаем сейчас, — сказал начальник экспедиции и протянул Аникею руку: — Всего доброго.

Аникей помыкался по комнатам экспедиции, они были пусты, никто еще с поля не вернулся. Потоптавшись у радиостанции, толкнул дверь.

— Личные принимаешь? — спросил Аникей.

— Куда?

— В Ольховку.

— Пиши.— Радист протянул ему бланк радиogramмы.— Что там такое с Ольховкой? Ты Маркова такого случайно не знаешь?

— Знаю... — похолодел Аникей.

— Вот... три радио ему оттуда...

Аникей схватил листки, начал читать, засмеялся, сгреб со стола пачку пустых бланков и, счастливый, выскочил из комнаты.

— Эй, парень, расписаться надо! — крикнул ему вдогонку радист. Улыбнулся, покачал головой.

«Все они с поля поначалу немножко того», — подумал радист.

«Крестовый поход» на блондинок

Повесть

Глава 1

С тех пор как он помнил себя, он помнил снег. И белый цвет в его ранней памяти это не белая грудь матери, не белое ее лицо, не белые ее теплые руки, а снег. Все его воспоминания начинались со снега.

Как-то знает, может быть, он и родился в снегу, но об этом знают только отец с матерью, и они ему никогда об этом не говорили, и знал он только одно, что родился на безымянном острове в Ледовитом океане, в западном секторе Арктики, на крошечной метеостанции, куда не летали самолеты, а суда приходили раз в год.

Разные берега его детства омывало Баренцево море, отец с семьей кочевал, и, когда наконец осел в глубине России, Андрей Матвеев закончил университет и попросился на север, домой, но ему предложили крайний северо-восток, за тысячи километров от западной границы, и он согласился — лишь бы север, лишь бы снегу побольше, там жить можно.

Вот так и живет до сих пор на Чукотке, сменяя периодически побережье на тундру, все ему тут знакомо, везде на полуострове он бывал, где проездом, где с экспедицией, а где и живал подолгу, — несколько зим.

Сейчас председательствует в сельском Совете, домик неказистый на берегу океана, окна кабинета смотрят в тундру, окна комнаты заседаний — в океанский простор.

Этот поселок на Чукотке Андрей Матвеев выделяет среди таких же других. Здесь ему спокойней, здесь легче дышится, здесь все чаще приходят к нему воспоминания детства, слагающиеся в мозаику мгновений, о которых раньше он не думал, все это вспомнилось ему здесь, и кажется Андрею, что эти горы, и море, и снег, эту бухточку и эти домишки где-то он уже видел. Мо-

жет быть, он видел такой же пейзаж еще тогда, в неосознанном детстве? Тогда, когда все еще было белым?

«Наверное, здесь снег такой, как в детстве... или просто это возраст... или одиночество...»

Живет Андрей в конце поселка в маленьком деревянном доме. В доме одна комната, большая кухня, кладовка, склад для угля и дров. Расположен он вдали от берега. Вот почему Андрей, когда желает остаться наедине с собой, идет на берег моря. Здесь легче думается. Здесь отдыхается. Да и просто смотреть на волны или темную гладь воды можно вечно, никогда от этой картины не устанешь.

У него на берегу есть свое место, вон там, за мысом. Надо подняться на холм, спуститься в долину и по долине идти на север. Сначала моря не видно, но слышны крики чаек, они все громче, и вдруг в этом птичьей гаме явно различается вздох волн, глухое ворчание стихии («ага, прибой, видать, сильный»), здесь тропинка поворачивает на восток, и вскоре (для новичка совсем неожиданно) ты стоишь на самом мысу, и отсюда видно далеко-далеко...

Андрей Матвеев и сейчас на этом мысу. Недавно он открыл, что не только у него, у многих есть свои места на берегу моря. Любят сюда ходить старики. А молодежь — та чаще парам.

Здесь как бы оказываешься перед лицом вечности. Годы пройдут, люди уйдут, а мыс будет, и волны эти будут, и чайки — вот в чем дело. Не всякий может себе это объяснить, но понимают, чувствуют это, наверное, все.

...Последние дни осени. На берегу суета — разгружаются пароходы. Картофель, спиртное, бочки с капустой и селедкой, много всякого товара. Матвеев видел, как бригада рабочих под руководством Кузьмича старалась. Почти на всех северах Кузьмич поработал, есть у него опыт.

Запретили на время навигации выдавать рабочим спиртное. Сухой закон на все время. Не грустит Кузьмич. Ящики с бутылками перегружает с парохода на плашкоут, с плашкоута — на берег. По длинному металлическому широкому желобу ящики сами с плашкоута катятся вниз. Желоб отполирован, аж блестит. Как только дается команда на обед, к концу желоба ста-

вится эмалированный таз. Кузьмич сам берет заветный ящик, трахает им по металлу — бутылки вдрызг, спиртное стекает по желобу в тазик. Естественный бой, предусмотренный правилами. Заведующему Торговозаготовительному пункту (ТЗП) сдаются запечатанные целые горлышки бутылок, ему горлышками отчитываются в бое стеклотары, все законно, у него претензий нет, лишь бы разгрузка шла хорошо и процент боя был в норме. Ну, а за закуской дело не станет — вон сколько картошки рассыпано, костер из ящиков можно мигом соорудить, а к печеной картошке капуста да селедка — первое дело, вынимай из бочки, не убудет.

— Ах, Кузьмич, Кузьмич! — качает головой Матвеев и отказывается от протянутой кружки.

Матвеев не всегда торопится осуждать Кузьмича. Кузьмич мужик работающий, любое дело у него спорится, если есть настроение. А что делать, если настроение у него частенько нуждается в допинге? Кузьмичу давно за пятьдесят, его не исправишь. А работать со своими парнями будет до самой темноты и при свете костров, кто его заменит?

Вот почему Матвееву, председателю сельсовета, на художества Кузьмича приходится закрывать глаза.

В прошлом году, тоже во время навигации, по радио сообщили, что ожидается цунами. Пришли дотошные люди к Андрею Матвееву. Ты, мол, голова, разъясни.

Достал Матвеев карту, расстелил, курвиметр взял, линейку, принялся считать.

— Не будет цунами, — сказал. — Не дойдет до нас волна; видите, на пути предполагаемого цунами лежит остров Святого Лаврентия. Он как раз наш берег прикрывает. Спите спокойно. — С тем и отправил ходоков.

Но берег что-то опустел. Сидел народ по домам, уповая на судьбу. А некоторые энтузиасты на самую высокую сопку забрались, кто с рюкзаком, кто с чемоданом. А один так даже с ковром. Сидят в меходежде, ждут. Один Кузьмич с ребятами на берегу.

— Ох, и зальет нас, — говорит. — Открывай вино, ребята, режь казенную колбасу!

Закусили тэзэпэвской колбасой — дефицитным сервелатом, банки с болгарскими персиками открыли. А сгнйного бедствия нет как нет.

Обеспокоенный отсутствием трудового ритма на бе-

регу, прибежал заведующий ТЗП. А бригада спит себе потихоньку, похрапывает.

Растолкал заведующий Кузьмича, составил акт на все выпитое-съеденное. Почесал в затылке Кузьмич, акт подписал — насчет в счет будущей зарплаты. А ребят успокоил:

— Все, что пропито-съедено, в дело все употреблено.

Начали паникеры с сопки спускаться, потом долго на улицу глаз не показывали, стыдно было. А народ ехидничал:

— Что ж у них там такое было в рюкзаках да узелках? С чем же это не могли в последний свой час расстаться?

Кое-кто от разговоров даже уехал, навсегда.

Смотрит Матвеев по ту сторону пролива на американский берег, вспоминает детство и американцев, когда те приехали после войны в большой порт на Кольском полуострове, где Матвеевы жили. Отец служил, а Андрей с братом Артуром в школу бегали.

Веселые парни, эти американцы, что офицеры, что матросы. Выменивали у пацанвы на шоколад и жевательную резинку длинные крюки из толстой проволоки, которыми ребята цеплялись за машины и на буксире на коньках поднимались по обледенелой дороге на перевал. А оттуда вихрем вниз!

У американцев коньков не было, так они то же самое умудрялись вытворять на лыжах. Правда, если кого машина на повороте заносила, тот летел в обрыв, крутой там склон был — на лыжах-то да на скорости да на ледяной дороге не затормозишь. Ну, а свалился — все равно потеха!

В школе производство проволочных крюков было поставлено на поток. Не знали американцы их второго назначения. Вовсе не для развлечения служили они ребятам. Надо терпеливо дожидаться машин, идущих из порта к складам с продовольствием. Особенно хорошо, если полуторка гружена капустой. Прицепишься сзади, идешь на подъем, у поворота сам добавляешь скорости, воткнешь крюк в кочан капусты — сбросишь его, второй вилок — туда же. Под обрывом ребята собирают, потом дележка.

Отец тогда впервые произнес непонятное слово «ленд-лиз». Понял Андрей только, что американцы при-

ехали за своими кораблями и машинами, которые они нам в войну давали. Только непонятно было, зачем они целехонькие «студебеккеры» под пресс в порту ставили и грузили на свои пароходы металлические лепешки.

Отец все время мрачный ходил. С утра до вечера драили они, вылизывали корабли, чтобы вернуть новенькими,

— Вы бы лучше их сломали, — вгорячах сказала мать.

— Разговоры! — осадил ее отец, кивнув на детей. Нечего, мол, при них... разводить.

Корабли были приняты американским командованием, а за океан их повели сдавать наши экипажи. Отцу на поход выдали дополнительный паек, и он его принес домой. Андрей помнит, что на столе вместе со свертками было несколько блоков папирос, а отец был некурящим.

— Отдай мне папиросы, папа, — попросил Андрей.

— Надеюсь, ты не куришь? — усмехнулся отец.

— Нет, — сказал Андрей. В доме верили друг другу на слово. — Но мне надо, для дела.

— Ну, бери, — и отец отделил ему одну упаковку пачек на двадцать.

Потом вместе со своим другом Сашей Никитиным они отнесли папиросы матросам, охранявшим склад с фильмами. Взамен получили полностью «Серенаду солнечной долины». Одному утащить фильм было не под силу, разложили коробки по двум мешкам, доволокли до школы. И когда надоело смотреть десятки раз одно и то же, просто на школьных вечерах пускали звуковую дорожку без изображения, в фильме было много джазовой музыки, и танцевали под эту музыку, пока учителей нет.

Сейчас Андрей смотрит с мыса на океан, на мокрый тающий снежок, на пролив, за которым в ясную погоду видны очертания скалы Фэрзуэй и мыса Принца Уэльского, и думает, какие они, американцы, сейчас там, за проливом? И помнит ли кто-нибудь из них, как Андрей когда-то менял проволочные крюки на шоколад и жвачку?

Глава 2

На мысу, только спуститься чуть ниже, у самых камней есть место, куда всегда приходит дед Кием. Иногда видит его там

Матвеев, не мешает старику. Дед посидит молча, выкурит несколько трубок и уходит домой. Идет медленно, опираясь на палку.

У ног старика плещется море, иногда в шторм брызги долетают. Дед курит свою трубку и смотрит слезящимися глазами в океан, будто ждет возвращения вельботов. Вся поза его — ожидание, хотя никого в море нет, никто не уходил на промысел морзверя.

Не один год и не десять приходит он так сюда и смотрит в море. Кажется, будто на всю жизнь выбрал он себе это место да и состарился здесь.

Давно это было, давно, не стар был Кием и весел, любил «огненную воду», работу даже забывал, если на столе было вино. Сын подрос, и ссорились они часто, не любил он выпившего отца. А жили вдвоем, никого у них не было.

Однажды пришел большой пароход, веселье было на берегу. Больше всех Кием веселился, много спирта домой приносил, шкуры нерпы менял, меха менял, клыки моржовые, фигурки из них, что сам на досуге делал — все отдал за спирт.

А когда пароход уплыл, вместе с ним ушел и сын. Собрал рюкзак и уехал в неизвестные края. Все. Нет его с тех пор. Долго еще Кием веселился, ничего не понимал.

Но однажды накатило на него одиночество. И дал он клятву, что вернет себе сына, если бросит пить. Пить ему хотелось постоянно; но главное — не нарушить клятву, бросить навсегда, и наградой будет возвращение.

Он чурался праздников и застолий, уходил из гостей, где было вино, тосковал и мучился, а годы шли. Как могло его сердце выдержать ужас постоянной тоски?

Он носил в себе горе, боялся его расплескать, казнил себя, и все с надеждой — во искупление!

Столько лет прошло, сейчас у Киема были бы взрослые внуки, а сына все нет. Старики уже и забыли, что у него был сын, да и сам Кием никому об этом не напоминает. Как плохонький огонек жирника тлеет в его душе надежда, что за постоянную боль сердца должно быть вознаграждение. Дождется ли его старик?

Сколько раз он думал покончить с собой, уйти к верхним людям; может быть, там встретит мальчика, если сын среди них... Но удерживала его вера, что есть пре-

дел всему и он дождется. Особенно трудно ему было летом и осенью, когда приходили пароходы. Зимой он не так ждал, он верил морю. Море взяло — море должно отдать. И глядит он вдаль, в туманный морской горизонт, а там в тумане скрылся последний пароход, и по морю плывут льдины, и скоро снова зима, до следующего парохода...

Глава 3

Матвеев знает, что скоро с этими местами он распротится. Может, поэтому и зачастил на берег. Он знает, что скоро к нему придет его друг, состоится сессия сельсовета и по просьбе Матвеева его освободят, Матвеев переедет в окружной центр, в родную экспедицию, где начал, но его общественная активность повернулась новой гранью судьбы, перекинули его парторгом совхоза, на южное побережье, затем надо было укреплять сельсовет на этом северном берегу, но время прошло достаточно, так ведь можно и основную профессию забыть, слезно просился Матвеев, и вот вроде возвращают назад, надо потихоньку с поселком прощаться, скоро уезжать, а уезжать всегда больно — столько связано с этим маленьким поселением, столько остается тут.

Не ахти какой большой начальник Матвеев, но должность такова, что и рождение человека, и свадьба, и смерть — все проходит через его учреждение, через его руки. Все люди у него на виду, а он у людей.

Идет по поселку Матвеев и невольно думает, что и ассигнования на новую школу он пробил, вон она стоит, уже детишки учатся, и строительство слипа для вытаскивания китов на берег — тоже при его участии, и новая жиртопка, и домик подлатали деду Киему, и пенсию ему выхлопотали тоже заботами Матвеева, да мало ли чего, если начать вспоминать...

Пенсию дед получил, удивился, что много дали по сравнению с его случайными заработками, пошел в магазин и истратил в один день — купил столярные инструменты, слесарный набор, чай и сахар с запасом, будто на зимовку готовился, табаку побольше, консервов, патронов к ружью и пороха.

«Надо бы деда проведать...»

И вот сидит у него, пьет чай. А дед по его просьбе сказку ему рассказывает.

«Это давно было. Жила девушка. Не принимала никого. И жил Каймасекамчургин. Он дежурил в стаде. Она в другом. Он с большой головой, некрасивый. Растение нашел. Положил за пазуху. Растение поет. Она услышала, пришла. Легла ему на колено. Поженились. Женщина-кэле в другой яранге. Заходит туда парень. Она его прокипятила, одни косточки остались. Положила их в полог, на шкуры и закрыла. И говорит как живому: «Вставай, покушаем». И он встает, молодой, красивый, белый. Пошел домой. Жена говорит: «Не ты это. Мой другой. А ну спой». И он спел. Стали они целоваться как в кино. Счастливо зажили. Все».

— Почему ты любишь эту сказку, Кием?

— Она народная и про любовь. Я люблю сказки про любовь.

— А еще знаешь?

— Ии! Если рассказывать с утра и часто чай пить и не спать — всю ночь буду рассказывать.

Дед много сказок может рассказать, а про свою жизнь молчит. Матвеев и не спрашивает. Он и так кое-что про Киема знает, не хочет бередить его раны, ни к чему это.

— Скоро охота... — переводит разговор Матвеев.

— Скоро... скоро... собачки ждут...

Матвеев знает, что Кием хорошо подготовился. Морзверя в этом году много было, приманку загодя старик разложил на своем участке, но лучше подождать, когда совсем море станет, старик любит во льдах расставлять капканы, в тундре ему не так везет.

Упряжка соскучилась за лето и осень по работе. Начнешь запрягать — воют, скулят, рвутся в нетерпении. Давно старик проложил первый свежий нартовый след, посмотрел свой участок, проверил, но ставить капканы рано, еще подождать немного надо...

Несколько раз Кием приглашал его на весеннюю и осеннюю охоту, когда валом идет утка и гусь, но Матвеев отказывался, и не понимал дед, почему все ждут заветного дня, а Матвеев равнодушен, все равно ему. «Плохо, знать, стреляет, стесняется», — думал Кием.

Хорошо стреляет Матвеев. Если из карабина или пистолета, то даже лучше Киема. Отец учил... Помнит его науку Андрей до сих пор. Пришел тогда отец на

обед, а Андрей к нему с похвальбой — смотри, мол, я пуночку убил, во-он с какого расстояния! А жили тогда в военном городке, все дети стрелять умели, у всех в доме было оружие. Андрей стрелял из «тозовки», это не возбранялось.

Отец взял мертвую птицу, зарыл в снег у крыльца, а сыну дал пятнадцать копеек и послал к столбу укрепить монету как мишень.

— Отсюда стрелял?

— Да... — сказал Андрей.

Отец прицелился, выстрелил, и монета оказалась прямо вдавленной в столб. Посмотрел на свою работу, выковырял монету, поставил новую, сказал Андрею:

— Стреляй.

Тот промазал. И еще раз промазал. И еще.

— Вот и стреляй, пока не попадешь!

Пришла мать, позвала обедать.

— Пусть сначала стрелять научится, потом обедает.

А в пуночку и дурак попадет!

— Господи, в пуночку! — захала мать. — За что ж ты ее? Она ж святая птица, безобидная, она ж нам на север весну приносит, первое солнце! — махнула рукой, ушла. Остался один Андрей на улице.

Монету он все-таки загнал в столб, но расстрелял пачку патронов. Но отец успел ему внушить, что никогда нельзя из озорства палить по живому.

Много времени прошло, и уже здесь, на Чукотке, в своей геологической жизни если и случалось изредка убивать птицу, то лишь для еды, когда совсем в отряде ничего не было и только надеялись, чтобы кому-нибудь повезло. А на оленя и медведя у него вообще рука не поднималась. В партии знали, если чего добывать — Андрей отвечает за рыбу, рыбу ему можно поручить, ее ловить он мастак, а на охоту пусть уж кто-нибудь другой отправляется.

На моржовой и нерпичьей охоте он помогал, но только в качестве моториста на вельботе, и промысел этот не любил, но понимал — это людям побережья как посевная и уборочная на материке, от этого зависит благополучие людей, и тут уж эмоциям не место.

— Новые винтовки на складе есть, «Барсы», тебе обязательно выделим, — пообещал он старику.

Первый раз он с ней встретился в Магадане в облоно летом, где оформлял группу детей своего поселка в один из пионерских лагерей Колымы.

— Вот, знакомьтесь, Андрей Андреевич, будет у вас новый директор школы.

Высокая блондинка с красивой прической, без косметики, это ему понравилось, но уж больно молода, это настораживало.

— Говорят, у вас там полгода день, полгода ночь, — щебетала она. — Как же вы спите полгода? Не надоедает? И у всех, наверное, много детей? — пошутила она.

— Детей действительно много, — согласился Матвеев, — вон я их сколько привез!

А про себя подумал: «Не знаешь ты, куда едешь. Еще наплачешься!»

И вот она сидит перед ним и плачет. Всклипывает она тихо, платочек мокрый, но глаза красные, не высыхают.

— Что теперь будет? Что теперь будет? — причитает она. — Меня же из партии исключат... с работы уволят... а я так сюда хотела... романтики попробовать... вот и попробовала... Что делать-то? Что делать, Андрей Андреевич? Если бы я знала?!

— Успокойтесь, Людмила Федоровна, успокойтесь! Жизнь есть жизнь... Тут уж ничего не поделаешь... Так случилось... Вы не виноваты, это без вас началось, вы ни при чем.

— Но я директор! Меня же на всех совещаниях склонять будут!

— Конечно, будут, — обреченно согласился Матвеев.

— А вы? Вы-то куда глядели? — закричала она.

Матвеев пожал плечами, налил ей воды, и в кабинете наступила тишина.

...Отличница учебы семиклассница поселковой школы Катя Рультына за лето пополнила, заметно округлилась, веселый румянец, как и раньше, не сходил с ее щек, но по прошествии первого месяца нового учебного года и без обследования врачей было ясно, что девочка беременна.

Случай беспрецедентный. Родителей у девочки нет, она живет в интернате, а единственная дальняя родственница — двоюродная тетка — на другом конце Чукот-

ки, часто болеет, по полгода проводит в санаториях и больницах, вот и сдала девочку в интернат. Забирала только раз в год — на летние каникулы.

— Издержки акселерации, — вздохнул Матвеев. — А разве в вашей практике не было подобных случаев, Людмила Федоровна?

— Один раз... в Магадане... десятиклассница. Мы ее перевели в вечернюю школу.

— А Катю никуда не переведешь, — сказал Матвеев. Людмила Федоровна согласно кивнула. Она все прекрасно представляла и не видела выхода.

— Вы хоть знаете... с кем она... ну, отца будущего ребенка? — спросила она.

— Знаю.

— И молчите?

— А что мне делать? Кричать?

— Судить! Судить за разврат несовершеннолетних!

— Он сам несовершеннолетний.

— Как?!

— Так. Он ее ровесник. Они уже были у меня. Он хочет бросить школу и помогать материально, когда родится ребенок. Они просили их расписать, когда получат паспорта. Это будет в следующем году.

— Кто же это?

— Я не могу вам сказать. Я дал слово детям.

— Вы предлагаете молчать и на все закрыть глаза?

— Нет, — сказал Матвеев. — Да со временем вы и так все узнаете. Но предпринимать ничего не надо, просто уже поздно. А травмировать детей...

— Дети?! — вскричала она. — Хорошенькие дети!

— Конечно, несмышлениши. Инстинкт победил, а в остальном не соображают, — спокойно сказал Матвеев. — Оба они, кстати, прекрасно учатся... — заметил Матвеев.

— Вот это совсем непонятно, — искренне удивилась она.

— Чего ж тут непонятного? — развел он руками. — Если уж в школе не ведется полового воспитания, — значит, виноваты мы. Вернее, сначала вы, учителя, а потом уже мы — общественность...

— Это вы серьезно?

— Вполне. Не забывайте, на материке много зависит от родителей, которые стараются спасти детей от

влияния улицы и каким-то образом домашним воспитанием компенсируют школьные прорехи. А наши дети — дети интернатские. Они без родителей. Родителей им в этих щекотливых вопросах каким-то образом должны заменить мы. А как это сделать, простите, я не знаю. Насколько мне известно, ни учебников, ни пособий по этому вопросу нет. Ведь нет?

— Нет, — сказала она.

— Значит, до всего вам придется доходить самой. А этот случай примите как первый урок. Урок на будущее. От него нам не отвертеться.

— А что скажут в районе? Что скажут в области?

— Я не такой уж оптимист, но думаю, если хорошо объяснить, поймут.

— Им объяснишь!

— Вот видите, как вы своих хорошо знаете, — рассмеялся Матвеев.

— А что вы посоветуете? — спросила она.

— Пока ничего. А посоветовать могу обратить внимание на младшую группу интерната. Одеты как попало. У них у всех пузырятся рейтузы, так они додумались носить их коленками назад, чтобы выглядели поновее.

— Что ж вы раньше-то не сказали?

— Я думал, вы знаете.

— Я сейчас же иду в интернат!

— Вот и правильно. А я как-нибудь к вам загляну. И еще — вас поселили в новый дом, для него это первый зимний сезон, как квартира?

— Пока хорошо, не холодно. Воды только горячей нет.

— Горячей еще долго не будет. Она и по проекту не должна быть, не хочу вас обманывать.

— Спасибо за откровенность.

Она ушла, а Матвеев вспомнил, как в прошлом году к ним в село в круглосуточный детский сад привезли из тундры двух малышей — мальчика и девочку. По утрам воспитатели находили их всегда вместе в одной кровати. Развели по разным спальням — все равно они спали вместе. Тогда вообще разделили по разным группам, на разных этажах и в разных подъездах. Ничего не помогло — среди ночи, когда все спят, они находили друг друга, а по утрам находили их. Воспитатели не знали, что и думать, а Матвеев попросил оставить их

в покое, объяснил, что в тундре они всегда были вместе и спали в пологе вместе, здесь же — всех дичатся; надо их днем держать всегда вместе, и пусть вместе подружатся с другими. Поставили их кровати рядышком — дети успокоились. Вот и все, — просто ларчик открывался.

«Все-таки на краю света живем, — думал Матвеев, — как-никак, а специфику надо учитывать — и национальную, и географическую».

Глава 5

В суматошном, шумном школьном коридоре Андрей Матвеев столкнулся с Катей Рультынэ, скользнул молниеносным взглядом, удивился, что на ее красивом лице нет следов пигментации, протянул обе руки:

— Здравствуй, Катя! Как жизнь?

— Хорошо! Ой, Андрей Андреевич, мне такой сон снился! Будто я всю ночь танцевала с Пушкиным! Такой сон, я такая счастливая! Мне все подруги завидуют!

Про себя Матвеев отметил, что уроки литературы теперь ведет Людмила Федоровна, знать, хорошо ведет. И невольно вспомнил, как в прошлом году дети размышляли о будущем, и Матвеев спросил Катю, кем бы она хотела стать после окончания школы.

— Я бы хотела работать продавцом... в мясном отделе. Я бы каждому давала такое мясо, какое надо — и для строганины, и косточки в суп, и жарить на углях... ведь мясо разное, смотря для чего...

Ответ поразил всех своей неожиданностью, возвышенные мечтания ее подружек не вязались с такой прямолинейной приземленностью. И Матвеев внезапно понял, что к чему, и утром имел конфиденциальный разговор с директором школы-интерната. Предположения Матвеева оправдались. Стол детей был обилен и калориен, но повар и врач забыли, что это дети тундры и им нужна национальная пища, пусть немного, пусть как лакомство. И сырая оленина нужна, и травы-коренья дикоросы, и нерпичья печень, и мясо моржа, и китовая кожа, и сало осенней белухи. Благо всего этого было полно — бери по совхозным расценкам, по себестоимости, почти бесплатно.

Рацион столовой изменили, но решили это не афишировать, мало ли чего можно ожидать за такую самостоятельность. А когда пошла предзимняя сайка и ее штормом

тоннами выбрасывало на берег, тут детей ничто не могло удержать. Запаслись и на корм собакам, и на подкормку песцам, и на звероферму хватило, а дети устроили свои кладовые на крыше и холодном чердаке, лакомились сырой рыбой, чем привели в неописуемый ужас некто приехавшего инспектора района.

Был издан строжайший запрет. Но когда инспектор уехал, о запрете тут же забыли. Осталась сырая рыба, и свежатину охотники всегда доставляли в столовую, а приезжавшие из тундры оленеводы непременно привозили одну-две замороженных оленьих туши детям для строганины, пусть едят сырую оленину — вкуснее конфет.

Молодая врачиха, у которой была вся статистика детских заболеваний интерната за все годы, вдруг обратила внимание на одну странность — резкое снижение числа заболеваний, да и дети стали веселей и крепче. Удивлялась поначалу. А ничего-то удивительного тут нет.

— Дура я, дура, — призналась она как-то Матвееву, — другой бы на моем месте диссертацию стал писать. А из меня — какой ученый?

— Зря вы так... — сказал ей Матвеев. — Были бы дети здоровые, а материала на диссертацию у вас наберется. Только не ленитесь и... замуж не выходите. В домашних заботах всю науку забудете!

Она счастливо рассмеялась, попал Матвеев в точку.

Он хорошо помнил свое послевоенное детство. Пацианами пропадали они дни и ночи на берегу Баренцева моря, ловили пикшу, сайду, треску. Ловили крючками, тройниками, на капшука, на кусочек рыбы, на кусок материи, на гриб, просто на окурочек — и то однажды рыба взяла — щедро Баренцево море.

Мать на рыбалку давала большую кастрюлю — рыбы много, ее тут же на берегу потрошили, брали только печень, остальное доставалось чайкам, крабам и снова им же — рыбам.

Дома мать вытапливала из печени жир, поила им Андрея и младшего брата Артура, заправляла этим жиром многие блюда, так поступали в каждом доме их военного городка, и как знать, может, это и помогло обойтись без болезней в скудное витаминами время. И не помнит Андрей, чтобы жир им был отвратителен,

как теперь для детей аптечный. Ели — и все, и просили добавки.

И сейчас ему радостно было смотреть на Катю — здоровую, розовощекую, не по возрасту высокую.

— Хороший сон действительно... — сказал он. — Только что это у тебя с прической? Была яркая брюнетка, а сейчас... пегая какая-то... ты что, красишься?

Вспыхнула она, зарделась, убежала.

Тут он заметил еще одну такую же девочку, а потом по коридору еще одна пробежала — крашенная.

«Черт-те что...» — покачал он головой.

Глава 6

Когда Людмила Федоровна пришла на свой первый урок, девочки смотрели на нее расширенными от восторга глазами, мальчики встретили ее появление с достоинством настоящих мужчин.

Она была ослепительно красива. Не было ни у кого в поселении таких белых прекрасных волос, и голубых, как снег дальних сопков, глаз, и такого костюма, подчеркивающего грациозность походки, а голосом своим она затмила медовость и сладковзвучие дикторши чукотского радио, в которую все, кто включал по вечерам свои транзисторы, были давно заочно влюблены.

У Матвеева опыта было побольше, и он видел холодность этой красивой картинке, но дети были в учительницу влюблены, и Людмила Федоровна чувствовала это.

Постепенно у девочек обожание перешло в подражание. Они копировали походку, манеры, обсуждали ее наряды, но со своими прическами сделать ничего не могли, пока первой из них не пришла в голову идея перекраситься.

Неведомыми путями раздобыли гидропирит, и шесть самых отчаянных, не спросив ни у кого и не посоветовавшись, принялись ночью за дело.

Конечно, за один раз из черных, как полярная ночь, чукчанок и эскимосок блондинок не получилось. Вышло что-то невообразимое. Красились еще раз, пока в аптеке не истощился запас химикалиев. Людмила Федоровна видела и молчала.

Так появились в классе рыжие, пестрые, коричневые, с белыми пережженными прядями.

Завуч школы Дарья Тимофеевна, человек пожилой и старых правил, первой забила тревогу. Но ее вмешательство ничего не дало. Девочки терпеливо выслушали лекцию о том, что красиво и что нет, но не задали ни одного вопроса на косметические темы. В итоге Дарья Тимофеевна утешилась хотя бы тем, что девочки не красят губы и не собираются подводить глаза.

— Олю Омрынэ можно назад перекрасить, — сказала она в учительской. Матвеев сидел там, интересовался стремительно происшедшей метаморфозой во внешнем виде школьных красавиц. Почему это произошло, отчего — ему в голову не приходило.

— Постепенно цвет вернется, — заметила Людмила Федоровна.

— Чего это им вздумалось? И так все красивы — на любой конкурс красоты можем выставить свою команду, — сказал Матвеев.

— Любопытство... — обронил кто-то. — Возраст... смотрят кино, читают журналы.

Матвеев говорил серьезно. Он часто втайне любовался старшими школьницами — тоненькие, стройные, в мини-юбочках, они уже миновали стадию голенастости и рано взрослели.

— Иностранных-то журналов у нас нет, — заметил Матвеев.

— Все равно, — сказала Дарья Тимофеевна, — каждая может участвовать в их пресловутом конкурсе, только нам это культивировать не за чем.

— Оля Омрынэ не может, — уточнил Матвеев, — она толстуха.

— Зато она отличница учебы! — резко заявила Дарья Тимофеевна. — И в этом, если хотите, и есть настоящая красота!

— А у Кати Рультынэ самые красивые ноги на всем северо-востоке Чукотки! — поддел ее Матвеев.

— Андрей Андреевич! Как вы можете? Вы еще ей об этом скажите!

— Ну вот, — вздохнул Матвеев, — договорились...

— Я предлагаю попробовать всех опять перекрасить, — решительно заявила Дарья Тимофеевна. — Пусть эту заботу Людмила Федоровна возьмет на себя.

— Увольте, увольте... — запротестовала она.

— Это, выходит, что же? — оторопел Матвеев. — Объ-

явим крестовый поход на блондинок, да? Огнем и мечом, да?

— Да!— волновалась Дарья Тимофеевна.— И чтоб никаких блондинок! Никаких!

— Я думаю, это слишком. А вы как, Людмила Федоровна?

— Надо подождать...— нерешительно сказала она.— Они уже большие, это их личное дело... Надо как-то исподволь, чтоб они сами. Что ж мы, декрет издадим? Нас же роно на смех поднимет! И так вот-вот скандал разразится.

— Ждать недолго,— мрачно буркнул Матвеев.

— Акселерация проклятая,— вздохнул кто-то в углу.

— Я в газете читал,— сказал Матвеев,— в США рост акселератов уже приостановился, а у нас все еще идет. Наши выше и тяжелее. Данные медицинской статистики.

— Значит, у нас условия лучше,— заметила Людмила Федоровна.

— У нас они от рук отбились...— продолжала свое Дарья Тимофеевна.— Никакой строгости. Отсюда ведь шаг до... до всего! Аа,—махнула она рукой,— шаг уже сделан!

— Хорошие у нас дети,— поднялся Матвеев.— Нечего на них напраслину возводить. А то, что мы не знаем их и потому не понимаем, это факт, это горькая истина.

— Вот воспитали бы хотя одного,— съязвила Дарья Тимофеевна, намекая на холостяцкую жизнь Матвеева.

— Еще успею, какие мои годы,— парировал он,— подожду немного и женюсь на выпускнице, а? Подумаешь, двадцать лет разницы! Сколько в мировой литературе примеров, а, Людмила Федоровна?

— В литературе очень много,— оживилась она.

— А литература — отражение жизни, да?— спросил он.

— Да,— ответила она.

— Вот и договорились...— закончил он.

— Не понимаю, почему вы шутите?— спросила Дарья Тимофеевна.— А вы, Людмила Федоровна, директор, не забываете. Директор! А поощряете Андрея Андреевича легкомысленными разговорами!

— А что тут делать? Что придумать-то? Вы знаете?— уже строго, по-директорски спросила она Дарью Тимофеевну.

— Нн-нет...

— И мы все нет. Давайте думать...

С тем и разошлись.

Глава 7

Может быть, оттого, что последнее время больше всего приходилось заниматься событиями в интернате, мысли Андрея все чаще обращались к собственному детству. «Наверное, надо родителей проведать... или съездить на Кольский полуостров, посмотреть, что там от детства осталось... или самому пора уже обзаводиться домом и семьей... время-то неумолимо. Совсем немного пройдет, оглянуться не успеешь — и о поселении, и об этом интернате, и о деде Киеме с Людмилой Федоровной будешь вспоминать как сейчас о детстве. Все уйдет в прошлое, останется память... Память — удел стариков».

У всех учеников школы их военного городка одинаковыми были пеналы. Пеналами служили круглые продолговатые коробки из черного картона от снарядов к американскому истребителю «Кобра», на которых летали наши летчики. Каких только боеприпасов не хранили мальчишки в своих арсеналах тех лет! Остался без руки Жора Величко, оторвало два пальца Гене Грошеву, покалечило Диму Ронкина, с обгоревшим лицом от взрыва ракетного пороха доставили однажды и Андрея в санчасть. Это все еще давала о себе знать война.

А там, за аэродромом, у дальних сопок на перевале были остатки разрушенного склада с боеприпасами. Большие артиллерийские снаряды. Мальчишки добрались и до них. Отвинтили несколько головок, вытащили мешочки с порохом. Порох — длинные коричневые макаронины с дырочками.

И повели ребята этим порохом дорожку вниз по склону, длинную дорожку до самых валунов у подножия. Подождли и затаились. Помчался огонь к вершине как по бикфордову шнуру. Ахнул взрыв!

Лежали ребята за валунами ни живые ни мертвые. А когда пришли в себя и осмотрелись, увидели, что к сопке, окружая ее со всех сторон, идет плотная цепь матросов с автоматами, идет медленно, внимательно поглядывая вперед.

Надо бежать, а некуда. Один путь — через озеро.

— Лежите тихо в кустах,— сказал Андрей.— Мы с Артуром поплывем.

Они разделись, каждый взял одежду в левую руку и, гребя правой, на боку, поплыли к противоположному берегу. Их сразу заметили. И когда их дрежущих от холода со свертками мокрой одежды вытащили на том берегу, никто не мог даже говорить.

В казарме отпили чаем, растерли, одели в сухое.

— Моего там не было?— спросил штабной капитан, он вел допрос. («Как же, там он, там в кустах Пашка Колтыпин!»)

— Не было,— мотнул головой Артур.

— Конечно,— согласился капитан.— А то вы скажете! Узнаю, выдеру как сидорову козу!

— Попало?— спросил Пашку на другое утро Андрей.

— Еще как!— мрачно буркнул Пашка.— А вам?

— Нет.

— Ну да?!— удивился Пашка.

— Да... поговорили,— вздохнул Артур.

За все время не мог вспомнить Андрей, чтобы отец хоть раз поднял руку на него или на брата. Странно, думает он сейчас, совсем как в чукотских семьях, где детей не бьют, не ругают.

Вот мать-то могла отшлепать, попадись ей под горячую руку. Андрей помнит, однажды (он был уже в четвертом классе) схватила мать ремень, начала хлестать без разбору обоих, братья переглянулись, отобрали у матери ремень, зашвырнули подальше. Оторопела она, села на кровать и разревелась от обиды и отчаяния.

Это больше всего потрясло братьев. Ушли они на улицу, поклялись друг другу вести себя так, чтобы мать никогда не плакала, вот только не помнит сейчас Андрей, удалось ли им сдержать клятву.

— А вы часто вспоминаете свое детство, Людмила Федоровна?

— Я не вспоминаю... мне кажется, это было вчера...

«Вспоминать тебе еще не настало время»,— подумал Матвеев.

Она заглянула к нему в сельсовет на огонек. Он поставил чай, очистил стол от книг и журналов.

— А это что за литература?— полюбопытствовала она.— И девушки на фото все заминированы...

— Как?— не понял он.

— Ну, в мини...— рассмеялась она.

— Кинодивы... А вот другой журнал. Обозреватель Анна пишет: «Почти каждая женщина хочет быть блондинкой». Вот так.

— Вас все волнует проблема перекраски наших девочек?

— Нет,— ответил он.— Пусть это волнует Дарью Тимофеевну. А я просто всесторонне овладеваю предметом. Читаю все, что касается блондинок. Учебный материал.

— Ну, и как успехи?..

— Кое-что есть...— Он нашел отчеркнутый абзац и прочитал: «Добиться желаемого эффекта можно и домашним способом. Для этого необходимо смазать волосы 6—10-процентным раствором перекиси водорода с добавлением 15—20 капель нашатырного спирта, а затем, примерно после 30 минут, сполоснуть их теплой водой с добавлением небольшого количества уксуса или лимонного сока».

— Какой уж там лимонный сок, не до хорошего...— вздохнула она.

— К сожалению,— сказал Матвеев.— Вот и к чаю даже не могу предложить. Не завезли...

— Ой, вы напомнили мне один случай. Ведет практику в школе девушка из анадырского педучилища и объясняет ученикам, мол, то, что растет на дереве, это фрукты, а то, что в огороде,— овощи. Яблоки— фрукты, морковь— овощ. К чему относятся лимоны? Девочки, к чему? Вот ты, Маша, скажи, к чему лимоны? К чаю,— отвечает проснувшаяся Маша.

— А вот тут еще один совет,— он достал другой журнал, нашел:— «Современная женщина не обязательно должна быть всю свою жизнь брюнеткой или режеволосой. Время от времени она может существенно изменить цвет своих волос. Следует, однако, помнить, что частая окраска портит и высушивает волосы».

— Вы этим озабочены?— спросила она.

— Представьте, да. Как мне, не посвященному во все таинства, определить, крашенная блондинка или натуральная?

— Это действительно проблема,— засмеялась Люд-

мила Федоровна.— Могу вас успокоить, натуральных почти нет. Перевелись, как динозавры.

— Не говорите,— завозражал Матвеев.— Возьму путевку в Швецию или в Норвегию, проверю. А то вот с этой целью я лет пять назад в Прибалтику ездил. А там шатенки и брюнетки. Что делать?

— Вам не повезло.

— Конечно. Где уж нам...

— Не переживайте...

— Я и не переживаю, я оптимист.

— Завидная черта характера...

— Учусь у англичан. У меня тоже хорошие перспективы.

— Почему «тоже»?— спросила она.

Он открыл толстую книгу, выбросил закладку. Прочитал:

— «Джентльмены любят блондинок, но женятся на брюнетках. (Английское правило.)»

— Ну, я вижу, вы совсем подкованы,— засмеялась она.— А это что, дайте-ка! «Всякая женщина моложе 70 для меня цветок»,— прочитала она.— А где нашли?

— В нашей библиотеке...

— Наверное, вы все-таки больше интересуетесь политикой,— улыбнулась она.

— Вы правы. Да и хотелось вам помочь. А то ведь с Дарьей Тимофеевной шутки плохи. Попробуйте ее перекрасить в блондинку, рецепты я вам нашел.

Она расхохоталась:

— Легче тигра перекрасить в белого медведя... А рецепты я все-таки перепишу...

— Пожалуйста, их тут у меня целая куча!

— Не бойтесь за девочек,— вдруг серьезно сказала Людмила Федоровна.— Никто их не тронет. Я все-таки директор как-никак. И за Катю Рультыну не бойтесь, никто ее не обидит.

— Давайте я чай подогрею, а то он совсем остыл.

Глава 8

Урок был как урок и ничем не отличался от других, если бы не перемена и игра в снежки. Начался южак, теплый влажный ветер, и снег был мокрым, дети резвились, и к ним выскочила на улицу Людмила Федоровна.

Несколько комьев снега в общей перестрелке уго-

дили и в нее, но тут раздался звонок, перемена закончилась, все ринулись в классы.

Людмила Федоровна в учительскую не забежала, отряхивалась в классе, а класс еще не остыл, весело гудел, и когда холодная струйка воды потекла по ее лицу, она поняла, что это растаял снег на прическе, подошла к окну привести себя в порядок, и тут класс затих. Она не заметила, как автоматическим движением сняла с головы парик, резко встряхнула его, капли воды забрызгали пол и юбку, и только хотела водрузить его на место, как до нее дошло...

Она растерянно смотрела в притихший зал.

Оторопевшие школьники во все глаза смотрели на новую учительницу.

Кто-то на задних рядах тихо хихикнул. Чукотские школьники впервые в своей жизни видели парик.

Людмила Федоровна свернула его, положила на подоконник, в угол, причесала свои короткие темно-русые волосы и вернулась к столу и классному журналу.

Урок прошел вяло. Дети новыми глазами смотрели на человека, которого, казалось, всегда знали, в которого были влюблены, и этот обман каждый переживал по-своему.

У доски отвечал Петя Эттувги.

— В человеке все должно быть настоящее,— заканчивал он ответ.— Это русский писатель Чехов писал. Все должно быть настоящее— и душа, и одежда, и...

— Нет,— поправила она.— В человеке все должно быть прекрасно, писал он.

— Нет, настоящее,— упорствовал Эттувги, с ненавистью глядя на парик.

— Ну ладно, будь по-твоему. Настоящее,— значит, прекрасное. Да?

— Да.

Он сел.

Людмила Федоровна раньше времени закончила урок и торопливо ушла в учительскую.

Конечно, об этом инциденте она поведала Матвееву. Тот сделал комплимент и по поводу натуральной прически директора, пытался ее успокоить, а потом помолчал и бухнул:

— Опростоволосились вы, Людмила Федоровна, в прямом и переносном смысле слова.

Она грустно улыбулась.

— Признаться, я и сам не замечал. Как вам удалось так искусно подобрать?

— Не замечали, потому что не приглядывались... я ведь вас как женщина не интересую. Для вас важнее, чтобы дела в школе шли хорошо... и вообще, в поселке.

Он пожал плечами.

— А парик иностранный У меня родители за границей работают, мама и постаралась.

— Вон оно что...— удивленно протянул он.— А почему вы здесь?

— А где мне быть?

— Ну, я полагал, при столь высоких связях родителей дети уж наверняка устраиваются в столице, а вы на краю земли. Что так?

— За что это вы меня, Андрей Андреевич?

— Извините... я не хотел...

— Да ладно, чего уж там... Я сама сюда напросилась... Каприз, если хотите... А Москва действительно от меня никуда не уйдет,— язвительно подчеркнула она.

— Извините еще раз... У меня это бывает — ляпнуть сгоряча. Хотите, позабавлю. Два года назад у меня что-то намечалось вроде романа... с одной, правда, брюнеткой. Ну и когда дошло до этого, понимаете... до поцелуев, у нее полпрически упало, шиньон, что ли, называется. И ничего не вышло. Большой ком человеческих волос отдельно на белой подушке... не по себе как-то.

— Вот уж не представляла, что вы столь эмоциональны!

— Эттувги, говорите? В человеке все должно быть настоящее... гм... а ведь это он отец Катиного ребенка.

— Спасибо за доверие. Но я уже сама догадывалась.

— А теперь дело сложнее, чем вы думаете.

Людмила Федоровна насторожилась.

— Помните, я вам рассказывал о единственной дальней родственнице Кати. Она долго болела, часто и подолгу лечилась. Письма приходили с юга, из санаториев... Вот... Родственница эта умерла. Пришло письмо в сельсовет. Катя еще ничего не знает. Надо сообщить Кате: Возьмите это на себя, а?

Людмила Федоровна молчала. Потом кивнула.

— Вот ведь как все нескладно получается,— сказала она.— Что с ребенком-то будет?

— Ну, наперед не загадывайте,— хмуро остановил он ее.

— А правда, вы скоро уезжаете, Андрей Андреевич?

— Правда...

— А чем займетесь? Не жаль все бросать?

— Я же с Чукотки не уезжаю,— развел Матвеев руками.— Значит, и здесь еще буду. Возможно, и не раз... Тут вокруг поселения геологи как следует еще не работали. Ну, а если вы никуда не сбежите, обязательно встретимся.— Он улыбулся.— А?

Она внимательно посмотрела на него.

— Честно говоря,— сказал Матвеев,— мне бы хотелось.

Если долго идти по берегу моря на запад, то сначала будут попадаться отдельные, разбросанные там и сям скелеты китов, моржей, косаток. Выбеленные временем кости — остатки давнишних добыч. Сейчас на берегу ничего не оставляют, все, что не удастся утилизировать, вывозится дальше, на китовое кладбище.

От кладбища надо идти до ручья, впадающего в море... Ручей в живописном распадке, и если подняться по распадку на береговой обрыв, то можно увидеть километрах в трех небольшую гряду сопок, одна из которых, самая большая, держит на себе снежники круглый год и при ярком солнце имеет синеватый оттенок. У подножия сопки лежит большое озеро, возможно, и оно, и вечный снег влияют на цвет окружающего пейзажа, но чукчи называют его Озеро у Синей Сопки. Из этого-то озера и вытекает чистый веселый ручей.

В Озере водится крупный голец, на берегу маленькая избушка для рыбаков. Вокруг на болоте и озерах, весной и осенью всегда много дичи.

Но не это заинтересовало Матвеева.

Часто ходил он сюда на рыбалку с дедом Киемом, приносил и складывал в избушке окатанные булыжники обсидианов. Серые на поверхности, они на разломе были густо-черного цвета. Вулканическое стекло.

— Как по-чукотски этот камень?

— Йэлкаавыквын,— ответил дед.

Попытки найти коренные выходы обсидиана ни к чему не привели, хотя Матвеев вместе с детьми провел в окрестностях два геологических похода.

А что, если обсидианы и тектиты метеоритного происхождения? А вдруг и само Озеро у Синей Сопки — кратер, возникший сотни тысяч лет назад от громадного метеорита? Ведь оплавленное стекло могло образоваться только в результате высокой температуры и сверхвысоких давлений. И если чукотское озеро Эльгыгытгин по одной из гипотез метеоритного происхождения, то почему таковым не может быть и это.

Два мешка черных «бомб» набрал Матвеев, сложил в коридоре избушки, вдруг пригодятся. Теперь он знает — отвезет в экспедицию, и как образцы, и просто подарки любителям камня.

Сюда нужна комплексная партия, думает Матвеев. И чтобы в ней, кроме геологов, были физики и геофизики. И конечно же без ребят из Комитета по метеоритам не обойтись.

Все это, правда, пахивает «чистой» наукой, диссертацией, а он, Матвеев, поисковик, он практик.

Впрочем, почему же «чистой»? Доказано, что большинство впадин, образованных ударами сверху, из космоса, таят в себе месторождения самых разных ископаемых. Вон по соседству, в Канаде, структура Садбери дала целый букет полиметаллов. А вдруг и здесь... Конечно, пусть сначала на Эльгыгытгыне поработают, пусть все его тайны раскроют, работы хватит, ну а потом... Потом можно будет и Озеро у Синей Сопки заявить. Если, конечно, в экспедиции будут люди и средства.

Э-хе-хе, мечтания, прерывает себя Матвеев. Надо сначала с поселком распрощаться, надо сначала в экспедицию попасть, надо войти в курс проблем новой работы, много чего надо, а до ближайшего Матвеевского поля столь же далеко, как до кометы.

Обо всем этом он и рассказал бы Людмиле Федоровне, отвечая на ее вопрос о его дальнейших планах, если бы был уверен, что ей это интересно. Но передумал.

Вот хорошо бы поручить ей, подумал Матвеев, собирать легенды. Записывать все о «йэлкаавыквын». И чукотские, и эвенкийские. А потом сравнить их с легендами народов тех стран, где выпадали тектиты. Тектиты сейчас можно найти в Австралии, Азии, Моравии,

Африке, Южной Америке... Вот и на Чукотке тоже. Конечно, геологи эти легенды не помогут, но, собранные воедино разных стран и народов на одну тему, они помогли бы расшифровать тайны механизма человеческих ассоциаций, человеческой фантазии, явились бы еще одной страничкой в летописи человеческой культуры. Ведь если есть легенды о пришельцах из космоса и их сейчас тщательно собирают, стоит ли отказываться от того, до чего рукой подать? Поговорю, конечно, с Людмилой Федоровной, но только в другой раз, не то сегодня настроение. И у нее, и у меня.

Глава 9

Андрей помнит свое первое ощущение страха. Тогда они с братом Артуром ловили рыбу на скалистых выступах бухточки. Рыба шла хорошо, Андрей тянул одну за другой, Артур успевал потрошить, складывая печень в кастрюлю.

Неожиданно клев прекратился, — очевидно, косяк ушел. Андрей бросил на камни удочку и пошел к Артуру помочь. И тут он заметил высоко над головой брата маленькое белое пятнышко, пригляделся, напрягая зрение, и удивился — на черной отвесной скале белела ромашка. Ее тоненький стебелек тянулся из маленького, величиной со спичечный коробок, кусочка земли. Как туда попала земля? Каким ветром занесло ромашку?

Не стовариваясь, они полезли за цветком.

Осторожно цепляясь за мельчайшие выступы каменной стены, забирались все выше и выше и наконец очутились на карнизе шириной в ладонь. До цветка было не дотянуться. Они прижались всем телом к скале, внезапно ощутив, что вниз им уже не спуститься. Пют струился по лицу, по спине, холодно было в животе.

И тут они услышали крик отца:

— Стойте! Я иду к вам! Не шевелитесь!

Андрей осторожно повернул голову. Отец сбросил китель на камни и начал медленно подбираться к детям.

Козырек, на который он стал, был чуть пошире, а сам отец был на расстоянии вытянутой руки от Артура.

— Спокойно, ребята! Ну. Все будет в порядке. Внимательно следите за мной и делайте как я. Смотрите?

— Да...— прошептал Андрей, хотя ему из-за Артура не совсем было видно.

— Вы медленно передвигаетесь на мое место... Тут площадочка пошире... Держитесь за камни крепче... Как только станете на мое место, опустите левую руку, видите, я ее отпустил... Потом опустите правую и оттолкнетесь ногами, ни в коем случае не отталкивайтесь рукой. Только ногами... Надо как можно дальше прыгнуть в сторону, чтобы упасть в воду... Надо сильно оттолкнуться, чтобы не упасть на камни. Понятно? Только ногами, лучше одной ногой, правой! Вот смотрите...

Он в точности повторил все, что сказал, оттолкнулся и полетел в воду.

Вскоре он вылез на камни и снизу закричал:

— Все в порядке! Вода теплая! Отличная вода! Давай, Артур! Не спеши, потихоньку...

Артур начал медленно передвигаться. За ним осторожно скользил Андрей.

— Не смотрите вниз!— кричал отец.— Смотрите на скалу! Молодец, Артик! Остановись, отдохни! Вот так, молодец! Ну, давай!

Артур резко, распластав руки, оттолкнулся, и по тяжелому всплеску воды Андрей понял, что все в порядке.

— Э-ге-ге-й!— раздался восторженный крик брата.

Андрей сразу успокоился. Он потихоньку добрался до места, где только что находился Артур, отдышался и, не слыша криков снизу, сильно оттолкнулся.

Потом они все трое, мокрые, сидели на камне. Отец молчал, у него было отрешенное лицо. Потом опомнился:

— Матери не говорите... Ловить рыбу можно, место хорошее, но не надо больше лазить на скалы... Хорошо?

— Не будем...

— Матери ничего не говорите...

Потом по дороге домой он спросил:

— А что вас туда потянуло?

— Ромашка там была...

— Какая ромашка?

— Обыкновенная... ромашка, и все.

— Что не показали?

— Забыли...

Первый свой тогдашний страх Андрей помнит до сих пор.

И еще он помнит, что такое же выражение лица он видел у отца много позже.

К ним в военный городок приехал из Москвы маршал. Маршал инспектировал воинские части, и ему однажды неожиданно захотелось посмотреть, как живут офицеры.

Семьи офицеров занимали финские домики у самого моря. На склоне сопки, густо поросшей кустарником. Маршал шел в окружении свиты, которую замыкал отец.

— Вот в этом дом...— показал рукой маршал. Мать и Андрей стояли на веранде.— Кто здесь живет?

— Я,— подошел к маршалу отец.

Крыльцо дома было застлано громадным флагом со свастикой с плененного фашистского корабля.

Вот тогда у отца было такое же лицо, как давным-давно на берегу у скалы с ромашкой.

— Кто это придумал?— спросил маршал.

— Я, я,— ринулась вперед мать.— Проходите, пожалуйста, я чай поставлю.

Маршал поднялся, аккуратно вытер ноги о флаг-половик и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Между прочим, это единственно верное назначение этого флага.— И обращаясь к матери:— Спасибо.

И вся группа офицеров вместе с чуть не разжалованным отцом пошла дальше.

Странно, думает Матвеев, и там, в Европейском Заполярье, и здесь, на Чукотке, на самом берегу Ледовитого океана растут удивительно красивые ромашки, вдвое больше, чем на юге, ромашки величиной с большую астру.

Вон и Кузьмич, Пичкинмичкин, перенес с берега дерн с ромашками под окна своего дома. Много он туда растительности натаскал, забор сделал, получился сад-огород. Среди лета расцветали ромашки и лопухи большие, зеленые шли в рост. Кузьмича укоряли:

— Ну чего ты лопухи сажаешь? Какой от них толк? Ты бы лучше редиску посадил — все витамины!

— И-эх, пичкинмичкин, ничего-то ты не понимаешь,— вздыхал в ответ Кузьмич.— Лопухи, они большие. И зе-

лени от них много, на целый сад. А что редиска? Вырвал с корнем — и нет ее!

Скучал, видеть, Кузьмич по материковскому саду, по лесу, по траве-мураве. Ему бы жилось веселей в тайге, а тут вот камни да болота, ни кустика, ни деревца, случайный лопух на всю округу — единственное культурное насаждение.

Кличку свою — Пичкинмичкин — он получил из-за того, что вворачивал это слово к месту и не к месту. Само же слово безобидное, это чукотское название озера в Иультинском районе, в приблизительном переводе — «горловина, где старик ловил». Озеро это действительно богатое рыбой, вытянутое, в горловине можно сига поймать, чира и нельму, о гольце и говорить нечего. Да только Кузьмич там не рыбу ловил, а... собственный трактор. Когда весной развозил продукты оленеводам, провалился под лед, хотя и знал дорогу хорошо. Повезло — успел выскочить.

Достать трактор со дна Кузьмич не мог, как ни старался. «Вот приедут водолазы, тогда... Сейчас, видеть, Садко с моими продуктами на нем по дну разгуливает, пичкинмичкин!» Стало у Кузьмича название озера ругательным словом, не мог он озеру простить весеннего коварства.

Сейчас Матвеев зашел к Кузьмичу попросить его сгонять на вездеходе к другому озеру, где рыбацья избушка, взяты мешок с обсидианами.

— Камни черные? Видел... Давно лежат... Знать, и вправду уезжаешь, — вздохнул Кузьмич.

— Надо, — улыбнулся Матвеев.

— А что ты на учительке не женишься? — спросил Кузьмич.

— А зачем?

— Да так...

— Слухи пошли? — усмехнулся Матвеев.

— Поселок-то маленький...

— Ерунда все это, — сказал Матвеев.

— Я и говорю, ерунда, — согласился Кузьмич.

— Почему же ерунда? — вдруг обиделся Матвеев.

— Ну тебя! — засмеялся Кузьмич.

— Если чего, Кузьмич... дай знать... я с Петей Эттувги говорил... Кием был у меня... Кием просил... Он посмотрит... И за ним, и за... за малышом.

— А я? Мне-то чего не сказал? Эх ты, пичкинмичкин! Я тебя хоть раз подводил?

— Нет... Кием приходил... он хочет внука... Понимаешь? Что делать-то? Опекунство можно назначать только до пятнадцати лет... удочерять и вовсе нельзя, скоро паспорт получит... Все поздно. А как помочь?

— Миром поможем. Все дети — наши... — сказал Кузьмич.

— Да. Все. И которые есть, и которые родятся. Вот и проследи. Как за своими... как за моими... Тут мегера есть, Дарья Тимофеевна. Может дров наломать. Я хочу тебя предупредить.

— Да что ты, Андреич! Разве мы не видим? Что мы — без глаз и ушей? — забеспокоился Кузьмич.

(«Куда-то ушло мое время, — подумал Матвеев. — Ведь что-то есть в этой Людмиле Федоровне. Неплохой бы тещей могла стать для Пети Эттувги. Да вот и мне нельзя Катю удочерять...»)

Зря, конечно, он так. По дороге к Кузьмичу встретил Матвеев Людмилу Федоровну. Улыбнулись друг другу — и все. Но в лице Людмилы Федоровны столько теплоты, что начал понимать Матвеев, почему у него появилось неожиданно вдруг хорошее настроение. Он и раньше за собой замечал прикосновение к тайне удивительных лиц. Есть удивительные лица — ты весь день находишься под обаянием мимолетной встречи, ходишь и улыбаешься, такое у тебя настроение. А это просто оттого, что час назад встретил удивительную женщину или увидел в толпе счастливое лицо.

Но иногда при этом тебя постигает непонятное волнение, как при виде взлетающего самолета, стремительно несущегося по земле, а в конце полосы — море. И колеса отрываются от земли у самой воды.

— За камнями я сгоняю завтра, — прервал размышления Матвеева Кузьмич.

— Спасибо. А то самолет придет, а я не готов... Никогда здесь не известно, когда он точно придет... Надо собираться заранее.

«То-то будет праздник для детишек», — подумал Матвеев.

Здесь всегда всем поселком сбегались к самолету, а дети любили играть в вихре улетающей «Аннушки». Они с санками устраивались позади самолета, и мощ-

ная струя катила визжащих от восторга детей по летнему полю.

Матвеев вспомнил в своем детстве осень, там, на берегу Баренцева моря, большую перемену, резвящихся на улице школьников. И тут над сопкой появился самолет, судя по всему, «Кобра», и он начал разваливаться в воздухе.

Был уже звонок на урок, но все ребята его класса, кто был на улице, помчались в сторону сопки, к болоту, на которое опускался парашютист.

Парашютист стоял по колено в воде, смотрел на детей, и вдруг в их толпе раздался истошный вопль:

— Папа-а!!

Кричал Саша Никитин, одноклассник Андрея. Дети расступились, Саша бросился к отцу, спотыкаясь окочки, плюхаясь в воду, а отец его торопился навстречу, и потом Саша повис у отца на шее и они долго стояли вот так обнявшись, и не помнит сейчас Матвеев, плакал ли отец Никитина, но Саша бился в истерике, и на урок ребята пошли без него.

«Это все из-за первого здешнего снега...— думает Матвеев.— Я вспоминаю все из-за снега... Снег детства забываем... Снег детства. Запах его и цвет. Вот только что встретил Людмилу Федоровну, и она вся была запылена снегом... И снег ей так идет.

Вот будет отпуск,— думает он,— поеду к Баренцеву морю. Просто посмотрю, похожу, повспоминаю. Правда, не рекомендуют этого делать. Говорят, на места своего детства человека тянет перед смертью, есть, мол, такая примета. Ну что ж, проверим, сбудется ли она. Рано или поздно, а ехать надо.

Вон надо мной звезды. Эскимосы говорят, что это светящиеся окна селения мертвых. Вон какой над нами большой поселок. Чикейвеем—Песчаная Река¹. Где там мои окна?

А когда я туда попаду и вам доведется меня хоронить, не делайте скорбных лиц. Помните, что я бы на вашем месте думал сейчас о том, как крупно не повезло усопшему.— не успел он поближе познакомиться вон с той блондинкой, что идет, вытирая глаза кончиком платочка. А у вас все впереди—и с блондинкой, и с катафалком».

¹ Так чукчи называют Млечный Путь.

Орден Костяной Пластинки

*Воспоминание
об одной экспедиции*

Глава посвященный

1 Сейчас все уже позади.

Экспедиция имени Богораза-Тана завершена. Дневники и отчеты, снабженные соответствующими номерами и грифами, покоятся в сейфах, материалы обработаны, сувениры заняли свое место в музеех и в домашних коллекциях. Можно садиться за машинку. Сейчас, когда прошло много времени, возвращаешься к первым дням экспедиции и вспоминаешь людей, которые помогли словом и делом. Участники экспедиции благодарят их.

Глава перечислений

2 Мы составляли списки.

За последние полгода перед экспедицией я несколько раз летал из Анадыря в Магадан по служебным делам, Виталий—из Магадана в Анадырь. Каждый раз мы встречались и все это время составляли списки.

Виталий Гольцев—старший научный сотрудник Магаданского отделения ТИНРО—Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. Как и положено научному работнику, в каждом деле он любил капитальную подготовку.

— Главное,— говорил он,— списки.

Списки составлялись мучительно трудно. Но это сладкая мука. Каждый путешественник знает, если уж сел за списки,—значит, поход имеет шанс состояться. Главная задача списка состоит в том, чтобы, с одной стороны, ничего не забыть, а с другой, не взять ничего лишнего.

Наконец все учтено.

Разногласия вызвал только пункт номер пять раздела «В здоровом теле—здоровый дух». Речь шла о количестве.

Дело в том, что Виталий совсем не пьет, а я придерживаюсь несколько другой позиции. Между прочим, глядя на нас, все знакомые думали, что именно он придерживается несколько другой позиции. В самом деле, кто поверит, что двадцатипятилетний здоровяк, бородач метр-девяносто любит манную и перловую каши, молоко, бисквитное пирожное, кремы и шоколад? В довершение ко всему он не курит. И не ругается.

Даже потом, в лагуне Пильхикай, когда нашу «Марусю» (резинная надувная лодка № 6423204 — в сумме цифр 21) накрыло волной и швырнуло на берег и я, стоя по горло в воде, рычал на всю тундру, проклинал море, небо, землю, всех чертей и все стихии, Виталий молчал.

— Значит, так, Виталий, — прячу глаза и погружаюсь в списки, — ром, водка, спирт, коньяк на смородине...

— Да?

— А что? — стараюсь придать голосу невинный оттенок.

— Сам будешь нести!

— Ну вот я так и знал — вся тяжесть пути на мои плечи!

Но фокус не проходит, и в итоге дебатов в списках остается только ром, поскольку его прислали и с ним надо что-то делать, и спирт для медицинских целей.

Наконец все учтено. В разделе «В здоровом теле — здоровый дух» все — от бинтов и фталазола до спирта и пургена, раздел «Научное оборудование» начинается карандашами и кончается киноаппаратом, НЗ делаем предельно малым — шоколад, мясные кубики, масло, спички в водонепроницаемой упаковке и немного карамели из «долгоиграющих» сортов. В «Средства борьбы с природой» входят нитки, иголки, а также карабин, двуствольное ружье, палатка, лодка, дробь, бинокль, патроны, спальные мешки и многое другое — это самый тяжелый раздел. А с собой ведь еще надо набрать еды, хотя бы на первые пять дней пути. Сколько же все это весит?

Мы тщательно упаковываемся.

Нормальный рюкзак туриста должен весить не более пятнадцати килограммов, поскольку задача туриста идти и смотреть по сторонам, а не тащить. Воспетый

всеми рюкзаком геолога в конце маршрута весит примерно до двадцати килограммов при условии, если по дороге он набрал рудных проб, а это бывает не часто.

Мы прикинули вес нашего хозяйства — получилось больше восьмидесяти килограммов на двоих. Вьючного транспорта у нас никакого. И тогда мы решили, что в пути нужен третий.

Найти третьего члена экспедиции, добровольца, когда до выхода осталось два-три дня, так же трудно, как найти золото там, где его нет.

У Козлова была командировка в соседний район. Мы объяснили ему цели и задачи нашей экспедиции. Мы были велеречивы и вдохновенны, мы педалировали тему лавров в конце пути, старательно упуская перспективные возможных неприятностей в середине. Козлов сдался, в тот же день переиграл район, переписал командировочное удостоверение, а утром на грузовом самолете мы вылетели на мыс Шмидта.

Весьма существенные детали организации: нашу экспедицию никто не финансировал, официально она не была зарегистрирована. Но у нас были друзья.

Глава теории

3 У всех чукчей — приморских и оленных — существовал «праздник благодарения». Праздников благодарения много, и у каждой семьи — свой. Но один раз в конце года (осенью или в начале зимы) приморские чукчи и эскимосы проводили праздник Кереткуна. Кереткун — дух, помогающий семье во всех промыслах, но самое главное — в охоте. Праздник этот очень сложен. Иногда он длится до пяти суток кряду. Некоторые семьи проводят его раз в пять лет, но с обязательным ежегодным праздником его «помощников».

Я не буду подробно описывать праздник Кереткуна, остановлюсь только на существенных деталях ритуала.

Над дымовым отверстием яранги подвешивается «сеть Кереткуна». К сети привязываются деревянные изображения птиц и маленькие игрушечные весла. Веселки эти обмазаны кровью нерпы или же на них кровью делается фамильный знак или просто рисунок зверя. Кроме этого, существует главное весло большого размера или искусно сделанная широкая доска. На ней — изображения всех зверей, которых удалось до-

быть и которых не добыли, но просят их у Кереткуна на следующий сезон. Это так называемое «весло заклинаний».

Деревянное изображение Кереткуна ставится рядом с жирником или на жирник. Там оно и находится до конца праздника.

В коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР есть несколько весел с изображениями на них заклинаниями, которые относятся к празднику Кереткуна. Но самого изображения Кереткуна в музеях нет. И ничего удивительного. По окончании праздника деревянное изображение Кереткуна сжигается на огне жирника. Затем яранга тщательно убирается, подметается пол, мусор и остатки жертвоприношений собираются и выбрасываются в море. Это значит, что все звери, убитые в течение года в море, возвращаются назад, к Кереткуну.

Сейчас все реже справляют этот праздник. Стариков, помнящих обычаи, становится меньше, а молодежь во всех праздниках прельщает только возможность повеселиться, потанцевать, выпить хорошего вина, доставленного с таким трудом в минувшую навигацию.

Конечно, старики ворчат, как и все старики во все времена. Ведь еще Дарий I выбил клинописью знаменитое «Не та нынче молодежь пошла».

С каждым годом все меньше надежды попасть на этот праздник. А если у вас нет чукчей и эскимосов, с которыми вы связаны многолетней дружбой, то это практически невозможно.

У нас друзья были. Мне удалось быть на празднике Луны, на нескольких праздниках благодарения, на весеннем празднике кильвей, на двух осенних праздниках оленеводов — каанматгыргын.

Я всегда стараюсь приехать на праздник, договариваясь об этом за полгода или даже за год. Но на празднике Кереткуна не был, так как долго не знал о нем.

И вот потому, что изображение Кереткуна сжигается и его невозможно достать, было решено найти Кереткуна. А чтобы его найти, необходимо было попасть в такую глубинку, где наверняка отмечается этот праздник хотя бы раз в пять лет, а лучшего места, чем отрезок побережья от мыса Шмидта до мыса Биллингса,

и не придумаешь. Сюда не прилетают самолеты, здесь не причаливают пароходы, а колхозные тракторы и вездеходы добираются сюда редко и с трудом. Чаще всего чукчи сами на упряжках приезжают на центральную усадьбу, где запасаются всем необходимым на сезон, заканчивают свои дела и снова укатывают на побережье.

Добыть Кереткуна — вот первая задача экспедиции. Связанные с ней попутные — найти другие редкие предметы древней материальной культуры. Это основное, чем мы решили помочь нашим этнографам.

Вторая задача экспедиции касалась непосредственно Виталия. Его профессия — маммолог-териолог. Это значит специалист по моржам, нерпам и прочим ластоногим. Суть проблемы, которая его волновала, заключается в следующем.

Существует тридцать пять видов тюленей. Нерпа — один из подвидов. Этот подвид распространен в Охотском море и в водах, омывающих Чукотку. В Беринговом море распространена нерпа Крашенинникова, в Чукотском — *Phoca hispida*, в Восточно-Сибирском море — нерпа бирулаи.

Промежуточная зона ареала тюленей Чукотского и Восточно-Сибирского морей, переход одного ареала в другой — эти вопросы еще не были полностью изучены: в плане института на этот год такой темы не было, и Виталий решил сделать хотя бы предварительную разведку.

Лаборатория, где трудился Виталий, располагала и данными аэронаблюдений, и образцами, взятыми у зверобоев, но это очень мало по сравнению с тем материалом, который можно взять, исследовав все побережье, пройдя каждый его метр, поговорив с чукчами, поохотившись вместе с ними.

Третья задача, которую надо было решить, носила некоторый историко-литературный характер. Речь идет об Алитете. Том самом Алитете, который ушел в горы, чем совершил непростительную ошибку: задал работу многим энтузиастам — любителям чукотской старины и замороженным чукотским Андрониковым. А был ли Алитет?

А что вы знаете об Алитете?

Тихон Семушкин — автор книги «Алитет уходит в

горы» — говорил, что Алитет — персонаж вымышленный, персонаж литературный.

Кажется, ясно, и вопрос исчерпан. Но почему тогда чукотские старики, с которыми я часто беседовал на эту тему (Вальгиргин, Аттувге, Тынывекет — все с западного побережья), которые никогда не читали романа, поскольку читать не умеют, почему они, рассказывая об Алитете, во многом были заодно с автором, и их рассказы кое-чем напоминали некоторые эпизоды романа? Совпадение? Вряд ли.

У Богораза-Тана в его двухтомной монографии «Чукчи» (первый том вышел в 1934 году, а второй в 1939 году в издательстве Главсевморпути) есть упоминание об Алитете как первом чукотском торговце, стремившемся монополизировать торговлю таким образом, чтобы все лучшее стекалось в его руки. То есть схематически это и был образ того Алитета, о котором писал Т. Семушкин. Богораз-Тан написал свой труд и опубликовал его значительно раньше Семушкина. Значит, Алитет реально существовавшее лицо?

И мы с Виталием Гольцевым решили, что новые факты, новые легенды, которые нам удастся собрать из района непосредственной деятельности двух Алитетов — литературного и реально-легендарного, или вконец запутают вопрос, или внесут в него ту самую ясность, ради которой стоит протопать несколько сотен километров.

Таким образом, задачи экспедиции были довольно многогранны. Этнография, биология морских животных, история и литература.

Далеко не на последнем месте был и чисто спортивный интерес. По нашему маршруту еще никто не ходил, а это что-нибудь да значит.

О прелестях полевой жизни писалось уже немало. Обеспечив себе городскую жизнь и городской уют, люди начали тосковать по солнцу и зеленому лугу.

Человечество летает, несется по автострадам, плывет по экзотическим морям, и все меньше людей используют вековечный способ пешего хождения. Но люди уже понимают, и слава богу, что переборщили. И появляются летом тучи туристов.

Но в наших краях туристов нет, руки не дошли (вернее, их ноги), а места у нас — хоть сразу на открытку миллионным тиражом!

Сколько мест прекрасных пройдем мы, сколько увидим! Немножко грустно, что к нашей радости никто не сможет приобщиться: ведь такого ручья больше нет нигде, такой сопки больше нет и такого заката, который был вчера, больше уже не будет...

Глава 4 Старики говорят, что такое холодное лето было двадцать лет назад. *первых дней*
В этом году лед не ушел, и море не было чистым. Льды лежат до самого горизонта, а ведь уже конец июля, лето на исходе. Все ледоколы пришли в Чукотское и Восточно-Сибирское моря. Караваны зажаты льдами. Команды играют на снегу в футбол. Охотятся на нерпу. Глазеют на редких гостей — белых мишек. А мы идем по берегу на запад.

Этот поход странен тем, что заблудиться невозможно. Как бы ни петляла береговая полоса, справа всегда Ледовитый океан. А это значит, сколько бы ни шел, всегда куда-нибудь придется, где есть люди.

В любом походе самые трудные дни — первые. Надо чтобы плечи притерлись к рюкзаку, чтобы спина привыкла к его тяжести, чтобы ноги и твоя обувь привыкли к той земле, по которой идешь; надо чтобы выработалась постоянная, зависящая от рюкзака походка и скорость движения, зависящая от работы, которую выполняешь в пути.

Рюкзаки у нас тяжелы сверх всяких норм. Потом, когда кончится хлеб и первые консервы (их мало, но это груз), станет чуть легче, а сейчас, когда скатываешься по снежному склону береговой террасы, очень трудно встать: рюкзак тянет назад. Самостоятельно надеть рюкзак невозможно, мы помогаем друг другу. На груди в качестве противовеса каждый располагает что-нибудь основательное. У меня — палатка и карабин. У Виталия — ружье и лодка. А у Козлова — спальники и весла.

Все мышцы от непривычки в первые дни ноют. Болят руки, ноги...

Конец июля, идет снег.

Дичи пока мало. В разводьях между льдинами резвятся утки-морянки. Я снял из карабина одну. Козлов — из дробовика вторую. Обед готов.

— Что касается походов, то мне очень нравятся привалы, — делаю оптимистическое заявление Гольцеву.

Виталий устал. Он очень долго петлял на лодке между льдин и, судя по глазам, отчаянно хочет есть.

Все время встречаем медвежьи следы. Следы ведут во льды океана — это белый мишка, умка. Очень хочется его сфотографировать. Кинокамера у Виталия всегда наготове, у меня тоже наготове... карабин.

Однажды вечером встречаем человека.

Неописуемая радость, когда на пустынном берегу встречаешь вдруг человека.

Пастух-чукча довольно сносно говорит по-русски, от него узнаем, что до Куэквины — самой большой реки, которая будет на нашем пути, — тридцать пять километров.

Мы прощаемся и решаем идти еще час, а потом сделать привал.

...Ребята ставят палатку, а я разжигаю костер. Должность ответственного за огонь лежит на мне. Ребята дрожат, от холода зуб на зуб не попадает.

Суп пьем кружками. На четвертое — чай в неограниченном количестве и по два кусочка сахара. Потом табак — в достатке.

Ложимся спать в середине ночи. Виталий хитроумно привязывает свечку носовым платком к веслу, которое заменяет стойку в палатке. Стало хорошо.

Виталий делает записи в дневнике. Я тоже.

Разжигаю костер из одного бревна, и мы расходимся по квартирам. Козлов в персональный спальный мешок, мы с Виталием — в коммунальный. У нас двухспальный, один на двоих.

Из дневника Виталия Гольцева: «Покинули ярангу Топыто. Старик добрый и тихий. По сведениям Топыто и Титалина, моржи тут бывают в редкие годы. Нерпы тоже мало. Их сосед Коптыле добыл немногим более сорока и ходит в передовых. Гренландские киты наблюдались в сентябре прошлого года. О серых — ничего сказать не могут.

Море по-прежнему забито льдами. Идем по косе. Тяжело. За три часа, как покинули ярангу старика, форсировали одиннадцать ручьев. Хочется пить, но воду пить нельзя. Ребята знают об этом и крепятся. Зато на привалах выпиваем по ведру чаю. Официальный отдых — десять минут после часа ходьбы — позорно удлиняется до двадцати, а то и больше. Кормежка нормальная, по паре уток в день выходит. Ребятишки порядком устали.

Только и разговоров о том, у кого что болит и кто чем не может пошевелить. Я тоже ничем пошевелить не могу...»

Утром никто не желает выглядывать из палатки первым. Потому что все видно и так — тундра и побережье покрыты снегом. Решили спать дальше...

По крыше палатки стучит дождь. Он уничтожит утренний снег. Дует сильный ветер. Бревно за ночь почти все сгорело, но угли сохранились, костер разжигается быстро.

Карабин, который мы зарядили на случай, если умке вздумается поинтересоваться содержимым палатки, не понадобился.

Дождь, туман, сильный норд. Идти нельзя, потому что вымокнешь через полчаса, а сушиться негде. Решаем переждать, пока не стихнет. На берегу не видно ничего живого. НЗ нельзя трогать — мало ли впереди будет таких же дней. Раз нет дичи, перейдем на строгий режим. Завтрак (он же обед): по одному сухарю, по три куска сахара, по две кружки чаю и немного масла. Ужин: по сухарю, по кружке чаю, по пять долек шоколаду, по одной конфете «Дюшес».

Мы делаем зарядку, массаж. Мышцы по-прежнему болят. Пока что главная ценность похода в том, что мы вышли из прокуренных кабинетов. Чувствуется резкое обновление организма.

Сидим в палатке при свече. Играем в карты. Иногда раздается безответственный голос Козлова:

— Я бы сейчас и молочную кашку съел.

Я пытаюсь доказать Виталию бесполезность сахара, даже его вред, и совсем уж нелогично прошу выдавать его поболее. Но он неумолим. Он ответственный за продукты, а каптенармусу положено быть скардным.

Мы всего в семидесяти километрах от исходной точки, а нам уже не везет. Ну что ж, это неплохо. Говорят, есть примета — если плохой старт, будет хорошим финиш. В любом случае главное — не терять оптимизма и смотреть, чтобы друг не слишком нагло передергивал в карты. Хотя соль любой игры — нарушение правил.

*Глава
прощания*

5

В походе теряются только нужные вещи, потому что ненужных у тебя нет. Потерял перчатку Козлов. Запасной нет. Сжег на

костре хорошую портянку. Пришлось разорвать одну рубаху. Выходит, портянку нашел, но потерял рубаху. Система «тришкин кафтан», оказывается, очень живуча. Но зато щедрая волна выбрасывает на берег много нужных в нашем походном хозяйстве вещей.

Нашли металлическую флягу из-под бензина для мужских зажигалок. Нашли полиэтиленовый шприц. Нашли металлическую коробку оригинальной конструкции. Пену выбросили, коробку приспособили под порох. Еще одна коробка, наполненная пеной, но уже другой конструкции. На сей раз коробку выбросили, а пену использовали. Кусок свечи — пригодится. Полиэтиленовый кусок метр на полтора неизвестного происхождения. Это пригодится очень.

...В бинокль видим две избушки. Идем хорошо. Через несколько часов нас встречает свора собак. Избушки стоят на берегу Куэквуня. Сверяемся с картой. Отлично, — значит, в среднем мы делаем по тридцать километров в день, как и было запланировано. Вернее, не в день, а за ночь. Мы идем ночью, потому что ночью холоднее. Днем, когда солнце, в палатке очень тепло и спится хорошо. А ходить лучше в холод.

Видимость одинаковая и днем и ночью — круглосуточный полярный день.

...Хозяин избушки чукча Таеургин. Ему пятьдесят два года. Когда-то в этих местах был колхоз имени Куйбышева. С сорок третьего года по сорок седьмой Таеургин был его председателем. Усадьба была на Пильхинской косе. Сейчас от всего колхоза здесь только Первый Председатель. Таеургин отсюда не уходит, это его родные места. Он не может покинуть эти края. Колхоз оставил ему два домика, иногда трактор завозит запасы угля на зимовку, продукты, и снова Таеургин наедине с океаном, с воспоминаниями.

Мы говорим Таеургину, что держим путь к Пильгину.

— О! — говорит он. — Хорошо...

Он не понимает, что у нас нет ассоциаций с Пильгином. Это у него там все связано с его жизнью, а мы-то там еще не были.

Но Гольцев тоже говорит:

— Хорошо...

Сезон тяжелый. Таеургин убил всего двадцать нерп.

Мы рассказываем о нерпах, что встречались нам на пути. Старик собирается на охоту.

— Если б у меня были продукты, я бы вам много дал на дорогу, а у меня сейчас ничего нет... Трактор еще не приходил.

Старик предлагает нам рис и макароны и пачку «Севера».

Мы отказываемся. Мы берем у него немного муки и даем деньги. От денег он отказывается. Мы устраиваемся на ночлег во втором пустом домике. Пока мы с Козловым допивали чай, неутомимый Гольцев успел растопить печь, напустить дыму, изучить чердак и крышу, прочистить трубу, и вот мы теперь в тепле. Виталий вообще мастер на все руки. Он главный набиватель патронов, печник-трубочист, бетонщик, фотомастер, повар и вообще технический гений экспедиции, ее Коммерческий Директор.

Погода как на заказ. Солнце. Мы бежим на реку, моёмся в ледяной воде. Ради такого блаженства можно идти еще час. Но такой день — последний в этом сезоне. Так сказал Таеургин, уходя на охоту.

Ветер переменялся, он будет дуть нам в спину. Решаем после сна поставить на лодку парус и форсировать лагуну. Река стремительная, и нам будет трудно. Но сначала завтрак — и сон.

...Возвращается Таеургин ни с чем. Ему не везет. Устанавливаем на лодке парус. Но резиновую нашу «Марусю» крутит, идти нельзя. Тогда Таеургин грузит нас на свою шлюпку, заводит мотор, и мы потихоньку переплываем реку. Он отвозит нас километра за два, дальше мелководье и шлюпка не пройдет.

Мы выходим на Пильхинскую косу, помогаем старику сняться с мели, прощаемся. Всегда грустно прощаться с хорошим человеком.

Из дневника Виталия Гольцева: «Моржи тут очень редки. В 1964 году их совсем не было. Несколько лет назад вышел на берег очень худой морж. Старик убил его. Валяется старый разбитый череп. В прошлом году было много гренландских китов. Шли близко у берега. Белуха бывает, но не часто. Небольшие стаи идут на восток. На запад белуха не идет, не видел старик косяков, идущих на запад. Спросил о нарвалах. Он не знает. Я описал ему их.

Никогда не встречал. Нерпы немного. Лахтак тоже редок. В реке встречается голец, но мало...»

Так что же держит Таеургина здесь, в местах, покинутых людьми? Может быть, память. Память о том, чего мы не знаем. Это его земля. «Человек ищет, где лучше...» Странная поговорка. А Таеургин не ищет. Он просто всегда вместе с этим берегом, вместе с океаном. Это его земля. И он с ней — и в удаче, и в невезении.

Мы идем к Пильгину. Сильный холодный ветер. Вместо утерянной перчатки я приспособил носок. Второй носок вместо кисета — в нем храним табак.

Вот оно, становище Пильгин. Один круглый деревянный дом, наподобие яранги. И несколько бочек с дровним, как этот дом, жиром морзверя. Стекол в доме нет — выбиты. Внутри дома лед и груды банок. Сотня банок с кабачковой икрой и зеленым горошком. Банки черные. Сдираю этикетку — «Наркомпищепром, 1947 г. Мы старше баночек всего на десять лет.

— Если б мы пришли сюда, хотя бы в комсомольском возрасте, эти банки были бы еще съедобны... — меланхолично замечает Виталий.

Готовим ужин.

...Козлов плохо себя чувствует. Посинел от холода, дрожит. Идет, опираясь на палку. После ужина Козлов говорит, что ему надо возвращаться. Боится, дальше будет хуже.

Мы сидим молча и не смотрим друг на друга.

Ну что ж, мы тоже не предполагали, что поход будет столь трудным. Я отстаю от ребят на сто — сто пятьдесят метров. У меня что-то с бедром. Это от нагрузки. Если Козлов уйдет, часть его груза ляжет на нас.

Конечно, он собрался в экспедицию за один день, а мы грелись ею почти год. Вот в чем все дело. Решение уйти возникло у него после того, как мы подсчитали, что до Биллингса еще три пятах пути.

До Куэкуня возвращаться ему часа четыре. Там надо будет разжечь костер и ждать до тех пор, пока его не заметит старик. Только старик может перевезти его. От костра до дома через реку метров пятьсот, рано или поздно старик заметит.

— Если будет снег и дождь, на берегу есть нар-

ты с толем и брезентом. Соорудишь чего-нибудь...

— Я помню, где нарты...

— Лежи, жди и не ешь все сразу... Придерживайся походной нормы, пока не заберет тебя старик.

— Хорошо, я постараюсь, — отвечает Козлов.

Мы оставляем ему две пачки мясных кубиков, две коробки спичек, плитку шоколада, полноска табаку, соль, мешочек белых сухарей, часть денег, кусочек сала, одеколон, кеды, спальный мешок, чай.

Пишем письма. Он их оставит в Анадыре.

Виталий разливает на прощание по наперстку спирта, пьем из крышки фляги и закусываем целой лепешкой.

Здесь, недалеко от дома, мы нашли очаг, древний очаг, обложенный моржовыми зубами. Берем на память по зубу, и каждый расписывается на нем. Это на память об экспедиции.

Фотографируемся и прощаемся.

Козлов уходит. Я кричу ему, чтобы он помахал шляпой, он машет, я снимаю его на кинолентку.

Все. Нас двое.

— Зачем снимал? — спрашивает Гольцев.

— А зачем на зубах расписывались?

Мы молчим. Все понятно и так. Мы условились, что Козлов даст нам на Биллингс телеграмму, как только появится на Шмидте, ведь с ним может случиться всякое. Нам могут поставить в вину, что мы его бросили. А оставил-то он нас.

Идти трудно. Рюкзаки потяжелели.

На привале убиваем утку и оставляем ее на завтрак. Ужинаем ломтиком сала (граммов двадцать), сухарем и чаем с двумя кусками сахара. Изучаем карту. Если завтра выйти пораньше, то можно успеть... А, к черту пораньше! Будем спать, пока не отдохнем, а потом дойдем до маяка без чаевки. Да, решаем — без чаевки.

А теперь спать, Виталий. Спокойной ночи, дружище!

*Глава
открытый*

6 Жирник с собой мы взять не могли. Он сработан из песчаника, очень тяжел. Фотографируем его со всех сторон, описываем, делаем привязку к местности, координируем на карте и надежно прячем. Когда сюда будет организована экспедиция на моторах, его легко можно будет найти.

В бутылке оставляем записку. Сообщаем, что нас

двое, маршрут и время. Если кто-то будет идти по нашим следам, он увидит ее. Обычный вариант тундровой почты оставлять письма в предмете, необычном для тундры, потому что именно этот предмет будет замечен и, конечно же, обследован.

...На самом горизонте черной точечкой — маяк. Это — половина сегодняшнего маршрута. Затем — к Пяти Холмам. Если нет яранги у Пяти Холмов — разобьем палатку. Но место, судя по карте, очень хорошее, и там должен кто-нибудь жить. Мы придем туда под утро и начнем охоту. Справа от нас все разводья между льдин заполнены птицей. Птицы дремлют. Их тут тысячи.

Все, что вы читали об охоте, можете забыть. Я сейчас на спор поднимаю карабин, стреляю в полыню с закрытыми глазами и попадаю в утку.

— Не надо, — говорит Виталий.

Я ставлю карабин на предохранитель.

— Хорошо, лучше у Пяти Холмов...

Если мы начнем сейчас охоту, много времени уйдет на то, чтобы надуть лодку, съездить за птицей, снова спустить лодку, упаковать ее... А нам надо выполнить план сегодняшнего дня. И еда у нас есть, не надо быть жадными.

Мы идем к маяку.

Я думаю о том, что еще многим вещам мы не знаем названий.

Как назвать, когда ноет спина, болят ступни, ты борешься с отчаянием при виде бесконечных километров, когда паек на целый день ты раскладываешь по шепотке; когда тебе в палатке под свист холодного ветра и нескончаемую дробь дождя снятся сапоги, сами идущие по тундре, и нерпа, большая нерпа-крылатка, которую так и не удалось убить днем, хотя и лазил за ней по торосам и прыгал через разводья...

Мы идем к маяку.

Я рад, что у меня надежный товарищ. Я знаю, еще много лет мы будем вспоминать этот поход и, если когда-нибудь нам что-то надо будет сделать, никто из нас не будет сомневаться в правильности поступка другого, потому что мы верим друг другу сейчас.

Мы идем к маяку.

Так спешишь к любимой женщине после долгой разлуки.

Сначала бежишь, и в голове у тебя ни одной связной мысли, потом замедляешь шаг и закуливаешь и думаешь о том, что вот все кончилось, разлуки нет, и будто ее не было, и ты знаешь тысячу выражений ее глаз, и ты знаешь, что будет тысяча первое, которого ты еще не видел, и будут слова, простые и неожиданные, и будет так хорошо, что ты и не представляешь...

Виталий улыбается своим мыслям. Не слишком ли рано мы думаем о встрече после разлуки? Нет. Просто нам очень хорошо — появилось второе дыхание. Мы втянулись в работу, — значит, мы ее сделаем.

Подходим к маяку, и нас никто не встречает. Маяк бездействует. Подсобка завалена непригодными батареями.

Дом недалеко закрыт на доску.

Мы вынимаем доску из ручки двери и входим.

Две железные койки завалены шкурами. Железная печь. Банки, утварь. В коридоре пара ржавых капканов.

Сундучок без замка. Открываем. Там куски шкур, оставшиеся после шитья, моток ниток, большая железная банка, куски материи.

Открываем банку.

На лице Виталия плотоядная улыбка. Ура!

В банке крупа. Перловка-сечка. Надо же — такое везение! Виталий очень соскучился по каше.

Пока он возится с печкой, я бегу за водой. Но в океане вода соленая. Рядом в болоте — тоже. Ни речки, ни ручейка. Может, поэтому избушка на лето брошена?

Ухожу в тундру и набираю воды из лужицы.

...Вещи многое могут рассказать о человеке. И многое может рассказать отсутствие вещей.

Здесь жили муж и жена, чукчи. Детей у них не было. Уехали они отсюда зимой, не дожидаясь весны.

Почему зимой? Потому что в доме нет вещей, нужных зимой. Нет нарты. Нет капканов — два ржавых не в счет. Нет собачьей упряжки. Нет сетей на нерпу и деревянных рам к сетям. Нет ни одной закидушки и ни одного ремня.

Мы варим полный котелок каши. Масла у нас много, а кашу маслом не испортишь. У нас пир. Мы ставляем записку хозяевам избушки с благодарностью за кашу и с извинением за то, что у нас нет ничего, чем бы мы могли поделиться.

И мы оставляем свои адреса. На всякий случай — ведь мир тесен, это знают все.

Мы прощаемся с маяком, с избушкой и очень уверенно идем к Пяти Холмам...

Кончается июль. Льды в океане — до горизонта. У Пяти Холмов — яранга. Выскакивают собаки и от удивления не знают, как себя вести. Они очень давно не видели чужих людей. Сбрасываем рюкзаки у яранги и входим. Раннее утро, и хозяева еще спят.

Но вот открывается полог, и выглядывает голый Эвугье — хозяин яранги, глубокий старик. Он ныряет назад в полог, и вскоре появляется Тынечейвыне. У нее морщинистое лицо и лукавые глаза. Так и ждешь, что она рассмеется. А вот и их сын — Геннадий.

Тынечейвыне быстро принимается за костер, и не успеваем мы расположиться, как чайник уже кипит. Мы завтракаем, рассказываем хозяевам, кто мы и зачем, объясняем, что шли всю ночь, и просим не обижаться, но сейчас нам надо выспаться.

Переводчиком у нас Геннадий.

Тынечейвыне стелет нам шкуры. Мы решаем спать в чоттагине, не лезть в полог. Накрываемся палаткой. Проверяю часы — семь утра.

...Встаем в двенадцать. Но у Виталия часы показывают тринадцать. В яранге же часов нет, сверить не с чем. Хорошо еще — помним, какое число...

Тынечейвыне разделявает нерпу.

Виталий смотрит на нерпу пристально и как-то по-дозрительно. Я думаю, он сильно голоден, утешаю:

— Подожди чуток, сейчас целое ведро наварим...

Теперь он на меня смотрит так же странно, как на нерпу. Мы молчим.

Наконец Виталий переводит дух и спрашивает:

— Ты когда-нибудь такую расцветку видел?

И тут только я замечаю, что шкура у нерпы совсем необычного цвета — светло-серая, стальная с белизной, она как бы светится в тусклом полумраке чоттагина.

— Нет... а ты?

— ...и я.

Ну, если уж Виталий не встречал такой нерпы, — значит, в институте ее не видел никто!

Я лихорадочно прикидываю запас лаврового листа, ибо всегда в подобных случаях срочно сооружался ве-

нок из этих специй и водружался на голову первооткрывателя. Но листа хватит только на несколько котелков супа, и придется обойтись без торжества. На всякий случай еще раз изучаю карту. Да, это зона промежуточного ареала!

Виталий улыбается.

— Будем охотиться.

Я не знаю, какая улыбка должна быть у первооткрывателя, но она была именно такой.

Гена слышит наш разговор:

— За ярангой много таких нерп. У нас хорошая охота.

Виталий выскакивает за улицу. В куче за ярангой четырнадцать нерп-красавиц.

— Охота отпадает. За работу!

Виталий делает всевозможные обмеры каждой нерпы и вырывает у каждой по зубу. Я под диктовку пишу характеристики, упаковываю зубы в изящно сделанные пакетики, достаю необходимый инструментарий. Наконец-то у нас в руках что-то существенное.

Боюсь только, что за работой Виталий забудет про ужин. И я обещаю ему в честь открытия сварить потрясающий суп из нерпы. Виталий милостиво соглашается, уходит в ярангу, выбирает из таза мясо и бежит к морю мыть его. Я принимаюсь за специи.

У большинства читателей, я уверен, всякое упоминание о нерпе ассоциируется с курткой или шубой... А ведь красивый мех — это не основное, ради чего ведется промысел ластоногих. Практически вся нерпа идет в дело. У чукчей и эскимосов от нерпы отходов нет. Разве что кости, да и те можно отдать собакам и таким образом использовать в хозяйстве. Наверное, именно это натолкнуло промышленные лаборатории попытаться взять от нерпы все. Ее изучали детально и кропотливо. И пошли удивительные открытия. Мозги нерпы можно употреблять в пищу и использовать как сырье для получения лецитина. Кровь ластоногих — сырье, из которого добывается альбумин. Почки — исходный материал для получения препарата, содержащего гормоны адреналина. Семенники заготавливают в качестве медицинских продуктов, имеющих большой спрос на восточных рынках. Из желудков готовят технические ферментные препараты (панкреатин). Из жел-

чною мешка — сухую желчь. Кишечник идет как оболочка для разного вида колбас.

Добавьте к этому кормовое мясо, кожевенное сырье, пищевую муку, жир, технический клей, мороженое, пищевое мясо, витамин А, сырье для лечебных препаратов — камполон, инсулин и желатин. Даже сухожилия и вибриссы (усы) — и те используются. Сухожилия для медицинских нитей (кому делали операцию, тот знает), а усы идут как щетина для кистей. Художники очень ценят этот материал.

Вот что такое нерпа.

Мы сидим у костра и едим нерпу из большой, почти ведерной кастрюли. В яранге — аппетитный запах нашего варева.

Старик Эвугье жмурится.

— Вкусна-а!

Тынечейвыне кивает головой и спешит налить полную миску бульону.

Гена тихо признается:

— Правда... я не ел такой нерпы... долго есть можно... вкусно...

Ну и ну! Гена, который каждый день ест нерпу... Что ж, придется делиться запасами специй.

А все дело в специях.

Для того чтобы из красно-черного мяса нерпы был такой неизвестный хозяевам яранги вкус, надо варить ее с перцем, лавровым листом, чесноком, луком, укропом, солью. Надо соблюдать очередность закладывания этих специй. Но, кроме соли, остальное в яранге не употреблялось. И Эвугье с восторгом и любопытством смотрит на пакетики, которые Гена осторожно берет у меня из рук и передает Тынечейвыне. Эвугье предлагает нам в дорогу взять много мяса, хоть целую нерпу.

Мы смеемся:

— Куда уж, Эвугье, не дотащим!

И заворачиваем в полиэтилен кусок, килограмма на два.

Старик что-то говорит Геннадю.

Геннадий переводит:

— Он говорит, чтобы вы остались на день... он положит печень в лед... и потом будет строганина... он хочет угостить строганиной.

Мы объясняем, что не можем остаться. На наших

лицах искреннее сожаление: строганина из печени — наше любимое блюдо.

— Можно остаться,— говорит Виталий, — но мы потеряем сутки.

Он прав. В этих краях в течение одних суток может наступить зима. А из-за дождей мы уже теряли дни. Надо спешить.

Виталию не хочется огорчать Эвугье, и он авансом отдает должное несостоявшемуся ужину со строганиной. И чтобы окончательно сделать старику приятное, рассказывает о пристрастии в последние годы к жареной нерпичьей печени за рубежом, особенно в Америке.

Последняя фраза наталкивает старика на какую-то мысль. Он что-то быстро говорит и показывает рукой в сторону лагуны.

— Что там, Гена?

— Разрушенная избушка американского торговца. Землянка.

— Чарли?

— Не знаю... того, что дружил с Алитетом.

— Эвугье помнит Алитета?

— Помню,— отвечает Эвугье.— Его отец был шаманом. Шаман Корауге.

— А стойбище Алитета?

— Энмакай... — отвечает Эвугье и машет рукой в сторону лагуны.

Мы с Виталием удовлетворенно переглядываемся. У Семушкина тоже упомянут Энмакай. И мы знаем, что Энмакай рядом, на той стороне лагуны, в одном переходе. И мы идем туда. Энмакай есть на нашей карте.

— Алитет получил от Чарли вельбот... — вспоминает Эвугье, — Алитет дал ему шкуры белого медведя... пять или шесть... и два мешка песцовых шкур... да, два мешка... клыки моржа... много клыков.

— А сколько стоил винчестер у Чарли?

— ...ко-о... не помню... много пыжиков и десять песцов... или лис...

— А когда же Алитет ушел в горы?

Эвугье думает. Вся его хронология в рассказах делится на два периода — «до войны» и «после войны». Старик совсем не помнит годы, он очень древен, и время слилось для него в одну картину, разрываемую войной.

— Он не уходил в горы,— переводит Гена медленную речь старика... — Это было до войны... Приехали из Певека люди и увезли Алитета...

— Арестовали?

— Да.

— Кто еще помнит Алитета?

— ...осталась последняя жена его Рультынеут. Старушка. Встретите ее на побережье или в Биллингсе, когда придете. Может, помнит¹.

Старик о чем-то думает, потом неожиданно говорит:

— Не надо сегодня идти!

— Почему?

— Плохо,— отвечает он по-русски.— Камака будет!

«Камака» означает конец, смерть. Гена объясняет, что старик рекомендует переждать непогоду. У реки на нашем пути сильное течение, резиновую лодку может запросто вынести в океан, ветер южный, сильный, нам не справиться. Пусть переменится ветер, советует старик.

Мы благодарны Эвугье и просим продать нам немного муки. Тынечейвыне живо принимается за дело, отсыпает чашкой из мешка в большой полиэтиленовый пакет. Она готова наполнить его доверху.

— Не надо, Тынечейвыне, у нас и так тяжелый груз. Нам немного...

Мы упаковываемся и обсуждаем наш дальнейший маршрут. Потом я достаю из рюкзака аптечку и отдаю часть аптечных припасов — норсульфазол, кальцекс, анальгин, феноксиметилпенициллин и другое. Объясняю Гене, как этим хозяйством пользоваться. Дело в том, что старик Эвугье простужен и кашляет. Я дал ему принять кодтерпин, и ему полегчало. Но у нас совсем мало кодтерпина. Оставляю весь запас. Гена прячет медикаменты, и мы углубляемся в карту.

— Вот тут,— наконец говорит он.— Вот тут, в стойбище Кынманкавытгыр, вы можете найти Кереткуна. Или чуть дальше, у стойбища Энматгыр.

— Там кто-нибудь живет?

¹ Встретились мы с ней значительно позднее. Да; она помнит его. Но она не единственная его жена. Еще были. Люди из Певека приехали на собаках. Алитет очень испугался. Люди его увезли. В Певеке он покончил с собой, повесившись на ремешке, который был вдет в брюки.

— Нет. Но там оставлены вещи. Возьмите, что надо.

— Нам не нужны вещи...

— Если будут амулеты или Кереткун — можно брать...

— Можно?

— Раз брошены,— значит, не нужны. А люди стойбищ ушли в тундру...

— Ну и что?

Гена удивляется моей непонятливости.

— Праздник Кереткуна отмечается только на берегу. А люди ушли в тундру. Откочевали. В тундре праздника Кереткуна нет.

— А почему ты уверен, что там есть изображение Кереткуна?

— Я не уверен... может быть... Посмотрите хорошо. Только то, что упаковано и перевязано, смотреть не надо, там нужные людям вещи. Они за ними придут.

— Ладно...

Мы прощаемся и уходим. Гена немного провожает нас. По дороге говорит:

— Уже четыре года не отмечался праздник. Они, наверное, сделали Кереткуна и оставили. Раз праздника не было, то его не сожгли... оставили... там надо хорошо искать.

— Значит, нам не придется побывать на празднике?

— Не придется,— искренне огорчается Геннадий.

За эти сутки мы очень подружились с Геней Пучетгиным, и нам жаль расставаться. Но надо идти.

— Атау!

— До свидания! — машет он рукой.

Яранга за спиной медленно превращается в маленькую точку, и вскоре туман накрывает Пять Холмов.

Глава везений

7 Повезло — реку форсировали благополучно, только изрядно вымокли.

Поднялись по берегу вверх по течению почти на километр, чтобы сделать запас на снос, но все равно вышли на тот берег у самого устья. Еще бы немного — и вынесло бы нашу «Марусю» в океан.

Запись в дневнике Виталия Гольцева: «Пока сушится лодка, осматриваем остатки стойбища Энмакай — родного стойбища теперь уже не мифического Алитета. Валяются старые винтовки, карабин неизвест-

ной марки, два американских винчестера — все ржавое и непригодное. Много примусов, остов большой байдары, ящик с инструментами, накрытый листом железа, утварь.

Наша коллекция пополнилась костяной пряжкой и костяным гарпунным наконечником. Идем по тундре, по берегу невозможно: очень сыпучий песок. Сильный туман. Видимость метров двести пятьдесят. Часто встречаются моржовые черепа. На берегу отдохнуть негде, совсем нет бревен. Наконец находим остатки какой-то древней стоянки. Разбиваем палатку.

Уже утро. На льдине видим двух гаг. Одну срезаю из карабина. Надуваем лодку и вылавливаем ее. Гага очень тяжелая — жирная. Алик с энтузиазмом ощипывает ее...»

Ощипанную и опаленную гагу завернули в дергамент, предварительно поперчив, посолив, положили в нее лавровый лист, закопали в песок, а сверху разожгли костер. Гага получилась в собственном соку, нежная и ароматная. Птицу только так и надо готовить — нет лучше рецептов.

Из дневника Виталия Гольцева: «Гага получилась прелестная, но мы в целях поддержания нормального спортивного веса переднюю половину тщательно заворачиваем и прячем в рюкзак. Еды хватает. В двадцать ноль-ноль выходим курсом к Пильхикаю».

Пусть не смущают читателя описания наших кулинарных достижений — как знать, может быть, эти рецепты когда-нибудь пригодятся и ему. У Хемингуэя в исследовании «Как стать настоящим мужчиной» есть такие строки: «В стряпне перед юношей открываются широкие возможности стать настоящим мужчиной». И там же: «Истинный любитель природы должен уметь жить среди нее по-настоящему комфортабельно». Так что не без пользы для читателя еще раз вернемся к этой волнующей теме. А пока мы шагаем по владениям Биллингского колхоза. Это уже новая территория. И природа здесь уже другая. Льды, постоянный туман, сырой и густой, как молоко, суровые скалы и мало плавника. Очень красивые море и скалы. Идти трудно, приходится повторять каждый изгиб береговой черты. А когда идут обрывистые скалы, лезем наверх и потом уходим в тундру. Распадки и ущелья забиты сне-

гом. Однажды наткнулись на километровую трещину. Обойти невозможно. Тогда сняли рюкзаки и, поочередно раскачивая каждый, швыряли их через трещину. Благо ширина ее была в самом узком месте два метра. Потом бросали остальные вещи. Затем прыгали сами. Главное, при разбеге не поскользнуться...

Чаюем около курганчика из дерна, очевидно, древнее захоронение. У самой сопки маленькие холмы, сложенные из костей и черепов животных.

Виталий греется у костра. Перчатки он сжег накануне. Теперь у него пальцы торчат, как у кондуктора.

Холодно. Под утро на шляхах, рюкзаках, оружии и металлических частях весел изморозь и тонкий ледок. Все эти дни очень хочется съесть банку сгущенного молока или много-много сахара. При такой огромной нагрузке нам надо здорово питаться и, главное, калорийно. Виталий говорит, что у него хроническое чувство голода...

В день проходим около тридцати километров. Сегодня — только двадцать пять. Много времени потратили на форсирование перемычки лагуны Кынманкаутхер. Скоро стойбище Кынманкавытгыр.

Раннее утро. Много дичи. Пока я выпускаю из лодки воздух, Виталий замечает плывущего белого гуся. Первый раз видим здесь белого гуся. Виталий снимает его из карабина метров со ста. Есть обед и завтрак!

Много медвежьих и песцовых следов. Встречаются лисьи и заячьи. А на горизонте, за сплошными льдами, видим в бинокль два ледокола. Они идут тяжело и медленно. Шум двигателей слышен даже здесь. На льду, метрах в трехстах от берега, спят нерпы. Поднимут голову, хвост, осмотрятся по сторонам — и снова спать. Из-за разводий к ним не добраться, но в бинокль можно рассмотреть даже их окраску.

Очень споккойно и хорошо на душе. Только иногда шевельнется мысль о Козлове: не случилось ли чего. Но мы гоним плохие мысли. И спешим на Биллингс, потому что Козлов обещал по прибытии на мыс Шмидта, в колхоз Рыркайпия, дать на Биллингс срочную телеграмму.

Дни стали холодными. Подстилаем под спальный мешок лодку, так теплее. И надеваем на ночь по два свитера.

День уходит на детальное исследование покинутых стойбищ Кынманкавытгыр и Энматгыр. Повсюду кости, остатки утвари, шкуры, деревянные части нарт и байдар.

Нашли большое кольцо с костяной ручкой. Остов бубна. Сама шкура истлела. Нашли связку «охранителей» — на кожаном ремешке деревянные рогатульки-амулетики. Такие я видел на весеннем празднике Кильхвей. Нашли несколько костяных крюков, очень тяжелых, сделанных из челюсти моржа. Крючья не можем взять с собой. Мы их фотографируем и координируем находку. Когда-нибудь вернемся и возьмем, а сейчас и без того рюкзаки тяжелы.

Из тумана вынырнула луна, и в десяти шагах мы увидели гагу и нескольких гагачат. Стрелять не стали.

А через несколько шагов наткнулись на гнездо другой гаги. Я сфотографировал ее с дистанции в один метр. Она сидела, закрыв глаза. Чтобы с птицей не случился шок, мы оставили ее и быстро ушли от гнезда.

Из дневника Виталия Гольцева: «Нам везет, много хороших находок. Пока я вожусь с огнем, Алик решил исследовать тундровую зону, примыкающую к стойбищу. Бревна мокрые, огонь разводить тяжело, но выручают «дары моря» — выброшенная на берег бочка солярки. Полыхает огромный костер. И вдруг я слышу выстрелы и крики.

Алик кричит, стреляет, размахивает шляпой и совершает какие-то ритуальные прыжки. Бегу его спасать. Он угомонился, сидит усталый на мокрой кочке. Говорить не может. Улыбка до ушей и совершенно счастливая рожа.

— Лед тронулся? — спрашиваю.

— Тр-рр-онулся... — заикаясь, отвечает он. — Вот!

Виталий долго молчал, разглядывая находку. Деревянная кукла, промытая дождями, иссушенная ветром, потрескавшаяся, старая. Вот он, Кереткун... Богораз-Тан приводил размеры в пределах семнадцати сантиметров. И рисунок. Мы сверяем рисунок с нашей находкой — точная копия. Только наш вдвое больше. Но Богораз давал описание Кереткуна у восточных эскимосов, а тут запад, и, очевидно, этот божок готовился не к Большому празднику Благодарения, а к празднику Кереткуна, совершаемому раз в пять лет.

— Это надо отметить, — говорит Виталий.

Мы идем к костру. Выпиваем по наперстку спирта.

— Я буду готовить лепешки, — говорит Виталий.

Мука у нас есть. Бегу за пресной водой. Виталий в палатке замешивает тесто. И тут вспоминаем, что у нас нет соды. Но такой уж день везений сегодня — молниеносно рождается спасительная идея.

— Виталий, что ты делаешь, когда у тебя изжога?

— Гм... ем соду.

— Правильно... А если нет соды?

— Годится пепел сигареты.

— Молодец! А если желудок почти одинаково реагирует на соду и на пепел, то...

— Годится! Давай попробуем!

Я достаю из костра две ложки отборного древесного пепла, и мы кидаем его в тесто. Тесто несколько меняет свою окраску, но это нас не беспокоит.

Вместо сковородки используем котелок, жарим лепешки во всю площадь дна. Они получаются граммов по двести. И чуть-чуть пышные. Пепел, конечно, не сода, но все же результат приближается к желаемому.

Еще раз выпиваем по наперстку спирта, съедаем по две целых лепешки, много сладкого чая. Ничего, можно пороскошествовать, сегодня мы это заслужили.

Остаток пути мы готовы не только идти, а даже бежать — такое у нас хорошее настроение. Я поминутно достаю из рюкзака идола и не могу насмотреться.

— Вот тебе полиэтилен, — говорит Виталий, — заверни божка и спрячь в рюкзак.

Я упаковываю находку и делаю записи в дневнике.

— Знаешь что? — говорит Виталий. — Давай еще по одной лепешке, а?

— Давай!

*Глава
неожиданных
встреч*

8

Какая-то неясная стоянка. На карте она не обозначена. Всюду моржовые, нерпичьи, медвежьи, лахтачьи черепа. Людей здесь не было давно. Об этом можно легко догадаться хотя бы потому, что берег весь завален нужными в хозяйстве предметами иностранного происхождения, выброшенными волной. Море щедро. Находим две полуторалитровые американские фляги

из хлорвинила, совсем ничего не весят. Японская полиэтиленовая банка на литр. Полиэтиленовые коробки, пены и бутылки. Все это нам очень нужно. Мы меняем тару, в которой был порох. Меняем тару, в которой был рис. Меняем упаковку шоколада. Мы выбросили упаковочное стекло и металл. Сразу груз полегчал минимум на килограмм-полтора.

Интересная особенность: моряки выбрасывают всю эту синтетическую посуду с аккуратно завинченными пробками и крышками. Хороший обычай. Тем, кто на берегу, эти находки полезны.

В четыре часа утра (по нашим часам) из тумана возникают две яранги, а невдалеке у холмика зеленая палатка и рядом.. теодолит!

Ура! Мы спешим к теодолиту! Тут же у палатки рюкзаки, сапоги, мыльница с мылом. Все ясно — свои ребята, бродяги. Кричу:

— Ребята, подъем!

Из палатки появляется одна бородатая физиономия, затем вторая. Потом еще две. Как только они поместились в крохотной двухместной палатке?

Ребята не вылезают из спальных мешков.

— Давно вы в такой позиции?

— Два дня. Будем лежать и третий.

Оказывается, у них давно кончились продукты. Два дня назад прилетал вертолет, но из-за тумана не мог их обнаружить, покружил-покружил, сбросил где-то за сопкой продукты и улетел, а ребята остались ни с чем. Хорошо еще, что рация работает.

Эта четверка — научный отряд из Ленинграда. Руководит отрядом Олег Иванов.

Ребята все лето на побережье. Держатся бодро. Работу уже закончили. Страшно заросли и соскучились по Ленинграду. Мы на правах «свежих» людей вспоминаем новости.

Потом рассказываем о своем пути.

— Как? Пешком со Шмидта? И без рации? Вы что, идете на рекорд или на подвиг?

— Да нет...

— Вас кто-нибудь страшует? За вами следят?

— Никто. Если бы начали все пробивать официальным путем, на одну переписку ушло бы больше времени, чем на поход...

— Тоже верно... Давайте вашу карту,— говорит Олег.

Конечно, с их точки зрения, наша карта не выдерживает критики. Ходить по ней нельзя. Можно только довольно сносно определяться.

Олег достает свою карту-«простыню» и растолковывает нам, как лучше идти. Юрий, Игорь и Виталий помогают ему, объясняя, где и с чем мы можем встретиться.

— Спасибо, ребята!

— Вот что учтите,— говорит Олег.— Вчера получили прогноз. Вам надо спешить. До Биллингса осталось три дня, поддайте ходу. Ожидаем мороз и большой снегопад. Вам снег совсем ни к чему.

— Это уж точно. Третий день все вещи покрываются льдом.

— Если днями придет вертолет, то мы пройдем сверху вашим путем. Мало ли что, на всякий случай,— обещает Олег.

— Ладно. А в яранге живет кто-нибудь?

— Один охотник. Но его сейчас нет.

— Так у него же нерпа должна быть! Почему вы нерпу не едите?

— Едим,— говорят ребята.— Но никак не можем привыкнуть. Не идет она...

— Эх вы, пижоны,— смеется Виталий.

Я достаю остатки наших запасов — две головки чеснока.

— Это для нерпы. С чесноком пойдет отлично, попробуйте.

— У нас еще есть НЗ,— говорит Гольцев.

Но ребята отмахиваются.

— НЗ мы не возьмем. Нет-нет! Вам самим пригодится. А у нас рация, не сегодня, так завтра будет вертолет.

— Тогда держите пачку «Севера»!

— О! Это дело! У нас почти нет курева! Спасибо! Да, а который час? — спрашивает Олег.

— Пять утра... — отвечает Гольцев.

— А у нас четверть третьего!

Мы хохочем.

Прощаемся.

— Будете в Питере, запомните — Фонтанка, три-

дцать три дробь тридцать пять. Обязательно. Удачи вам! Удачи!

Вот и все.

Всего час встречи — и я уверен, будь мы потом в Ленинграде, вспоминали бы ее не один час. Всего час — и люди подружились, и тепло на сердце, хорошо на душе от того, что рядом неунывающие ленинградцы, готовые прийти на помощь.

Такие вот встречи в безлюдной тундре дают колоссальный запас бодрости. И от таких вот маленьких деталей рождается своеобразный вкус северной жизни.

И когда ты потом уезжаешь на «материк», колесишь по городам и пляжам, ты многое забываешь... ты подавлен избытком новой информации. Но вот однажды тебя начинает преследовать запах палатки, и дым костра, и лай собак или шум моря и ветра, начинает снижаться тундра, друзья, оставленные на Севере. Просыпаешься мрачный, с непонятным настроением. Тебя не радует вино и новые знакомства. И родственники надоели. И пальмы на берегу теплого моря кажутся совершенно дурацкими. Ты становишься раздражительным. Любимая плачет, а мама зачем-то сует тебе под мышку термометр.

Все ясно — тебя по рукам и ногам скрутила тоска по Северу.

И однажды ты приходишь домой с улыбкой. Никто не догадывается, в чем дело. Только девушка в кассе аэропорта знает, что у тебя в кармане билет до Анадыря.

Мы идем на северо-запад.

Сегодня мы должны пройти больше, чем обычно.

Глава сенсаций 9 Облезлый песец выскочил из-за кочки, подбежал к палатке и с любопытством уставился на нас. Наверное, он все же знал, что до открытия охотничьего сезона еще далеко и никто сейчас не причинит ему ничего дурного.

Мы сфотографировали наглеца. Он попозировал столько, сколько нам было необходимо, покрутился возле палатки, тявкнул и не спеша удалился.

В тумане идти трудно. Ты не видишь конца пути, нужных тебе ориентиров, и коса кажется бесконечной. И еще утомляет однообразие шагов, однообразие рит-

ма бесконечной песчаной косы, и мы решаем уйти в тундру, как только минуем памятник.

Памятник — это две железные бочки, поставленные друг на друга, а сверху шпиль со звездой. Когда-то тут зимовали во льдах два парохода, и девять моряков погибли. Мы салютуем из всех стволов и идем в тундру.

Из дневника Виталия Гольцева: «Тундра не сырая, но здорово выматывают мелкие ручьи со снегом. Снег рыхлый, мы проваливаемся. Пытаюсь встать, опираюсь на руку, рука тоже проваливается, и я распластан, рюкзак переворачивается через голову. Некоторое время вадумчиво лежу. Потом выбираюсь с помощью ружья».

Памятник давно растаял в тумане.

Здесь редко бывают люди. Разве что зимой охотник на нарте промчится по берегу или проплывет байдара. Чукчи выйдут на берег, разожгут костер, почаюют, вспомнят дела очень давних дней. И пойдут дальше, у каждого свое дело. А у подножья памятника появятся несколько новых камней, свежие кирпичики дёрна, стреляные гильзы — это в обычае тундры салютовать оставшимся тут навсегда. Другие путники будут разжигать огонь на старых кострищах, сжигать оставленный плавник и думать о людях, чей путь закончился тут, у памятника, и о тех, кто ушел дальше, и о своем пути, который тоже кончится, хотя и не знаешь где.

Избушка появляется совсем неожиданно. Это стойбище Уваргин. Единственная избушка — все стойбище. Отсюда будет наш последний бросок на Биллингс.

Вокруг избушки огромные лохматые псы. Они открывают глаза. И только один (наверное, дежурный) для порядка пару раз подал голос.

Встречают нас старики Лелекай и Питычи. Хозяин избушки — Питычи. У него пять дочерей. Старшая — в Марково, остальные — здесь. По-русски старики не говорят. Но Виталий отважно ведет диалог на смеси чукотского, эскимосского, английского, еле-еле русского, звучит несколько японских слов, все жестикулируют. От этого своеобразного эсперанто все вспотели. Я бросаю беседующих и захожу в избушку.

Избушка по типу охотничьих. Сначала — сени, где

хранят утварь, пережидают пургу собаки, лежит добыча. Несколько ступеней ведут вверх, к двери. Открыв ее и согнувшись, вы проникаете в помещение с низким потолком и печью.

Тут много народу. Хозяйка хлопчет у печи. Остальные спят.

В избушке появляется девушка и тут же, взяв нож, скрывается.

— Как ее зовут?

— Людакай, — отвечает хозяйка дома и, улыбаясь, поясняет: — Людмила.

Я беру фотоаппарат и выскакиваю на улицу. Мне очень хочется сделать фото красивой девушки Биллингского побережья.

Представьте себе стройное черноглазое создание с очень тонким лицом, распущенными длинными волосами, пятнадцать лет, румянец смущения, красивый меховой керкер, голые руки и нож.

Вот она разделяет нерпу... Сколько изящества в этой неотделимости от природы, от земли и океана, в этом непередаваемом естестве!

А на улице тяжелый туман, а у меня пленка небольшой чувствительности, и фото выйдет хуже некуда... Я огорчен.

Виталий и Питычи сияют. Они все же договорились на местном эсперанто, и Питычи приглашает Виталия в дом. Едва Виталий протиснулся в тесную комнатку, как начались ахи, охи, объятия. Человек, спавший на полу, оказался его давнишним приятелем, руководителем районной сельхозгруппы. Он идет в тундру искать стада, поскольку точного расположения их не знает и данные о ходе летовки не поступали.

Николай Григорьевич (так его зовут) угощает нас лососем, маслом, сахаром (!), хлебом (!). Хозяйка подает нерпу в двух видах и чай. Мы выкладываем содержимое НЗ — весь наш шоколад.

Николай собирается в путь. Мы даем ему мясные кубики.

Он оставляет нам сахар и полбуханки хлеба.

Эти обмены продуктами всегда трогательны. В тундре заботятся друг о друге. Мы предлагаем ему компас, но он говорит, что знает дорогу и в радиусе тридцати — сорока километров не заблудится, речки знакомые, а

там посмотрит. Идет без палатки и спального мешка. Рискованно.

Мы провожаем Николая, а сами идем заканчивать трапезу. Нам надо выспаться, а потом идти на запад. Последний переход. Питычи советует обойти лагуну у стойбища, а не плыть через протоку. Переводит Люда, говорит тихо и только суть. Улавливаем знакомые «камака».

— Последняя переправа, постараемся... Эвугье тоже говорил «камака»...

— Эвугье? — спрашивает Питычи.

— Ну да, тот, что живет через реку от Энмакай, стойбища Алитета... Питычи знает Алитета?

— Алитет... мой отец!

— ?!

Все остальное — материал для отдельного повествования. Питычи — последний сын Алитета. Когда мы пришли в Биллингс, радио передало интересное сообщение. Лучший охотник побережья Питычи награжден медалью «За трудовую доблесть».

Избушку Питычи мы покинули только на следующий день. Поскольку нам идти до поселка тридцать пять — сорок километров, оставили старику все свои охотничьи припасы — патроны, порох, дробь. Он был очень рад, да и мы тоже: ведь рюкзаки-то облегчились. Старик проводил нас до самой лагуны. Мы обещали когда-нибудь еще раз побывать у него в гостях с хорошей фотопленкой и в такое время, когда не будет этого чертовского тумана. А все остальное будет, как и сейчас, — гостеприимный Питычи и красавица Людмила.

Глава итогов 10 Мы шли всю ночь и в Биллингс пришли днем. Светило солнце. Такого солнца мы не видели ни разу за все дни похода. Говорили, что это мы принесли его на мушке карабина. Большое солнце. Жарко было даже на берегу покрытого льдом океана.

Поселок напоминает небольшой городок из американского кинобоевика. Со всех домов немось выстрелы. Жители сидели на крыльцах своих домов и стреляли. Стреляли они в уток. Это здешняя манера охотиться. Зачем идти куда-то, когда уток больше, чем комаров, они

стоями летят над домами, бесконечный днем и ночью перелет. Направь ствол в небо — попадешь в птицу. Осенний сезон — содрогнись сердце материковского охотника, сидящего в закрадке, мерзнущего в болотном тумане, изобретавшего манки, гудки и резиновые птички манекены; охотника, щедрого на добрые веселые рассказы о постоянной удаче, ведь только на Чукотке можно встретить охотника, говорящего правду, а это, согласитесь, забвение всех охотничьих традиций!

Мы зашли в поселковый магазин, взяли десять банок сгущенного молока, пять громадных буханок свежего белого хлеба. Продащица ничему не удивилась, рассказала, где гостиница и столовая.

Чистые постели гостиницы убивали последние остатки воли. Но печь мы разожгли, а на крыльцо какой-то аноним бросил нам пять уток, помахал рукой и ушел стрелять на берег.

Мы подсчитали дни нашего пути. Пришли на день раньше, чем планировали. Мы уснули — проснулись на следующее утро от белизны, режущей глаза. Снег. Всю ночь, пока мы спали, шел снег. Большими мокрыми хлопьями. Опоздай на сутки — месили бы мы его сейчас своими сапогами.

Что с Козловым? Ведь договаривались же, что он даст на Биллинг телеграмму!

Нам вручили много телеграмм на почте, но от Козлова ничего не было.

Оставалась надежда на Петра Вакуленко, заместителя председателя колхоза, моего давнишнего приятеля.

«Радиограмма Рыркайпий колхоз Вакуленко. На левом берегу Куэжвуня третий член нашей экспедиции решил остаться у Таеургина тчк известий нет тчк шли вездеход розыски зпт результат телеграфируй».

Мы ждали ответа еще день.

Утром к нам постучался радист полярной станции. На бланке было несколько слов: «Поздравляю благополучным прибытием — третий лишний»¹.

Прилетает вертолет. Он вывозит из тундры геологов

¹ Как мы потом узнали, в первый же день Козлов съел весь запас продуктов. Таеургин заметил его костер на следующий день и перевез его к себе. Затем попутный вездеход с прииска «Полярный» отвез Козлова в колхоз.

и топографов. Мы решаем отдохнуть, а потом идти, может, снег растает. Нам ведь надо завершить программу, дойти до Певека. Правда, остался только спортивный интерес, ведь все основное мы сделали.

Но снег идет каждый день, и последний вертолет нас вывозит в Апапельхино.

В Певеке солнце. Совсем другой климат. И мы не теряли в воздухе времени, изучали западную береговую черту. Мы решили все же закрыть участок этого побережья, то есть пройти его уже с запада на восток, пока снова, но уже с запада, не дойдем до Биллингса.

В Певеке попали в плен к друзьям. Они были категоричны:

— В тундре у вас свои законы, а здесь наши! Некуда вам спешить!

— Нам надо идти... здесь совсем погожие деньки, а там снег.

— Скоро и у нас будет снег. Уже, кстати, был.

— Может, мы успеем.

— Но вы уже прошли, считай, четыреста километров!

Мы легкомысленно согласились, забыв, что такое певекское гостеприимство. Баня, медицинское обследование, вино и фрукты, продукты новой навигации, кино и гастроли театральной группы, семейные обеды и ужины («вы должны поправиться!»), смена экипировки, интервью и фото в газете...

Мы взмолились:

— Отпустите, ребята! Теряем спортивную форму!

В Чаунской губе чистая вода. Льды на севере и у мыса Эрри. В стойбище (оно недалеко от мыса) переполох. Показались моржи. Моржи — это еда, обувь, корм для собак, ремни, строительный материал для байдар — всего не перечислишь. Моржи в конце концов — колхозный план. Отстрел их строго лимитируется в соответствии с законом, и чукчи его соблюдают. Но в сезоне еще не было моржей, это первая добыча. Спешно готовятся байдары, вельботы, лодки-дюральки. Охотники собираются в море.

Чукча Аттувге не спешит. Он ушел в конец косы. Он не хочет выходить в море. Он стоит на берегу и кричит, подражая хрюканью моржа. Невдалеке от него мы с

Виталием. Виталий тоже хрипит, соблюдая паузы. Аттувге и Виталий зовут моржей на берег.

И вот один выплывает, второй, третий... Они выплывают на берег, смотрят подслеповато, щурятся от солнца. Старик охотник убивает нескольких.

Мы уходим сообщить женщинам о большой добыче. Сейчас они придут и начнут разделку. Возвращаемся вместе с ними. Старик держится достойно, хотя и не может скрыть радости. Виталий изучает туши, делает записи.

Один за другим отплывают вельботы и байдары в море, к кромке льдов, откуда пришли моржи.

Не везет только Васе Кевкею, моему старому другу. Он молодой, умелый охотник, да вот беда — нога в гипсе, сломал недавно. Так и ходит с палочкой.

— Отвезу вас на мыс, — говорит он, втайне надеясь поохотиться, если мы ему поможем с лодкой.

— Давай!

Мы садимся в дюральку.

Всякий уважающий себя мотор, прежде чем завестись, должен покуражиться. Так и случилось с нашей «Москвой». Пока Вася искал причину неполадки, нас вынесло далеко в бухту. Идем мы на веслах. Наконец мотор чихнул, и мы устремились к мысу.

Иногда из воды показывается круглый шар — голова лахтака. Тогда мы тормозим и стреляем. Каждый по очереди. И всякий раз мотор заводится с трудом.

Мимо Чаечьего мыса решено идти на веслах, чтобы шумом не потревожить птиц. Иначе они окропят вас сверху таким дождем, что впору будет двигаться в баню.

Мы уже второй час в море.

Вася Кевкей давно распрощался с мыслью о крупной добыче. Он махнул рукой на мотор, карабин лежит у него на коленях, мы потихоньку гребем, а Вася потешает Виталия рассказом о том, как в прошлую зиму мы вместе с ним гонялись по торосам за белым медведем. Я хотел его сфотографировать, а вместо уникального репортажа привез разбитый объектив. Но зато из капканов тогда вытащили семь песцов!

Вдруг Вася замолкает и пристально вглядывается в дымку. Дымка дрожит, переливается, в ней отражаются льды. Кажется, что льды — рядом — это полярный мир.

Мы слышим тяжелый всплеск.

— Морж! — выдыхает Вася.

Разворачиваемся кормой, чтобы Васе было удобней стрелять.

Снова тяжелый всплеск, показывается голова моржа, он плывет прямо к нам.

Лицо Васи бледнеет.

— Кеглючин! — кричит он.

Кеглючин — это морж-разбойник. Когда в детстве у моржонка погибают родители, он остается предоставленным сам себе. В борьбе за существование из такого безпризорника вырастает лютый зверь. Он нападает на нерпу, на своих товарищей моржей, более слабых, на людей, на лодки и вельботы. И с ним лучше не встречаться.

— К берегу! — кричит Вася.

Мы отчаянно гребем. Если кеглючин поддаст нашу дюральку, всем придется туго, а Вася не умеет плавать, да и нога в гипсе.

Карабин у Васи наготове, но он не стреляет, он будет стрелять наверняка, в упор.

На гладкой воде по пузырькам мы видим путь моржа. Он не увеличивает скорости, плывет ритмично, прямо к лодке, и расстояние все сокращается.

— Быстрее!

Быстрее мы уже не можем.

Наконец лодка шуршит о гальку. Я помогаю Васе выбраться, а Виталий втаскивает лодку на берег.

Морж показывается в десяти метрах. Вася стреляет... Кеглючин фыркает и ныряет. Пузырьки воздуха показывают его путь. На воде пятна крови, он ранен.

— Это все свечи! — ругает Вася мотор. — Проклятые свечи!

Спустя час мы снова погружаемся в лодку и, держась ближе к берегу, потихоньку на веслах идем к мысу Эрри.

Отсюда до полярной станции Валькаркай (70 градусов 5 минут северной широты) километров двадцать. Мы идем не спеша.

Состав полярной станции полностью обновился, но из старых знакомых там остался Ваня Иванов. Я встретился с ним прошлой зимой, когда мы охотились с Васей Кевкеем.

Мы решаем переночевать на полярке, а потом идти дальше.

Идем без чаевки, на дальнем озере на льдине замечаем — что-то чернеет.

— Чернеет, — протягивает мне бинокль Виталий.

Идем еще полчаса. Виталий смотрит в бинокль.

— Утка, — говорит он.

Смотрю. Да, утка.

Идем еще.

Виталий смотрит в бинокль.

— Собака, — говорит он.

И без бинокля вижу — собака.

Идем еще.

Виталий смотрит в бинокль.

— Кино... — садится он на кочку.

Действительно «кино»: на одинокой льдине в окружении воды стоит олень. Как же он умудрился туда попасть?

Льдина медленно плывет, но вокруг тоже льдины, только поменьше... Мы подходим к берегу, кричим оленю, он смотрит обреченно, будто знает, что спасти его нельзя.

— Он так и погибнет...

— Да...

— А что делать?

— Гм...

Стрелять никто из нас не хочет. Идем к полярке. Вон там, на горизонте, мачты радиоантенны в паутине проводов.

Идет мелкий снежок.

В кают-компании начальник станции Николай Московский пожаловался:

— Извините, кормим вас консервами. Пароходы на рейде, все в первую очередь Певеку, до нас еще не дошли. Ничего пока свеженького...

— Свеженькое рядом, на озере. — И мы рассказали про оленя.

Ребята завели трактор, погрузили на него лодку и отправились к озеру. А там на льдине уже орудовал чукча с Шелагского. Он шел из тундры на усадьбу, увидел оленя, добрался до него и теперь разделявал тушу. Он был рад помощникам. Взял себе голову и часть грудинки. Остальное отдал полярникам.

После обильного ужина мы расположились в комнате у Вани Иванова. Ваня меланхолично вязал морские узлы и вел неторопливую беседу. Витой шнур переливался у него в руках, как четки. Узел средний переходил в бабий: бабий — в выбленочный, тот — в прямой, прямой — в булинь, булинь сменял рифовый. Спешить действительно было некуда: за окном шел густой снег.

— По документам нашей станции, такое лето было только в тридцать восьмом году. Да и чукчи вам, наверное, говорили об этом. Первый караван судов показался напротив нашей станции седьмого июля. Двадцать дней он стоял напротив станции, зажатый льдами, и мы ничего не могли сделать. Ледокол «Ленинград» ничего не мог сделать. Лед двухметровый. Он его крошил, но сильное сжатие все сводило на нет.

Витой шнур тек между пальцев, как вода.

— Потом пришел ледокол «Сибирь». Только двадцать седьмого июля караван пришел в Певек. Вы слышали об этом?

— Нет.

— Короче, самая трудная навигация Заполярья.

Мы понимаем, куда клонит Иван. Он встает, бросает шнур, уходит к начальнику станции и возвращается с бланками прогнозов и метеосводок.

— Вот, смотрите.

Прогнозы самые плохие.

— Этот снег, — Иван кивает за окно, — уже не растает. Это зима. Вот так, мальчики. Идти на восток нет смысла.

Мы молчим. Если вернемся назад, то, значит, дополнительно прошли еще сто двадцать километров. Пятьсот за плечами. Жаль, что не закрыли побережье губы Нольде.

— Ничего, в следующий раз...

— Какое сегодня число? — спрашивает Виталий.

— Тринадцатое августа, — отвечает Ваня. — Выпьем за окончание экспедиции.

— Не только за это...

— А что еще?

— Сегодня день рождения Виталия, — говорю я Ивану. — Сегодня ему стукнуло двадцать шесть.

Послесловие

Этот участок побережья мы закрыли зимой на собачьих упряжках.

А перед этим походом за одну экспедицию было пройдено на собаках почти полторы тысячи километров.

В честь таких походов уэленские мастерицы-гравировщицы по кости выточили пластинки из моржевого клыка. Они вручаются только рыцарям ордена Костяной Пластинки.

Чтобы быть членом этого ордена, надо за одну экспедицию пройти на собаках тысячу километров или пятьсот пешком. Надо, чтобы экспедиция была в тайге или в тундре, в местах высшей категории трудности.

В уставе нашего ордена нет пункта об исключении, потому что в него принимаются только достойные люди.

Об этих людях я еще не раз напишу.

Отражение в реке

Отчет об одной экспедиции

Речное плавание вниз по течению описанию не поддается.

Олег Куваев. Дом для бродяг

1 Куваев прав. Вот почему в первых строках своего отчета мне хочется принести извинения товарищам за то, что не смог их взять в это увлекательное путешествие.

2 И еще нам хотелось опровергнуть тезис О. Генри о том, что «Боливар не выдержит двоих». Известно, когда в экспедиции два пишущих, хорошего от этого не жди. Два отчета об одном и том же будут, как правило, разными. Просто потому, что нет двух одинаково видящих предмет людей или одинаково реагирующих на конкретное обстоятельство. У немцев на этот счет есть интересная поговорка. Переводится она примерно так: «Если двое делают одно дело, они делают не одно и то же».

Но в экспедиции нужен прежде всего человек, чья степень надежности не вызывает сомнений, а то, что он ко всему еще и писатель, что ж, бог, как говорится, простит.

Два участника сплава — молодой писатель Владимир Христофоров и инженер-геодезист Сергей Бурасовский.

Не помню точно, кому принадлежит очень верная мысль о том, что превратить слово в дело гораздо труднее, чем дело в слово.

Литератор, работая, одновременно превращает и дело в слово, и слово — в дело.

Может быть, эти слова помогут объяснить тягу большинства современных писателей к такому жанру, где четкую грань между документальностью и художественным вымыслом провести трудно, подчас невозможно, и объяснят повышенный интерес читателей именно к такого рода произведениям.

Вот и нами предпринята попытка взглянуть на «Дом

для бродяг» Олега Куваева через призму Реки, как он называл ОМОЛОН. Он не давал координаты Реки, и Метеостанции, и Дома для бродяг, потому что, соединив документальность с художественностью, хотел расковать себе руки и быть чуть посвободней, чем в документе.

3 Этот материал посвящен Олегу Куваеву, но в равной мере его можно считать посвященным и Виктору Болдыреву. Оба они писатели, оба мои старые друзья, оба умерли в 1975 году — Виктор Николаевич в феврале, Олег — в апреле. Виктору Николаевичу было шестьдесят лет, Олегу — сорок.

Их, помимо всего прочего, объединяла река Омолон, любовь к ней, неосуществленное желание сплавиться по ней вместе, а приходилось работать врозь, но все равно река была их общим владением.

Виктор Болдырев настойчиво и мне предлагал спуститься с ним вместе по этой реке, но мои планы были связаны с востоком Чукотки.

И вот теперь, когда нет уже Олега и Виктора, захотелось пообщиться к их реке, словно выполнить завещание, как будто встретиться с ними, живыми. И может быть, мне (пока не поздно) удастся узнать, что же ты, Омолон, такое? Что в твоём экзотическом имени?

4 Во время войны студент биологического факультета МГУ Виктор Болдырев вместе с двумя товарищами был вызван в военкомат для особого задания и уже на другой день в транспортном самолете ночью летел в сторону, противоположную линии фронта.

Летели несколько дней.

Им популярно еще в военкомате разъяснили, что фронт теперь проходит всюду.

Приземлились в Якутии. С тех пор Якутия, Колыма, Центральная и Южная Чукотка навсегда вошли в работу, в жизнь Виктора Николаевича Болдырева.

Перед молодыми биологами стояла задача — проводить работу в тундре среди богатых оленеводов, вредительствующих шаманов, отыскивать скрывающиеся стада, поставлять оленьё мясо северным приискам. От того, как будет налажено снабжение приисков, зависит добы-

ча золота, а золото во время войны — это те же снаряды и пушки. От того, как будет налажено снабжение на местах, зависит, сколько материк оторвет от себя для фронта, а не для Севера.

Виктор был в числе первых организаторов совхоза «Омолон». Обо всех этих событиях им написаны повести «Гибель Синего Орла», «Геутваль» и другие. Он верен был этой теме до конца. И все, что было связано с Рекой, было для него родным и близким.

Дело чести омолонцев — увековечить память об этом человеке. Конечно, лучший памятник Виктору Николаевичу — это дело, которое им сделано. Но надо не забывать о молодом поколении, для которого вчерашний день — уже история. Чего греха таить, юный омолонец может прекрасно разбираться в истории Древнего Мира и не совсем четко представлять себе, кому он обязан сегодняшним днем.

Олег Куваев увидел эту реку спустя двадцать с лишним лет после того, как ее увидел Виктор Болдырев. Позже он напишет: «Вокруг реки сгрудились хребты:

Торные горы, Остроконечные горы, Вулканный хребет, а один хребет носил название — Синий. С человеком, который дал это название, я подружился еще в Москве. Он был крупный, седоголовый и, если так можно сказать, настоящей».

Так Олег дает портрет Виктора Николаевича Болдырева.

А в самом начале Олег предупреждает, что более точного адреса Реки и Дома он не даёт «...потому что все-таки это Дом для бродяг, а бродяги должны находить дома сами. Дом этот, повторяю, — пишет он, — есть на самом деле, а не выдуман для рассказа».

И вот мы втроем в июле 1976 года решили найти этот дом. И нашли его. Но об этом позже.

5 На окраине Магадана у самого моря стоит маленький домик. Комната, кухня и небольшая келья-спаленка, переоборудованная, очевидно, из кладовки. Домик на отшибе. Добирались сначала автобусом, затем долго пешком.

Хозяин дома дед Габарит. Откуда у него такая кличка, он нам не рассказывал. Но в километре от него тоже живет старик, его закадычный друг, под кличкой Мери-

ло. Говорят, бывший работник торговли. Отмерял, может, чего?

Этой весной Габарит и Мерило поссорились. Черный пес деда Мерилы по кличке Компот задавил габаритовского ворона — огромный ворон с перебитым крылом давно жил у деда, и очень дед расстроился — не с кем вечера коротать.

В отместку дед Габарит поймал пса и выстриг ему шерсть, сделав прическу на манер львиной, оставив только гриву и пучок волос на кончике хвоста.

Мерило расценил это как личное оскорбление, поскольку наשמки народа над псом принимал в свой адрес, и посему ходили слухи, затеял против Габарита какую-то новую каверзу, но какую — держал в секрете. Ясно одно — в гости пока друг к другу они не ходили.

Мы посещали Габарита нечасто, но все же заглядывали — отдохнуть от трудов праведных, развеяться на свежем морском ветре, разговеться ранней свежатиной — рыбой, нерпой да крабами. В этом деле он большой мастак: и добывать умел, и приготовить.

Володя Христоворов подарил ему вместо ворона пушистого сибирского кота Ваську, котенка, но он был с длинной шерстью и казался уже взрослым.

Дед погладил кота, дал ему жареной корюшки и уставился насмешливо на нас:

— Васькой кличут, говорите?

— Васька, Васька... — успокоил я деда.

— Эх ты, мотыга ясная — Самара — красны рукава! Да кошка же это!

— Как кошка?!

Непонятная его присказка «мотыга ясная» и «Самара — красны рукава» были из лексикона деда Мерилы, а это значило, что Габарит захотел нас совсем уничтожить за этакую некомпетентность.

— Ну, значит, не Васька, а Василиса, — нашелся Володя, и этот компромисс устроил всех.

Мы распаковали рюкзаки, дед сходил в сарай, принес полмешка корюшки.

— Вот и не голодные, — сказал он и бросил несколько штук сразу же запищавшей Василисе.

В доме запахло огурцами — несравненным ароматом этой вкусной рыбы.

Поведали мы Габариту о наших заботах. Нужно при-

личное ружье для похода по реке. Мерило обещал, да что-то молчит. Может, ревнует нас к Габариту?

— Все, говорите, обещает, все сулит? Да у него зряшных обещаний что пропитых денег — куры не клюют!

— Вот у Олега Куваева, — рассказываю я Володе, — была новая бельгийская пистолетная. Красивое ружье.

Дед посмотрел на меня укоризненно, как на последнего дилетанта:

— Да нешто орудю, как бабу, выбирать надо? За красоту? Эт ты у бабы смотри, где ноги, где грудь, где другие места и чтоб справно было... К орудю подход нужен. Найду вам — старое, зато не промахнешься.

— Одно старое у нас есть, шестнадцатый калибр, — вставил Володя.

— Видал я ваш шестнадцатый! С него только в слона стрелять, да и то с пяти метров... Никакой тебе миниатюры!

— Что ж, купим.

— Эт зачем? Так берите, — возмутился Габарит. — Деньги не надо. Не были богатыми и не хрен начинать!

...Утром мы достали нашу немудреную карту. Габарит смотрел на нее, смотрел, ничего не понял.

— Лучше я вам по-своему нарисую, — сказал он.

Он долго и старательно корпел над большим листом бумаги, один раз даже взял в рот фломастер, забыв, что это не карандаш.

Двадцать лет провел на Реке дед Габарит и теперь вспоминал названия рек, речушек, сопков, висок¹, озерков, стоянок, зимовий. И рисовал в одном только ему известном масштабе.

— От первой избушки скоро прижим, потом вот еще два прижима — тут гляди в оба. Река она хорошая, не страшная, все от того, какая вода пойдет. Если большая вода, плохо это, малая — тоже плоховато, а вот надо чтоб в самый раз, средняя чтоб была — и коряги видны, и течение не такое уж... Да от вас это не зависит, как уж повезет.

Дед ходил по комнате не спеша, весь в воспоминаниях. На ногах его были «прощайки». Так называются боты марки «прощай молодость». Они послевоенного изготовления, держались долго, а потом остались в торгсети.

¹ Виска — протока (сиб.).

Ходил он твердо, не шаркал, ногам его в этих ботах было тепло.

— Ах, бляха-муха, невезуха, вот мне бы с вами! Зверья-то там да рыбы... во! И птицы, птицы полно! Глухарь да рябчик в тайге, где поглуше, а к реке жметесь утка, гусь, гагара. На гагару пороху не тратьте... прокто... и никакой тебе миниатюры!

Он тыкал заскорузлым пальцем в неимоверно расчерченный лист:

— Вот тут был дом непонятного виду, сейчас, может, завалился, тогда еще ветх был... давно его строили, до революции. И сделали там склад для хранения мягкой рухляди — мехов да шкурья. От этого дома тропы в тайгу сохранились и сейчас, если надо будет.

(Были мы на том месте. Поселения нет. Замшелые бревна от разрушенных временем домов. Кладбище. Трава высокая на жирной земле. Почему-то всегда на том месте, где когда-то было жилье, растет высокая, в рост человека, густая трава, какой нигде вокруг в другом месте не увидишь.)

Тропы в тайгу нам, конечно, не нужны, у нас одна дорога, своя — Река.

— На Реке хорошо смотреть надо, где и что... не суетись, вода ведь тоже помощник, она подскажет, ее понимать надо... Главное — олимпийское спокойствие. И не торопись, не торопись, вода вынесет. Тише едешь — зато приедешь, не потеряешься...

Дед Габарит любит Реку и скучает по ней. Приехал он в Магадан из-за старухи, а сейчас живет один, и мы не спрашиваем его почему. И не спрашиваем, почему он на Реку не может вернуться... ни к чему это. Если б мог — вернулся б, чего уж тут неясного...

Володе, который был на пороге важных событий в личной жизни, дед советовал:

— Главное, не держись за одну, не то скука и тоска сведут тебя в могилу.

И, глядя на грустного Володю, вздыхал:

— А я вот в тоске много ем... характер такой.

Наутро Габарит выступал с новым кредо:

— Главное, не шатайся от одной к другой... не ищи, где теплее.

Чувствовалось, что этот вопрос дед для себя окончательно не решил, и мы так и не узнали, при чем тут

старуха, и почему он уехал из Омолона, и каким образом Володе следовать его противоречивым советам.

Зато нам пригодилось его меткое ружье, и его секреты ловли рыбы, и разные способы обосновываться на земле и на воде капитально. И, вспоминая помощь его и его бескорыстие, мы думали о строчках Олега Куваева, о том, что «...в дальних поселках живут неприметные люди с тихим светом в душе. Этот свет неяркий и становится заметен тогда, когда смотришь на него сквозь линзу доброжелательности и ум твой не отягощен суетой. Такие люди есть, конечно, и в больших городах. Но в городах они теряются в многолюдстве».

— Надо бы помирить Габарита с Мерилом, — сказал Володя.

6 Любое хорошее предприятие сопровождается тысячами «если». «Если то...», «если это...», да еще «если...». И вообще, все было бы хорошо, «если бы» не было плохо... У нас разных «если» накопилось столь много, что с вылетом на Омолон мы задержались на десять дней. Это подстегивало на определенное сжатие сроков в работе непосредственно на Реке. Но до Реки мы еще не добрались.

Наконец, когда раздалось командирское: «Уйдите с хвоста! Я вам русским языком говорю! Вы что, из ИЛ-14 хотите ЛИ-2 сделать?!» — мы поняли, что находимся в самолете и сейчас полетим, и вся предэкспедиционная нервотрепка позади, и мы ничего не забыли, и снабжены и экипированы — лучше некуда. Была бы погода...

Погода была.

Через несколько часов мы приземлились на пустынной площадке сельского аэродрома, а к вечеру порт был закрыт на несколько дней из-за окрестных лесных пожаров — дымом затянуло полосу.

Планы наши распространялись не только на знаменитую Реку. Мы хотели спуститься с самых верховьев левого притока Омолона — Кедона (Кедон на всем 300-километровом протяжении безлюден, только звери и птицы — представьте, насколько это заманчиво!), а затем, дойдя до его впадения в Омолон, идти по Реке дальше, вниз.

Через час после нашего прилета в Омолон летчик-наблюдатель службы охраны лесов Алексей Петрович

Поповченко (к нему у меня было два рекомендательных письма) предложил на вертолете осмотреть трассу нашего будущего маршрута по Кедону. Сам он только что прилетел с севера своего обширного района, очень устал, но Кедон внашал ему опасения, о которых я еще не подозревал.

Володя и Сергей занялись подготовкой к завтрашнему десанту на Кедон, а я вылетел с Алексеем Петрови-чем на разведку.

Мы летели больше трех часов.

Место нашей планируемой высадки было все в огне и дыму. Среднее течение относительно чистое, но Алексей Петрович поднялся к пилотам, и вертолет пошел над рекой к самому устью. Нижнее течение Кедона представляло столь же печальную картину, как и верховья.

Алексей Петрович вышел из кабины в салон, показал на иллюминатор:

— Смотри!

Я увидел широкий фронт огня, медленно съедающий холмистую неровность лесотундры так же, как огонь съедает бумагу, если ее не поджигать, а бросить на бумагу уголь или поставить на ней сигарету.

Пожар был низовым: он подбирался к речным зарослям ольхи и лиственничным лесам. Узенькая извилистая полоска воды выглядела струей из чайника, поливающей горящий дом.

— Вон туда смотри, — показал Алексей Петрович, — лось, видишь?.. А вот там олень, а тут... — вертолет шел насколько возможно низко, — волк.

Животные стояли в воде, недалеко друг от друга. Беда объединяла зверей.

Вертолет поднялся выше и взял курс на Омолон.

Алексей Петрович сидел молча, он был устал и от-решен. Я его понимал. Мы только что говорили о его возможностях. Но что он мог один, без людей и без техники? Как он мог помочь зверям и лесу в такой дали от поселка?

Перед посадкой в Омолоне он без всякой связи с предыдущим сказал:

— А орел сидит у гнезда и бросается в огонь, но не покидает птенцов и орлиху.

Дым заволакивает и поселок.

— Мы не выбросим вас на Кедоне, — как бы извиняясь, сказал Поповченко, — видишь, как получается. Негде.

— Видел...

...Поздно ночью Алексей Петрович навестил нас и за долгим чаем и вяленым хариусом почти до утра мы обсуждали перспективы и реальные возможности изменения плана.

Решено было спускаться по Омолону прямо отсюда, с поселковой протоки, как это делали Олег и Виктор Болдырев. К сожалению, пройти больше, чем каждому из них в свое время, нам было не суждено.

Человек не должен оставаться один в Арктике, если возможно этого избежать. Может встретиться столько трудностей, почти непреодолимых для одного человека и совсем незначительных для двоих.

*П. Фрейхен.
Арктические приключения*

7 Поэтому нас трое. Мне думается, это почти идеальный вариант для путешествий подобного рода. Вдвоем, согласитесь, скучновато, а вчетвером — многовато. При нашем неистребимом влечении ко всякого рода обильной гово-рильне вчетвером не будет никакой дисциплины, и при этом пострадает дело. А дело страдать не должно ни при каких обстоятельствах.

Неудача с Кедоном нас не обескуражила, в пути надо быть готовым ко всему.

Одному в тайге и тундре быть нежелательно, и Олег Куваев об этом знал прекрасно, поскольку сам работал начальником геологической партии и понимал технику безопасности. На Омолоне он оказался один, потому что Виктор Болдырев был в Якутии и не смог составить компанию, хотя и хотел, зато дал Олегу несколько практических советов. Я же в это время по просьбе Олега искал надувную польскую байдарку типа «Саламандра» и находился в Москве, а когда прилетел в Магадан (не найди байдары), было поздно, и мне предложили менять место работы на самый крайний восток Чукотки, что совпадало

с моими тайными желаниями, и я мог пожертвовать в то время Омолоном.

Так или иначе, но, как говорится, дело прошлое.

На Омолоне ветка¹ Олега перевернулась. Он потерял ружье (отечественное, шестнадцатого калибра), рюкзак, ИЗ и все то, что обычно тонет, когда лодка переворачивается. Об этом он мне рассказывал и впоследствии пытался написать, но не написал.

Он вышел из переделки, потому что был опытным полевиком. И не написал об этом только потому, что стеснялся такого приключения. Приключение не делает чести тундровику, а бросает тень на его профессионализм.

Сейчас лодка Олега находится в зале на одном из левых притоков Омолона, стоит вертикально, заваленная бревнами и лесинами, стоит как памятник.

Мы же сплавляемся на резиновых лодках. У нас с Володиной ЛАС-5-м-2², у Сергея лодка поменьше — ЛАС-3. Мы миновали два прижима и подходим к устью Кедона. Могучий лось стоит на берегу и внимательно следит за нами. Мы гребем прямо к нему. Лось неохотно покидает свое место у реки и уходит в чащу.

Весь берег в лосиных и медвежьих следах. Дед был прав — здесь самое лосиное место. А комаров так много и они такие злые, что, несмотря на обильные запасы «дэты», «Тайги», диметилфтолата и репудина, мы все же не рискуем забираться далеко в лес. Жара под тридцать. Вчера я не выдержал, разделся и ринулся в воду. Она оказалась ледяной, как в Чукотском море.

Красота окружающих пейзажей не поддается описанию — тут нужна кисть художника или объектив фотомастера. Каждый из нас на всем протяжении путешествия не раз воскликнул: «Боже, неужели это Чукотка?!»

...Мы на реке не чужие, это наш дом, земля наша, и, думается, Река не строит нам никаких каверз, потому что относится к нам доброжелательно, и даже звери знают об этом. Вчера, например, к лодкам вышел медведь, постоял, помотал головой, посмотрел на палатку и —

¹ Ветка — маленькая одиночная лодка (сиб.).

² ЛАС-5-м-2 — лодка авиационная, спасательная, пятиместная. Грузоподъемность лодки — 500 килограммов. Вес полностью укомплектованной лодки — 31,5 килограмма. Из тринадцати наименований комплектовки у нас не было баллона, заряженного углекислотой.

ушел. Мы больше всего боялись, как бы он не попробовал на прочность наши ЛАСы, и держали оружие наготове, но не стреляли.

Вообще-то мы вооружены хорошо, это на всякий случай — у нас карабин, ружье и ракетница. Кормит нас Река великолепно, да и у самих запасов хватает.

На Омолоне, его притоках, соседних речках и озерах можно встретить шестнадцать разновидностей рыбы: окунь, карась, чукучан, чир, муксун, пелядь, хариус, ленок, конек, щука, пыжьян, налим, нельма, осетр, чебак, ряпушка. Возможно, я кое-что и упустил. Такая же ихтиофауна типична для Большого Анюя и для реки Колымы.

Омолон — причудливо извилистая река. Только что ты шел на север, и вот уже петля — и лодка идет на запад, затем резко — на восток.

— Куда мы сейчас идем? — спрашивает Володя.

Компас в лодке Сергея, и я снимаю с руки часы. Страны света можно определять по часам, если нет компаса. И операция довольно проста. Время, которое показывают часы (берется целая цифра), делится пополам. Только считать надо от полуночи. Если на часах шестнадцать, считайте их за четыре часа. Полученную делением цифру запоминайте и, положив часы горизонтально, поставьте над серединой их палочку или спичку. Начинайте медленно вращать часы. Когда тень от спички закроет ту цифру, что вы держите в голове, перестаньте вращать часы и учтите, что в это время цифра двенадцать показывает на юг, шесть — на север, ну и все остальное понятно.

8 Сегодня мы встретили семь лосей.

Лоси стоят в реке, они спасаются от комаров. Дед Габарит рассказывал как-то, что некоторые, наиболее слабые, простояв день в ледяной воде, простуживаются и погибают.

А вечером увидели лосиху с лосенком. Черная лосиха лежала как громадное каменное изваяние, а рядом с ней стоял на тоненьких ножках ярко-желтый теленок. Мы подкрадывались осторожно, чтобы Сергей мог сфотографировать их — вся фотоаппаратура у него, он специалист, — но чуткая мамаша нас заметила и увела малыша.

Река подходила вплотную к мрачным черным скалам. Вертикальные стенки высотой более ста метров обрывались прямо в воду. Обнажение обещало быть интересным для геологических находок — все-таки выход каменных пород, а не пустая галька, из которой состоит весь аллювий реки, где невозможно найти приличного образца. Ничего не оставалось нам на берегах во время стоянок, кроме как искать «куриных богов» — все-таки занятие. Если найти их тринадцать штук и нанизать на жилку, получится ожерелье, имеющее, по поверьям, силу амулета, и для имеющего ожерелье предприятие, начатое им, закончится успешно. Забегая вперед, могу сказать, что если судить по итогам нашей экспедиции, то поверье соответствует действительности.

У Олега Куваева в «Доме для бродяг»:

«На ночевку я остановился чуть ниже, где начинались скалы. В скалах торчали желваки конкреций, я тоже их машинально отметил, когда натягивал палатку... В конкрециях вполне могли быть аметисты, как в знаменитом месте недалеко от Магадана... А утром при ярком солнце пошел к подножию скал, чтобы посмотреть, не вывалились ли конкреции, потому что лезть на скалы было рискованно».

Рискованно — это еще мягко сказано. Практически на стенку залезть невозможно.

С нашего берега реки (скалы были на противоположном) мы заметили в скале пещеру. И решено было обследовать и пещеру, и всю эту линию обнажений. Пересекали реку дольше обычного — тут сильное течение на стремнине. Очевидно, в полную воду здесь третий прижим.

Темно и неуютно у подножия. Вход в скалу — на высоте трех-четырёх метров. Чайки, речные ласточки и какие-то неизвестные маленькие черные птички при нашем приближении покидают свои места, кое-где в воду сыплются маленькие камешки. А если сейчас в лодку свалится булыжник с высоты в сто метров?

Я решил лезть в пещеру. Лезть нужно прямо с лодки, даже узенькой полоски пляжа тут нет — сразу вода и скалы.

Лезу осторожно, альпинистских навыков у меня никаких, каждый выступ и расщелину приходится сначала основательно пробовать на крепость, прижимаюсь всем

телом к камням, лезть в резиновых сапогах очень неудобно.

Наконец я в пещере. Она невелика — метров пять в длину. Вся в птичьем помете и в яичной скорлупе. Возможно, здесь был птичий детский сад.

Интересного мало. Выползаю из пещеры, ребята внизу держатся за камни, чтобы не унесло лодки и чтобы при спуске, если мне придется сорваться, я упал в лодку, а не в воду или на камни. Спускаться страшновато, и я тихо переговариваюсь с ребятами, пока выискиваю трассу спуска. И тут замечаю одну конкрецию, вторую, третью! Вернее, все это были половинки «бомбочек», те, что остались в скалах, а другие половинки отлетели и навечно остались на дне. Выковырять эти друзья (каждая из них примерно в два кулака и края вровень со скалой) невозможно, когда ты думаешь прежде всего, как бы не свалиться в воду. Вот если бы укрепить какую-нибудь люльку!

До одного-двух образцов еще можно дотянуться, а до остальных, как говорится, близок локоть, да не укусишь.

Тем более обидно это, что сложены дружки не из аметистов, а из густо-черных кристаллов, скорее раухтопазов, а в одном месте я видел щетку морионов. Аметисты, конечно, тоже должны быть, ведь в природе они встречаются относительно чаще.

...Мы продолжаем путешествие, идем уже несколько дней и с радостью убеждаемся, втайне друг от друга, что у нас полная психологическая совместимость.

Сергей Бурасовский в своей лодке — как старый английский капитан на мостике дряхлого брига. Он не расстается с короткой трубкой — настоящий «Бриар». «Бриар-гарантия!» Легкий домик «Нептуна» плывет над водой, Сергей не спеша поправляет лодку на течении веслами, смотрит внимательно, нет ли зверя или коряги впереди. У него на груди собственной конструкции телевик да к нему еще два зарубежных фотоаппарата — один для широкой пленки, второй — для слайдов, а тот аппарат, третий, с телевиком, заряжен узкой черно-белой пленкой. Фотолетопись путешествия нам гарантирована.

По утрам после завтрака, когда составляем план на день перед выходом в маршрут, я достаю компас, а в

нем, кроме всего прочего, большое зеркало. Выглядим мы страшновато. Лица почернели и опухли от солнца и комаров, носы облезли, неухоженные бороды. А вдруг встретим людей? И как на нас посмотрят в поселке? А вдруг случайная таежная амазонка пригласит Сережу на танцы в сельский клуб? Сережу, мне думается, это обстоятельство несколько удручает, так как к своей внешности он относится с уважением и, глядя в зеркало компаса, иногда таинственно и печально вздыхает.

Сережа принципиально не носит накомарника. Мы же с Володей в накомарниках даже спим, хотя и забираемся в палатку. Сережа с нами в палатке не спит. Он ставит отдельно марлевый полог, устраивается с вызывающей роскошью, ему не жарко, он может спать, раздевшись донага, мы ему завидуем и поручаем во время сна следить сквозь марлю за лагерем, за лодками и нашей палаткой, вообще — не храпеть и проявлять бдительность.

Сережа самый молодой из нас, ему тридцать лет, и самый выносливый. У него очень сильные ноги, я таких ног не видел даже у чемпионов по легкой атлетике. И в расслабленном состоянии икры ног каменные. Сергей может без привала пройти сотню километров по проселочной дороге.

— Я не романтик, я профессионал, — говорит Сергей. — И потому для меня в постели спать лучше, чем в спальном мешке. Я не буду спать на улице, если у меня есть возможность спать в доме.

Мы пасуем перед монолитностью Сережиных убеждений.

— Я думаю, — говорит он, — жить хорошо — это лучше, чем жить плохо... И в двухкомнатной квартире жить лучше, чем в однокомнатной. И что характерно, — скажет мне Сергей через месяц в тундровом маршруте по берегу Ледовитого океана, — что характерно, я заметил, без рюкзака идти легче, чем с рюкзаком.

К тому времени я привыкну к непреложности его философского осмысливания действительности и, конечно, с его кредо соглашусь тут же.

Однажды он нас огоршил.

— Я скучаю по Нине, — просто сказал он.

Это было громом над ясным Омолоном. Согласитесь, в трудных переходах в мужской компании говорить о

тоске по дому не принято. А тут вдруг просто, без шижонства.

Нина — его жена. Перед вылетом сюда она устроила нам в Магадане прощальный ужин, при воспоминании о котором хочется тут же причалить к берегу и распаковать НЗ.

Чтобы не дать окрепнуть в Сережке «нездоровым» настроениям типа тяги к дому, мы обрушиваемся на него с упреками:

— Тебе хорошо! Тебе Нина каждый день курицу с белым соусом готовит! Подумать только — с белым соусом! Как ты ее довел до жизни такой, домостроевец?!

— Ах, соус! — вздыхает Володя и роняет весло.

— Я вам кофе сейчас по-кубински приготовлю, — обещает Сергей.

— Сейчас?

— Можно и сейчас...

Мы тут же причаливаем к косе (есть дрова и хорошо обдувает), разжигаем костер, Сережа с Володей занимаются кофе, а я беру удочку и ухожу на добычу обеда.

Лучше всего хариус берет на перекате. Ловить его можно на овода, на муху, на кусочек рыбы, на мясо, иногда берет на голый крючок, а вчера брал на сырые картофельные очистки. Очистки бросили в реку, они там белели на дне. Вдруг очистки зашевелились. Мы заинтересовались, подошли к воде — стая рыб растаскивала их. Наверное, просто была привлечена белизной картофеля.

Сережа принципиально за ловлю блесной, но на его блесны рыба не шла, и он бросил это занятие. Володя, как бывший охотовед и хранитель природы, вообще чужд ловле и стрельбе. Но он «главный заготовщик оводов». Пока я гребу, он добывает оводов для насадки — они часто садятся на лодку и на нас.

— Да ради такого хариуса, — восторженно кричит он, держа в руках примерно килограммовый экземпляр, — я тебе всех оводов в округе изведу!

Ленок ловится интересней. Надо только снимать поплавок, потому что он атакует поплавок, считая, очевидно, его за живность, и отвлекается от крючка.

Один из способов — найти мелководную протоку с

каменистым или песчаным дном. Если увидите, что играют хариусы, то в улове на два хариуса будет один ленок обязательно. Вы входите в воду по колено, сняв поплавки, недалеко от себя аккуратно опускаете леску. Ленок видит круги на воде и устремляется к этому месту. Но овод с крючком уже на дне. Теперь вы видите ленка. Он ложится на бок, блестит белым животом, как акула во время атаки, и в таком положении со дна захватывает наживку.

Второй способ — снять грузило. Крючок с мухой или оводом не тонет, плывет по воде, и тут же из глубины стремительной ракетой возникает рыба, атака с ходу — и вот она ваша. Преимущество этого способа в том, что рыба не пробует наживку, а берет ее сразу.

Одного ленка хватает для ухи на троих ненасытных таежников.

Надо всегда обращать внимание на поведение речных чаек. Если они галдят на плесе, метушатся, как обычно говорят, то наверняка к перекату приближается стая рыб, рыб небольших. На крупную рыбу чайки не реагируют, так как крупная держится обычно на глубине и только в очень уж солнечную погоду утром играет у поверхности, собирая упавших насекомых.

Помнится, как-то, спугнув чаек с мелководья, я у переката на остатки вчерашней рыбы поймал сорок маленьких хариусов — каждый сантиметров по пятнадцать в длину. Складывать рыбу было некуда, а швырять на берег не хотелось — и я кидал хариусов за голенища сапог, пока ботфорты не были заполнены.

Сеть у нас тоже была. Но за все время похода мы ее так и не развернули, удочки хватало вполне.

...Кофе Сережа приготовил на славу. Котелка на троих не хватило, пришлось заваривать еще. Кофе на природе имеет совсем иной вкус, чем в суматохе утренней кухни. Как и чай, — лучший таежный напиток. Как и вообще все, приготовленное на костре.

Мы проходим большую излучину реки и неожиданно попадаем в полосу дыма, принесенного откуда-то с юга. Опять пожар, на этот раз горит где-то левый берег Омолона.

Все вокруг будто вымерло. Даже комаров вроде бы стало меньше. Звери и птицы ушли на север, куда и мы сейчас держим путь.

Красивых в экспедицию не загонишь. Есть такой объективный закон природы. А если попадет, так и в тундру с пудрой. Видал. Знаю.

*Олег Куваев.
Берег принцессы Люськи*

9 Как-то днем цепкий глаз Сережи обнаружил в лесу на правом берегу реки три белые палатки и одну бревенчатую займку — низкий, с плоской крышей дом. Мы уже пронесли мимо этого места, и пришлось возвращаться вверх по реке бечевой.

— Есть живой кто-нибудь?! — на весь лес закричал Володя, но лагерь молчал.

— Наверное, в маршруте, — предположил Сергей.

Мы направились к избушке.

Но тут из нее неторопливо вышел молодой бородач и, ничуть не удивившись неожиданным визитерам, пригласил входить.

Так мы оказались в гостях у ученых Института биологических проблем Севера, на их стационаре. Все магаданцы. Смеются.

— Вот не было времени за все годы в Магадане встретиться, так хоть в тайге чаю вместе попьем.

Мы налегаем на хлеб и сливочное масло. Хлеб ребята пекут сами. А мы все дни пути на сухарях. И масло у нас — растительное.

Начальник отряда на стационаре — Геннадий Короленко, зоолог. В составе отряда энтомолог Владимир Маршаков и зоолог Николай Докучаев. Несколько особняком держится ботаник Андрей Павлович Хохряков, кандидат наук. У него своя программа.

Мое внимание привлекли белые женские босоножки под нарами. Они настораживали, но спрашивать казалось неудобным, да и больше не было других следов, подтверждающих присутствие здесь женщины, и этот факт — босоножки — я отнес к случайным, не имеющим решающего значения.

Между тем Володя активно интервьюировал энтомолога Маршакова. Сережа Бурасовский снимал на кальку оставшуюся непройденной часть реки, манипулируя синим и коричневым фломастерами, я знакомился с об-

становкой, то есть разведывал, чем бы тут пожить на пользу нашей экспедиции, благо ребята сами предложили — не надо ли чего? — и налегал на чай, пытаясь вникнуть в суть научного быта.

Больше всего соответствовал расхожей модели ученого Володя Маршаков. Если вы представляете себе молодого человека с сачком в руках, с фанатическим блеском в глазах, если вы тут же вспомните Паганеля с его рассеянностью, доброй улыбкой и несгибаемым упорством, то вам легко создать в воображении примерный портрет омонского ученого.

Когда Володя рассказывал о своей работе, сразу становилось ясно, что ничего важнее на свете, чем комары, которых он изучает, нет. И горе тому, кто попробовал бы спорить.

Мы понимали, что Володя Маршаков прав, — так нам от этих комаров досталось. И видели в науке спасительницу от грядущих бед, а в Володе — человека, который в скором будущем найдет средство извести-истребить все комариное племя.

Оказывается, уничтожить их напрочь он вовсе и не собирается, поскольку в природе нарушится биологическое равновесие, а это отразится на рыбе и птицах.

— А что же нам делать в ближайшем будущем? — унылый вопрос повис в стенах избушки.

— Сплавляться по другой реке, — засмеялся Володя.

— А на этой комары будут всегда?

— Всегда...

Володя с таким вдохновением рассказывал о комарах, с каким иной поэт под сенью ночи любимой шепчет о луне.

— А взвесить вы комара можете? Сколько же он, проклятый, весит?

Коля Докучаев отлавливает комара, и вместе с Маршаковым они водружают его на весьма хитроумное сооружение. Даже не верится, что в полевых условиях может функционировать такое чудо измерительной техники.

— Четыре целых и девятую часть сотых миллиграмма, — читает шкалу Маршаков. — Упитанный!

Затем по нашей просьбе он достает коллекции насекомых. Он показывает свое богатство, и мы удивляемся. Никогда бы не подумали, что комарики, козявки, букашки-таракашки могут выглядеть столь красиво. Коллек-

ции продуманы, видна система, а отсюда и гармония — вот в чем секрет.

Да, здесь было чему поучиться. И работоспособности, и энтузиазму, и самоотверженности. Что, к примеру, заставило начальника отряда Геннадия Короленко провести в стационаре в одиночестве всю зиму? До ближайшего жилья, до людей на метеостанции — семьдесят километров. В лучшем случае, людей можно увидеть раз в месяц, когда при хорошей погоде удастся на лыжах самому прийти к ним в гости. А остальное время? Смогли бы вы добровольно обречь себя на одиночество и отсутствие газет на всю зиму? Не знаю...

Все, конечно, зависит от точки зрения, от того, сколько своего настроения привнесет человек — и сразу же меняется, если можно так сказать, окраска предмета. Я видел однажды на юге, как сын моего друга, восьмиклассник Димка, наловив жаб, прятал их за пазуху, приговаривая «хорошие вы мои».

...Колыхнулся марлевый полог на двери — неслышно вошел Хохряков. Андрей Павлович только что из маршрута, устал. Присел к столу. Гостям не удивился, но задумчиво поскреб длинную окладистую бороду. Это ему принадлежит слова о том, что если в городе не встретились и не могли познакомиться, то, слава богу, хоть в тайге не разминулись. Каждый из нас был наслышан друг о друге.

...В избушку стремительно влетел молодой человек в зеленом полевом костюме и белой полотняной фуражке. Человек ахнул при виде гостей, сдернул со стены полотенце и выскочил на улицу. Мы переглянулись — так вот они чьи босоножки!

— Пятикурсница биологического факультета МГУ, — пояснил Хохряков, — практикантка, ботаник. Людой зовут.

И тут пришла Люда. Ничего похожего на того человека, вернувшегося из маршрута, в ней не было. Она умылась, переоделась, а длинные золотистые волосы так шли к ее голубым глазам, что мы онемели, глядя на это омонское чудо. Володя Христофоров начал лихорадочно искать на шее галстук, чтобы его поправить, хотя галстук две недели назад был оставлен в Магадане. Сережа Бурасовский, снимавший на кальку остатки пути, сбился с курса и повел синий фломастер реки в обрат-

ную сторону. Я, по свидетельству очевидцев, вытащил из чужой пачки «Аврору» и закурил, хотя бросил это занятие десять дней тому. Спокойны были только обитатели избушки. Везет же людям — привыкнуть к такому соседству!

Через двадцать минут Володя мне шепчет:

— Может, дальше никуда не поедем, а? Останемся тут, а?

— Эх ты, мотыга ясная... Самара — красны рукава...

Баба на пароходе к разладу. Пора отчаливать. Все вышли на берег провожать нас и фотографироваться.

Люда живет в Белоруссии, и она оставила нам свой домашний адрес. Мы простились, ребята ушли в лес, домой, а омомонское чудо-юдо все стояло на берегу и махало нам рукой. Пока мы не скрылись на первой излучине.

Было светло и грустно. И вся символика ручья, на котором стоит стационар, вдруг стада осязаемо острой — ручей назывался Прощальным.

10 — Я-то думал, что Омолон безЛЮ-Ден. Надо же такое... Ну чего ей в тайге делать? Не случилось бы чего... Вот у Олега Куваева есть рассказ «Берег Принцессы Люськи». Там к трем геологам прилетает на время ботаник (вот тоже — ботаник) Людмила. Ребята стелются перед ней, рвут травушку-муравушку для ее коллекции (она тоже на практике), за нее в маршруты ходят два дня, а та улетает с первыми попавшимися вертолетчиками в поселок, а оттуда в Москву. Ромашки, как говорится, спрятались, увяли, сами понимаете, лютики...

— Наша Люда не гакая, — улыбается Сережа.

— Мне-то что, — говорю я Володе, — вот кончится поход, поеду в Белоруссию, посмотрю.

— Это почему же ты поедешь? У меня-то отпуск уже сейчас. Я могу туда прямо из Билибино.

— А у меня в Минск как раз командировка планируется. Я успею раньше, — успокаивает нас Сережа.

И мы решаем, что все это очень даже хорошо, но зачем так далеко ехать?

Мягкое вечернее солнце тихим светом заливает Реку, мы держимся течения, на Реке теплынь, играет рыба, не кричат гагары, утки суеются у берега, и даже

лось, на которого мы неожиданно выскочили (он по самую голову стоял в воде), не бросился в чашу, а смотрел тревожно, шевелил ушами.

Ничто не нарушало тишину природы, кроме голосов трех человек в двух резиновых лодках на самой середине реки. Они выясняли вопрос — с кем же из четырех мужчин дружит Людмила? — и было им очень обидно.

— Что ж это вы, ребята, скисли? Может, она и не стоит всех ваших треволений, а? Пусть себе живет в столице. Очень красавицы вписываются в столичные проспекты. Так ведь?

— То есть как? Что ж это получается, братцы? Все красавицы в столицах, а мы, значит, пльви по Реке и пльви?! А где же справедливость? Может, мы тоже хотим дружить с самыми что ни на есть красивыми и нежными? Может, мы это давно заслужили?

И тут мы принимаем решение выселить всех самых красивых девушек из городов в тайгу.

Когда решение принято, на душе сразу спокойней, и речные философы занялись прозой бытия — выискивать место для ужина и ночлега.

Вечерний хариус шел быстро, и быстро готовился ужин, и долго пился чай.

...В каждом походе всегда чего-нибудь ищешь. Вот и мы нашли себе беспокойство на целый день.

Разглядываем карту на завтрашний маршрут. Отмечаем пройденное.

— Вот тут безыменная сопка, — говорю Володе, — как назовем?

— Сопка Элен!

(Я тут же вспомнил девушку, которая провожала его в Магадане.)

— А вот безыменный перекал, как обозначим?

— Перекал Элен!

— А этот приток?

— Приток Элен!

— Побойся бога, Володя. Другим девушкам ничего не останется!

— Река большая. Всем хватит...

И вот наконец длинный крутой обрыв. Прижим, наверное.

— Прижим Элен!

(Нет, что ни говори, а настоящим таежникам, несмот-

ря на временные встряски, не откажешь в верности.

...Завтра надо приплыть к горе Мам-Бе, это наш ориентир, там недалеко устье реки Олой. Олой, по словам Олега Куваева, влетает в Омолон, как пуля, выпущенная из карабина. А дальше должна быть метеостанция. Она прячется на левом берегу. Не прозевать бы антенн метеостанции. Итак, главная задача на завтра — не промахнуться, «не промимить», как говорят провиденские гидрографы.

Странное юкагирское название горы Сережа шепчет перед сном как заклинание:

— Мам-Бе, Мам-Бе... не промахнуться бы... Мам-Бе... Мам-Бе.

— А если промахнемся? — не без ехидства спрашивает Володя прославленного геодезиста.

Тот оторопело смотрит на него, молчит. Потом, подумав, рывкает:

— Мам-Бе!

И ныряет в свой полог. Мы, как всегда, устраиваемся с Володей в палатке, тщательно заделывая все щели от комаров.

— Если промимим, — отвечаю я Володе, — то до ближайшего села нам еще плыть сто пятьдесят километров...

Кругом была тайга и желтый свет бабьего лета, когда жалеешь о быстротечности дней.

Олег Куваев. Дом для бродяг

11. Такого сильного течения мы еще не встречали на этой реке.

— Держи ближе к берегу! — кричит Володя. — Скоро протока!

Показались скалы. Где-то тут должен быть прижим и, не доходя полукилометра, станция в глубине протоки.

— Дай ракету, — говорю Володе.

Он стреляет. Я стреляю из ружья.

В ответ тишина. Мы несемся на большой скорости. Но все же успеваем свернуть в протоку. Вылезаем из лодки. Завидев нас, небольшой лось пересекает протоку и уходит в лес. Весь берег в лосиных следах. Протока мелка, судя по всему, глухая. Значит, тут станции быть

не может. Да и лось не вел бы себя столь спокойно, если б рядом были люди, жилье, собаки. Он бы тут не крутился.

Достаем карту и снятый Сережей абрис. Все ясно, мы ошиблись, чуть-чуть не дошли, рядом есть вторая протока. А как туда попасть? Если мы выйдем на течение, нас отнесет. Что ж, надо попытаться.

Мы прыгаем в лодки и тихо выгребаем, но река выносит нас на середину, сильное течение тянет в прижи-мы, к скалам.

Вот и протока. Лодку уносит вниз, и вдруг мы ясно видим антенны радиостанции и два домика. Ура!

Грести против течения — каторга. Выбрасываемся на берег и тянем лодку бечевой. Сережа успел зацепиться чуть раньше. Входим в протоку и шлепаем по воде, пока позволяет глубина. Но вот приходится снова садиться и грести против течения.

На веслах Володя. Он гребет отчаянно, со всей силой страсти и внезапно нахлынувшего энтузиазма. Но река сильна.

Еще рывок! — и правая резиновая уключина лодки вырвана с корнем...

Да... Это трагедия. Теперь нам не только не выгрести, но неизвестно, как сплавляться дальше.

Мы уныло цепляемся за ветки, привязываем лодку к иве, поднимаемся на склон и сквозь заросли кустарника и высокую траву идем к домикам.

Встречают нас два человека и четыре собаки. Собаки красивые, лохматые, черные с белым, удивительно чистые. Они похожи друг на друга, видно, из одного помета.

Люди приглашают нас в дом.

В коридоре банка с дымящей травой — от комарья. В комнате полумрак, прохладно, одно окно. Здесь же радиостанция. В соседней комнате — спальня.

Начальник метеостанции — Михаил Страузов. Он давно здесь. Его молодой напарник Никита Малеев — радист-метеоролог, приехал в прошлом году после окончания гидрометеороучилища в Новосибирске.

Угощают нас ухой. Вместо хлеба — стопка блинов.

По стенам развешаны маленькие кусочки бересты — это картины. Никита Малеев тушью пишет на бересте

репродукции из журнала «Охота и охотничье хозяйство». Выходит у него очень недурно.

На книжной полке чучела двух леммингов, сражающихся на шпагах.

— Тоже твоя работа?

— Нет, — смеется он. — Это Геннадий Короленко делал, зоолог со стационара. Были у них?

— Да. Они должны были предупредить вас по радио о нашем визите.

— Сегодня непрохождение. Ничего не слышно...

Два обитателя метеостанции Усть-Олой выполняют работу за пятерых. По штату положено пять сотрудников, но недостающих трех не найти, никто в глубинку ехать не хочет.

— Вот, — показал рукой за дверь Михаил Страузов, как бы приглашая выйти и посмотреть, — стоим почти на самом Полярном круге.

Сережа Бурасовский вышел, спустился к реке, к своей лодке, и вернулся с полиэтиленовой флягой.

— Сохранил НЗ, — сказал он. — Давайте за встречу на Полярном круге, за знакомство.

Мы разлили по кружкам, хватило и на второй тост.

— Поживите у нас немного, чего торопиться, — предложил Михаил. — Если надо чего — не стесняйтесь.

— Да вот ребятам сигарет бы, — догадался я.

— У нас их тут еще с прошлой смены осталось две тысячи, а мы какие курцы? — махнул рукой Михаил.

Никита принес несколько пачек «Авроры».

— А завтра в дорогу еще дам.

...После обеда Михаил съездил на моторке за нашей лодкой, отбуксировал ее к причалу.

— Этому горю помочь можно, — сказал он. — Никита, посмотри-ка на бане, там у нас лежала порванная лодка.

Через пять минут вернулся Никита с уключиной на большом куске резины:

— Подойдет?

Мы не поверили своим глазам. Бывает же такое везенье!

Освободив лодку от груза, мы подняли ее и понесли к дому ремонтировать. Через полтора часа все было сделано. В яркой зеленой траве осталась лежать до

утра обновленная «Санта Маруся» с черным пятном на оранжевом боку.

— Завтра узнаем, какие мы мастера.

— А баня-то хоть настоящая? Функционирует? — спросил Волода.

— Еще бы! Только воды надо натаскать. Посмотрите — баня из лиственницы! — показывал свое хозяйство Миша Страузов.

Мы тут же объявили воскресник и ринулись к бане. Стали в цепочку — и пошло ведро от реки в кадку. Здоровую металлическую цистерну загрузили водой на всех — и весело загудела печь, согревая камни.

— Пар будет что надо!

Баня удалась на славу. Одно только не учли — как одеваться в предбаннике, полном комаров? Выход был один — стремительный кросс нагишом к дому. Но как бы ты быстро ни бежал, ни кричал и ни размахивал одеждой, комары успевали свести с тобой последние счета, и, вытеревшись насухо, ты обнаруживал, что полотенце в крови.

Распаренные, с густым слоем «дэты» на свежей коже, сидим мы впятером на крылечке, покуриваем, наслаждаемся природой, отдыхаем душой и телом, а рядом у ног четыре прелестных пса — Ляп, Ромка, Светлана и Цирус.

А картины перед нами левитановские — тихая заводь, ивы над водой, дощатый мостик через речку. Кажется, вот сейчас появится на мостике гимназистка тех времен с томиком стихов и заспешит туда, в беседку, где ее давно и нетерпеливо ждет молодой пылкий человек. Вот сейчас на том берегу появится девушка в белом...

И, угадывая мои мысли, Миша Страузов роняет:

— Вот там у мостика недавно появился... Я в него двумя жаканами! Отогнал... Будто он чувствовал, что собак рядом нет, в тайге с Никитой были... и возник... уж он бы тут все проверил!

В комнате затрещал будильник.

— Извините, моя вахта, — поднялся Михаил и ушел в дом.

Вахты здесь через каждые три часа. Каждые три часа надо выходить в эфир. Чтобы не проспять сеанс, в каждой комнате установлено по несколько будильников, все они начинают верещать в одно и то же время, син-

хронно. Но если и это не поможет и дежурный радист будет спать, то включится аварийная сирена: станция должна жить и работать в любое время.

Вспоминается песня и верные слова: «Ведь кто-то должен на земле дежурить...»

Я обратил внимание на топор (без топорича), подвешенный на стене рядом с рацией.

— Когда за день на хозработках наматываешься, рука не чувствует ключа, он же легкий. Подвешиваю к кисти топор, все-таки тяжесть, можно ключом работать, ощущать его. А иначе твой почерк не узнают в эфире. Нам, радистам, вообще-то запрещено больше двадцати килограммов поднимать, чтобы не испортить руку. Ну да разве в тайге за этим следишь?

— Как Никита, прижился здесь?

— Ему здесь нравится, — отвечает Михаил, — разговоров об отъезде не было, наоборот, просятся еще на год. Хорошо тут, если привыкнешь и станешь понимать лес и вообще... все.

— Но ведь ни почты, ни людей, ни самолетов весь год, кроме лета! Это же очень трудно.

— Живем! — смеется Страузов.

— Я бы никогда не согласился жить здесь, — говорит Сергей. — Я не признаю такой романтики. Сколько ты получаешь? Ну вот, и даже денежно не шибко-то стимулируются твои труды! Иди на прииск, вон на соседний. Отмолотил за рычагами двенадцать часов — и гуляй. В конце месяца в ведомости больше, чем у министра.

— Не хочу, — вздыхает Михаил.

— Ну и зря, — настаивает на своем Сергей.

— Замолчи, — урезонивает Володя Сергея. — У каждого свой путь, и не лезь ты, ради бога, со своим уставом в чужой монастырь. Я, например, понимаю Михаила и Гену Короленко тоже.

— А я нет! — не унимается Сергей. — Ни кино, ни театров, ни ресторана, ни женщин, с которыми можно пройти по проспекту, ни жены, в конце концов, ни сходить в гости, ничего! Что же есть? Что?!

— Останься на зиму, — отвечаю я Сергею, — узнаешь. Не трави людям душу.

Спор приобретает ненужный оттенок. Я Сергея вытаскиваю на улицу. Хорошо, конечно, что он откры-

венен, но тут такая откровенность вовсе неуместна.

— Молиться надо на этих людей. А ты их агитируешь все бросить. Эх ты, Самара — красны рукава...

Он курит свой знаменитый «Бриар» и молчит.

— Что будем ужинать? — кричит Никита.

Он на улице возле печи. На Украине во всех дворах есть такие летние дачи. А тихая вода, густой лес, кустарник с высокой травой, печь во дворе, теплынь и сонные собаки — все это создает иллюзию материка.

— Борщ из консервов годится? С зайцем! — кричит Никита.

— Еще как!

Здесь же у крыльца заготовлены высокие поленицы дров, кдзлы, верстак. От крыльца тропинки — к бане, к складу, к метеоплощадке, к другим производственным помещениям, — всюду порядок, который, в общем-то, не в тягость поддерживать двум одиноким мужчинам.

Прямо во дворе на скамейке несколько годовых комплектов журнала «Вокруг света». Очевидно, их и читают на улице, когда хорошая погода и нет вахты.

— И про нас тут есть, — говорит Никита и показывает номер журнала. Это рассказ Олега. — А что с ним случилось?

— Сердце...

— Вот он. Дом для бродяг, — показывает Никита, — вы там будете ночевать.

Крепкий, ладный, с пятью окнами и одной амбразуркой — по два окна на длинных стенах, одно на короткой стене и одно крохотное окошечко — амбразурка в сенях.

— А что там?

— Библиотека наша, одна койка, ящик вяленого ленка, можете пробовать, две комнаты, печь, сени. Вот и все. Мы там не живем. В старом как-то уютней. Это для приезжих, для бродяг, — усмехается Никита.

Михаил закончил сеанс и тоже вышел на улицу.

— У Олега одна неточность, — говорит он. — У него дом бледно-голубого цвета. А на самом деле, смотрите, он бледно-зеленый.

Дом действительно бледно-зеленого цвета. Но я понимаю, почему он показался Олегу бледно-голубым. Олег был тут в конце августа, деревья рыжели, яркой

смарагдовой зелени, как сейчас, уже не было, но холодное небо ярко голубело, и утренняя холодная вода была голубой, и отсветы голубого лежали на домах и тронутых изморозью кустах, и бледная зелень дома терялась в яркости голубого и осенне-желтого...

Я показываю Михаилу нож...

— Узнаешь?

— Да, это его нож. Он был у Олега, когда он ночевал тут, в этом доме...

Это удобный самодельный нож, быстро и хорошо затачивается, ножи склепаны из какого-то особого материала, похожего на мягкий плексиглас, очевидно хлорвинил, заклепки сработаны профессионально.

Олег называл этот нож летним. Возможно, потому, что ножи на морозе затвердевали, не выдерживали, а для лета — в самый раз. Ножи дарить нельзя — к ссоре. Можно дарить только в том случае, если нож участвовал в совместной трапезе, то есть если с его помощью делилась пища.

Олег выслал мне нож из Москвы в Магадан с припиской, что он все сделал по ритуалу, разрезал ножом хлеб и съел кусочек и только потом упаковал нож.

Излишне говорить, что, получив нож, я сделал то же самое. С тех пор нож мне долго служит, и в этот раз на Омолоне он тоже был всегда кстати, а ссориться нам за все время так ни разу не довелось. Можно верить или не верить в приметы, мы сами всегда иронизируем над ними, но обычаи таежные надо соблюдать, — такова традиция.

...Ночуем мы в Доме для бродяг. Михаил выдает нам пологи, мы устанавливаем их в доме, стелем мешки на полу и впервые спим спокойно без комаров.

Утром испытываем лодку. Заплата с уключиной держится лучше новой, прижилась намертво.

Завтракаем, обмениваемся адресами. Никита выдает на дорогу сигареты и две пачки кофе. Я оставляю Михаилу пригоршню патронов для карабина и все жаканы-турбинки, они нам, судя по всему, все равно не пригодятся, а ребятам зимой будут нужны.

Мы отходим, и ребята на моторке идут за нами, провожают. На границе Полярного круга мы выходим на берег, фотографируемся.

Нам идти дальше, а им оставаться. Грустно про-

щаться сегодня, если подружился вчера. Но ничего не поделаешь, «ведь должен кто-то на земле дежурить...»

Твоим горам я путник не чужой.

М. Лермонтов

12 Река течет между скал. Мрачно и холодно. Где-то впереди по курсу горит тайга. На ближайšie два дня пути у нас ориентир — гора Шовин-Бе.

В небе — ни просвета. Все оно от горизонта до горизонта затянуто тучами. Сплошное черное небо. Второй час идет дождь, и, хотя дело к полудню, кажется, будто вот-вот наступит ночь. Мы надели дождевики, штормовки, надувные спасательные жилеты. Жилеты, между прочим, спасают от холода и от дождя.

За очередным поворотом реки налетел шквальный ветер, волны и ливень заливали лодки. Вычерпывать приходилось на ходу. Дважды приставали к берегу, тщательно упаковывали все, что оставалось сухим, но если лодка полна воды, то рюкзаки уже ничто не спасет. Вымокло все, что могломокнуть.

Сейчас важнее всего согреться. Мы промокли до костей — не спасают ни штормовки, ни нейлон, ни кожаные куртки. Все мокро. И мы мокры, как хариусы. Очень холодно.

— Пневмонийный вариант, — шепчет Володя.

Пристаем к берегу, но палатку ставить бессмысленно. Она мокрая. Если сидеть под ней, то от холода очень скоро можно дать дуба. Только огонь и движение — наши помощники.

Собираем на берегу плавник и то, что когда-то было сухими ветками. Но как всю эту кучу зажечь, если дождь идет сплошной стеной — можно протянуть руку и проткнуть стену воды, такая она плотная.

Внутри кучи прячем один фальшфайер, затем второй. Каждый горит по восемь с половиной минут, термиту вода не страшна. Спасибо военно-морскому ведомству — с помощью фальшфайеров костер начинает дымиться и вот уже горит, несмотря на воду. Мы огонь всячески охраняем. Ставим варить гречневую кашу и чай.

Вместо стола на стволе поваленного дерева укрепля-

ем лосиный рог. Большая лопата лосиного рога — прекрасная столешница. Каша идет так, что трещит за ушами. Чай выпивается весь. Настроение улучшается.

Только не стоять на месте!

Мы опрокидываем лодки, выливаем воду, снова перетаскиваем на них груз, сталкиваем в воду — и пошли опять вниз по течению.

Километров через пятнадцать по нашим расчетам должна быть избушка. Но это примерно три часа пути. А на каждом из нас не найти ни квадратного сантиметра сухой одежды. Даже в сапогах хлюпает вода, хотя ботфорты подняты до отказа.

Идем еще час, и, честно говоря, настроение ухудшается — погода без изменений и никаких даже отдаленных перспектив, хоть бы окошечко в небе.

Грести — единственный способ согреться. Темень. Черное небо, черный дождь. От воды спасенья нет. Лодки опять полные воды. Никогда в своей тундровой кочевой жизни я не попадал в такой переплет.

Еще через час немного светлеет. Это там на горизонте чуть-чуть раздвинулись тучи. Немного стих дождь. Мы с Володей наблюдаем, как струя дождя, соприкасаясь с водной гладью, порождает высокий столб воды, как ответную реакцию реки. Будто небо и река навечно скреплены этой сплошной непрекращающейся нитью воды.

Мы наблюдаем с Володей за водой, за дождем, за небом, а профессиональный глаз Сергея шарит по берегу, и вот раздастся его ликующее:

— Избушка-а!!!

С нашей безмятежностью и желанием преодолеть трудности мы бы давно достойно загнулись, а человек, далекий от романтики и имеющий реальное представление о жизни, нашел реальное спасение. Мы бы с Володей избушку прозевали.

Мы молчим. Никому не хочется отпугнуть неожиданно привалившее счастье. Каждый готов к тому, что это не избушка. Тяжелые факты надо принимать достойно.

— Все-таки там избушка, — громко повторяет Сергей.

Мы гребем к берегу изо всех сил, никогда еще так не старались.

В зарослях ивы стоит небольшое строение с пло-

ской крышей из толя, вместо двери — ватное одеяло, стены из какой-то дырявой черной пленки. Кое-где протекает потолок. Сразу же чиним крышу и по возможности стены.

Главное, есть печь. Железная печь и потолок над головой. Чего еще надо? Раньше такое жилье называлось поварней.

В этой времянке одни нары, двое уместятся. Наращиваем стол у противоположной стены и превращаем его еще в одни нары, благо дерева тут достаточно, срубили две слеги, укрепили, вот и постель готова.

Перетасили в поварню все вещи. Теперь растопить печь, раздеться и обсушиться. Скорее разоблачиться, пока не остыли.

Печь весело гудит, раскраснелась, мы жмемся к ней, греемся и сушимся. Решено пировать: жареный картофель. Консервы из НЗ! Кофе со сливками! Галеты и сухари! Сигареты!

Пусть льет, как при потопе, над нами не каплет!

Спать, спать...

Спальный мешок, несмотря на брезентовое покрытие и полиэтиленовую упаковку, все-таки кое-где подмок. В щель рядом с изголовьем дует, но если свернуться калачиком и залезть в мешок с головой — жить можно.

Никто не кашляет. Жизнь прекрасна.

Нам еще повезло. Обычно в это время с 17 до 19 июля, три дня подряд, идет снег. Это в Анадырском районе и здесь, в Билибинском, на границе с западом Анадырского района, ежегодная история. Странное явление природы. А сейчас вместо снега дождь. Просто и понятно.

У меня с собой полевой дневник Б. Зонова, изданный в Иркутске в 1931 году. Называется «Описание бассейна реки Омолон». Когда утром мы заглянули в него, то обнаружили сведения о снеге в 1928 и в 1929 годах и тоже в промежутке от 17 до 20 июля.

Надо будет рассказать метеорологам. А вдруг где-то рядом истина? Ведь известно, дилетантам чаще везет на открытия, вдруг и мы, сами того не желая, сослужим науке службу?

— Только науки нам сейчас не хватает, — ворчит Володя.

Но ворчит он притворно. В душе у всех такое умиротворение, что невольно приходят на ум странные мысли о счастье. Спросить сейчас любого из троих, чего еще надо для полного счастья, никто ничего вразумительного не смог бы сообщить. Действительно, тепло, светло и комары не кусают.

Одна забота — что завтра будет с рекой? Неужели всплунет от дождей? Полная вода нам ни к чему. Острые концы торчащих топляков (преимущественно листовенница) видны в малую воду, а сейчас будут скрыты, и, значит, возможность напороться на один из них возрастает с увеличением уровня воды.

Утром просыпаемся поздно — дает знать усталость вчерашнего дня. На улице все то же — моросит дождь, небо обложено, никакой видимости. Будем выжидать до полудня.

После обеда принимаем решение выходить. По нашим расчетам, через пять часов должна быть заимка старика рыбака. Ее прозевать мы никак не можем — она должна быть на высоком берегу и видна издали. Даже если мы за это время снова вымокнем — не беда, опыт у нас уже есть, не сахарные — не растаем.

По традиции надо что-нибудь оставить в избушке. Мы оставляем спички, полпачки сигарет и бутылку репудина. Репудин обматываем лейкопластырем и пишем на нем записку. Кому-то наш антикомарин пригодится.

Когда мы вышли на стремнину, неожиданно туман пополз вверх и наш ориентир гора Шовин-Бе стала видна как на ладони. Мы ахнули — гора от вершины и почти до подножия была в снегу. Значит, снег все-таки выпал и странное метеоявление повторилось и в этом году. Сегодня 20 июля — все в том же числовом промежутке.

Проклюнулось солнце, дождь прекратился, и стало холодно, как зимой. Мы натянули свитеры, рукавицы, шерстяные носки, но все равно было холодно. Через каждые полчаса приставали к берегу и, чтобы согреться, прыгали на гальке. Дважды делали незапланированные чаевки — вот она зима летом!

Нет худа без добра: и пожар таежный погас, и кома-

ры пропали, и гребем с удвоенной энергией, значит, и идем быстрее.

Вот так мы досрочно встретили зиму, потом здесь же на реке через несколько дней проводили ее и снова оказались в начале осени и шли все дальше, продолжая со скоростью реки свой путь.

13 Этот поход имел продолжение — спустя три недели после его завершения мы вместе с Сергеем Бурасовским оказались в Восточно-Сибирском море, немного поштормовали и высадились на его берегу — в устье реки Кремьянки. Это тоже куваевские места. Когда-то здесь было его «поле».

В устье реки у самого Ледовитого океана стоял домик чукотского охотника Василия Тумлука, старого приятеля Олега. В повести «Не споткнись о Полярный круг» Олег писал: «Тумлук — охотник. Два года назад я проходил под его руководством курс вождения собачьей упряжки и весенней тундровой охоты на гусей. Прошлом лето по просьбе Магаданского краеведческого музея мы вместе искали розовых чаек. Нам есть, что вспомнить...»

Первый раз я попал на эту реку в 1970 году в составе отряда из четырех человек, занимавшегося поисками полудрагоценных камней. Мы вышли к избушке в конце дня, преодолев по кочкастой тундре двадцать километров с грузом, очень устали и были голодны.

Над тундрой бесновался шквальный ветер, а на море свирепствовал ураган. Мы натаскали гору плавника, облили его бензином — благо бочек тут было выброшено морем в избытке, — подожгли, но ветер был такой силы, что огонь не мог подняться, а стелился по земле, был ниже травы.

Такой огонь не согревал. Спасла избушка.

Хозяина не было. Да и судя по обстановке, его не было с самой весны. Очевидно, ушел после охоты в Усть-Чаун до зимы.

Мы подмели пол, вычистили печь, нарвали травы и застелили ею пол в комнате и в коридоре.

В окне было два пулевых отверстия. Стреляли с улицы (видно, резвились браконьеры), а в комнате выломано несколько досок прямо из стены.

Утром на большом куске толя мы написали письменное обращение ко всем, кто посетит дом, с просьбой беречь его, охранять, по возможности ремонтировать.

На столе в избушке я оставил книгу Олега Куваева «Птица капитана Росса» и записку Васе Тумлуку: «Вася, эту книгу написал геолог Куваев, тот самый, с которым вы ездили на упряжке здесь и на Айоне. В этой книге есть про тебя. Олег просил передать тебе привет. Спасибо за ночлег — в избушке мы все оставляем в порядке».

И мы пошли к нашей базе, на этот раз не по тундре, а петляя вместе с руслом реки. Мы все время работали в воде, было холодно, но обилие находок поразило нас и радовало, и мы готовы были работать дотемна. Тогда у нас родился пароль: «Дойдем без чаевки!»

Когда было особенно нелегко и кто-нибудь предлагал костер и чай, обязательно находился человек (один из четырех), который бурчал — «дойдем без чаевки», и это было как право «вето» в Совете Безопасности, все обязаны были подчиняться... И мы-таки дошли без чаевки.

С рекой Кремьянкой у меня связан один из счастливых периодов жизни. Или здесь я сделал для себя и внутри себя какое-то открытие, или был близок к моменту истины, или еще что-то нашел, чему нет названия, но потом эта река снилась мне, я тосковал по ней, как тоскуют по женщине, меня тянуло к ней, тянуло к ней непреодолимо, я думал, что сойду с ума.

Работал я тогда на самом востоке Чукотки, очень далеко от реки, и врач сказал моей жене: «Пусть он сделает, что ему хочется, возможно, тогда успокоится».

Я бросил все и ринулся на запад. Через несколько дней уже был в Певеке и знакомился с капитанами плавсредств на предмет доставить меня туда, на Реку, и оставить.

Помог мне старый приятель — командир вертолета.

— У меня облет в этом районе, ищем московских геологов. Давай с нами. Найдем — отвезу попутно на реку.

Мы летали весь день и нашли отряд из четырех человек. Командовала отрядом женщина — кандидат

наук. Еды в отряде не было давно. Мы сразу устроили чай, достали консервов и подки.

— Вот теперь давай на Реку.

Я сидел между пилотами в стеклянном колпаке МИ-8 и смотрел на тундру и думал, узнаю ли Реку, смогу ли вывести вертолет прямо на бывшую нашу базу. Я волновался, как перед встречей с дорогим человеком.

Реку я узнал, и приземлились мы точно. В нашем тайнике я нашел свечи, керосин, примус, соль, спички, миски — все, что оставили два года назад, было в сохранности.

Москвичи попросили разрешения взять несколько сарделер из кучи, что была оставлена нами.

— Берите... Река принадлежит всем.

Я умылся в Реке, выпил воды и пошел вниз по течению поискать халцедоны. Почти у самого вертолета появился дикий олень, увидев людей, подпрыгнул, бросился в кусты.

Геологи взяли карабин и пошли за оленем. Вернулись через час, неся на шкуре мясо.

Пришлось устраивать большой ужин.

Свидание с Рекой состоялось, я был умиротворен и счастлив.

Когда мы поднялись, я попросил командира сделать небольшой крюк, выйти к океану и пролететь над избушкой. Мы прошли низко, из трубы домика вился дымок, но людей вокруг не было. Может, Вася Тумлук был где-то недалеко, рыбачил.

С тех пор прошло еще несколько лет — и вот мы с Бурасовским здесь, на берегу, я в третий раз пришел к Реке. Излишне говорить, пришлось потому, что вновь почувствовал мне зов Реки, я тосковал и видел ее во сне и, хотя от Омолона еще не очухался, устремился в океан.

Маленькое гидрографическое судно высадило нас. Домика в устье Кремьянки не было, его сожгли. Кто? Зачем?

Я пожелал, чтобы эти люди оказались когда-нибудь без крыши над головой.

Река изменилась, была мутной и мелководной, мне показалось, что она даже постарела, как человек. Светило яркое и теплое солнце, синяя зеркальная гладь океана отражала в себе белые хлопья облаков, нерпы рез-

вились у нашей сети, я сидел у костра и не курил. Прескверное это занятие — не курить из принципиальных соображений.

Мне думалось: хорошо, что Олег Куваев никогда не узнает о сожженном домике, который так часто согревал его.

Через три дня судно пришло за нами, мы уходили в Певек. Я прощался с Рекой и мечтал о свидании с ней в четвертый раз. Промаршрутить бы ее всю не торопясь, думалось мне, дней десять вполне бы хватило.

Прекрасный писатель и яркая личность — явление редкое. И каждый человек неповторим, как неповторимы реки. И те, кто знал Олега, столь же счастливы, как и те, кто познал Омолон и Кремьянку. И, пожалуй, повезло и тем, кто не читал еще книг Олега и не пил еще из Реки. Им предстоит радость открытия.

Содержание

Спроси заклинателей духов. <i>Рассказ</i>	3
День большого везения. <i>Рассказ</i>	18
Инфаркт. <i>Рассказ</i>	39
Запах мимозы. <i>Рассказ</i>	57
Случай в Коктебеле. <i>Рассказ</i>	73
Собачий вальс. <i>Рассказ</i>	93
Два моржа. <i>Рассказ</i>	105
Очень жарко. <i>Рассказ</i>	110
Чаю захотелось... <i>Рассказ</i>	119
Перегон лошадей к устью реки Убненки. <i>Повесть</i>	132
«Крестовый поход» на блондинок. <i>Повесть</i>	198
Орден Костяной пластинки	229
Отражение в реке	267